

Т Р У Д Ы
УЗБЕКИСТАНСКОГО ФИЛИАЛА
АКАДЕМИИ НАУК СССР

СЕРИЯ I
ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ

ВЫПУСК 2
ТЕРМЕЗСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ
КОМПЛЕКСНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1936 г.

Институт истории, языка и литературы

ТРУДЫ
УЗБЕКИСТАНСКОГО ФИЛИАЛА
АКАДЕМИИ НАУК СССР

СЕРИЯ I

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ

ВЫПУСК 2

ТЕРМЕЗСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ
КОМПЛЕКСНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1936 г.

Ответ. редактор *Л. В. Баженов.*
Техн. редактор *Л. Ф. Демидова.*
Корректор *К. А. Сидорова.*

Сдано в производство 19/V—1940 г. Подписано к печати 12/XII—1940 г. Бум. разм. $70 \times 10^{3/4}$.
Учетно-автор. листов 20,0. Печатн. листов 13,5. В одном печатном листе 58368 знаков.
Издат. № 12/40. Р—3218. Тираж 700.

Издательство УзФАН, Ташкент, ул. А. Тукаева, № 1.

Ташкент. Узполиграфкомбинат — 1941. Заказ № 2537.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Публикуемые материалы Узбекистанского Комитета по изучению и охране памятников материальной культуры представляют собой первые результаты работ Термезской археологической комплексной экспедиции (ТАКЭ) 1936 года. Разрешение поставленных экспедицией задач при современном уровне археологических знаний о Средней Азии неизбежно сталкивается с рядом трудностей. Исследователю приходится иметь дело с весьма скромным числом уже установленных археологических данных и поэтому параллельно проводить большую работу по изучению разнообразного сырого вещевого материала, прежде чем оперировать с ним для построения тех или иных выводов и обобщений.

В силу этого, после полевых работ ТАКЭ 1936 года остался недостаточно выявленным ряд крупных вопросов из области использования производительных сил в разные эпохи, аграрных отношений, классовой борьбы и т. п. Добытый вещевой материал требует более углубленной проработки и анализа.

При своих изысканиях ТАКЭ особое внимание уделяла объектам до VII в. н. э., как относящимся ко времени, наименее отображенному в письменных исторических источниках. Тематика экспедиции имеет ввиду участие в разрешении проблем так называемого греко-бактрийского царства, движения народов, государства кушанов, эфталитов, турок и др. В числе вопросов крупного исторического значения ТАКЭ впервые поставила перед советской среднеазиатской археологией проблему о рабовладельческой формации и уточнения периодизации за дофеодалное время. Комплексы археологического инвентаря в сопоставлении с некоторыми отрывочными известиями письменных источников дают уже основание надеяться не только на раскрытие в далеком прошлом Узбекистана признаков рабовладельческой формации, но более или менее уточненно наметить начало ее кризиса и перехода к феодализму.

Если в 1936 г. ставилась задача широкого суммарного охвата всех категорий памятников материальной культуры на территории Термеза с упором на разрешение общих вопросов исторической топографии, которые позволили ориентироваться в истории развития этого города, то программы работ 1937 и 1938 гг. предусматривали дальнейшее углубленное изучение прошлого Термеза по более дифференцированным заданиям как в смысле топографического распределения изучаемых объектов, так и самой тематики. В частности, вопросы изучения ремесла и ремесленной промышленности были намечены на 1938 г. С другой стороны, при указанной проблематике, далеко выходящей за пределы выяснения местной истории одного города, новый подход к изучению самого городища в тесной связи с прилежащим районом настоятельно требует развертывания археологического исследования на всей территории Сурхан-дарьинского округа, что частично было отражено и в плане 1936 года.

Проделанная ТАКЭ полевая работа 1936 г. при всей ее предварительности отчетливо показала, что идея „комплексности“ вполне себя оправдала и в области археологических изысканий. Именно осуществление принципа комплексности наряду с учетом результатов предшествующих работ по Старому Термезу привело за короткий промежуток времени к установлению большого числа новых фактов, а также к возможности успешно пересмотреть с марксистско-ленинской точки зрения все прежние представления об отдельных его памятниках и реконструировать по-новому процесс его исторического развития. К числу достижений следует отнести также и то, что теперь в свете работ ТАКЭ прошлое Термеза примерно за последние две с лишним тысячи лет может быть представлено тремя последовательными периодами подъема и упадка, из которых два первые (первые века н. э. и XI—XII столетия) выяснены в основном по археологическим материалам и дают новую трактовку в понимании истории Узбекистана.

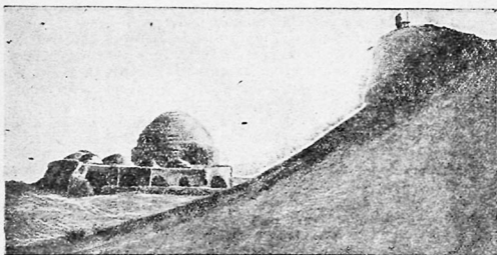
Редакция

ГОРОДИЩА СТАРОГО ТЕРМЕЗА И ИХ ИЗУЧЕНИЕ

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ О „СТАРОМ ТЕРМЕЗЕ“

Наименование города

Термез — с 1928 года современное официальное название города, выросшего на месте небольшого селения Патта-Кесар¹. Последнее стало значительно расти за счет торговцев, поставщиков, подрядчиков и других лиц, связанных с прибывшими сюда царскими войсками, когда вслед за за-

1. Северо-западный угол калы и комплекс зданий у мазара Хакими Термези

нятием афгано-бухарской границы в 1897 году рядом возникло укрепление Термез. В такой форме возродилось наименование некогда крупного древнего города. В XIV веке и позднее в письменных источниках, равно как и на монетах, он носил эпитет „города мужей“ ²مدینه الرجال. В западноевропейской научной литературе название Термез имеет ряд вариантов как в начертании, так и в произношении: *Tarmad*, *Termed*, *Tarmidh*, *Termtidh*, *Tirmidh*, *Tarmit*, *Termit*, *Tarmiz*, *Termiz*, *Tirmiz*, *Termouz*.

В прежних русских изданиях встречаются транскрипции: Термеш, Термед, Тармид, Тармиз, Тармыз, Термиз, Термис, хотя в основном преобладает форма Термез.³ Обилие разночтений объясняется отчасти тем, что по этому вопросу не было единства и у арабско-иранских авторов. В арабской транскрипции при начертании наименования Термеза варьирует последняя согласная. Чаще всего это „ذ“ или позднее „ز“, хотя встречаются „د“ и даже „ت“. ⁴ترمت، ترمز، ترمذ، تارمد، ترمذ: „ت“ и даже „د“. Иногда перед наименованием употребляется член ⁵ال „ат-Тармиз“. Что касается огласовки, то Якут в своем словаре, составленном в первой четверти XIII столетия, отметил, что одни произносят первую согласную с фатхой [ترمذ — Тармиз], а другие — с кесрой [ترمذ — Тирмиз]⁶. Первый вариант как местное, а стало быть

и подлинное, произношение отмечает автор XII века Сам'ани, проживший в Термезе двенадцать дней⁵. Что такая огласовка восходит к далекому прошлому, можно уловить в китайской транскрипции *Ta-mi*, как именуется это владение в VII веке Сюань-цзан⁶, на что уже в конце прошлого столетия обратил внимание В. В. Бартольд⁷. Маркварт и Е. Шаванн считали, что упоминаемое в XVII главе Тан-шу, по сведениям, относящимся к середине VII века, владение Та-мо [*Tat-mu!*] с одноименным городом, в котором было учреждено управление десятым округом, соответствует именно Термезу⁸. П. Пеллио, кроме того, допускал, что Термез, вероятно, можно подразумевать и в транскрипции Та-ман [*Ta-man, Tat-muan*], приводимой в *T'so-fou-yuan-koue*⁹. Название Термеза на карте, служившей приложением к китайскому „Статистическому сборнику“, составленному в Пекине в 1329—1331 годах, транскрибировано русским переводчиком как Тэрми¹⁰. При описании взятия Термеза монголами Чингизхана в анналах Канг-му город назван *T'ie-li-mi*, а в Юань-ши — *T'ie-li-ma*, причем первая форма, видимо, употреблена и путешественниками XV столетия, Чен-ченг и Ли-та¹¹. В древней тибетской буддийской литературе П. Пеллио обнаружил, между прочим, любопытное упоминание о некоем тохарце Дармамитре, который был автором комментария к *Vimaya des Mulasarvastivadin* и который происходил из Тар-ми-та на берегу реки Пак-су [Воксу-Оксус-Аму¹²]. Сближение Тар-ми-та с Термезом не вызывает никаких сомнений. Наконец, в историческом армянском источнике у псевдо-Монсея Хоренского среди прочих восточных провинций государства сасанидов Термез фигурирует под названием Дрмат¹³.

Было бы очень важно произвести „палеонтологическое“ раскрытие наименования Термеза по методике Н. Я. Марра, так как этимология этого слова окончательно не разгадана. В. Томашек в семидесятих годах прошлого столетия высказал предположение, что оно происходит от бактрийского термина *taro-maetha*, обозначающего, может быть, „поселение по ту сторону“ или „заречье“¹⁴, чем как бы предопределялось основание города в период бактрийской колонизации правого берега Аму-Дарьи.

От стариков из окрестного населения, говорящих на языках турецкой группы, до сих пор можно иногда услышать попытку объяснить происхождение названия из лексикона турецких корней. Очевидно, не без участия мусульманского духовенства была создана легенда, по которой убитый врагами шейх Абу Абдаллах Мухаммад, сын Али, аль хаким Термези, во время одного из сборищ последователей у его могилы, в утешение им якобы произнес под землей: „трык биз“ — т. е. „мы живы“. С тех пор будто бы стали называть погибшего наставника хаджа Али ул хаким „Трык биз“, после чего и сам город получил название города Али ул хаким „мы живы“ [Шаари Али ул хаким трык биз], причем прозвище с течением времени, согласно народной этимологии, превратилось в „Термиз“¹⁵. С научной точки зрения это истолкование является неприемлемым, так как совершенно не может быть обосновано фонетически.

Наименование современной приамударьинской группы развалин городищем Хайбер или Хайбар (خېبر), слышанное от местных жителей некоторыми путешественниками прошлого столетия, ни в каком случае не является собственным именем. Так когда-то называлась крепость близ Медины. Окутанное дымкой апокрифических сказаний об Али [имевшем, кстати, прозвище *خېبرستان* — „покоритель Хайбера“], это название было распространено как эпитет на многие развалины старых городов, подлинное представление об истории которых в широких массах часто пришлому населению оказалось в значительной мере утраченным. Это же относится и к термину „Гуль-гуля“, каким, по рассказам местных же жителей, часто обозначали присурханскую группу развалин Термеза. „Гуль-гуля“, соответст-

вующее иранскому „гуль-гуль“ [غلغل], обозначает смутный шум, слышимый на далеком расстоянии при приближении к многолюдному и оживленному городу. По преданию, шум, исходивший от бесчисленных базарных площадей торговой части средневекового Термеза, будто бы доносился даже до Балха, расположенного примерно в 80 км к ЮЗ отсюда, на левом берегу Аму. Терминами Хайбер и Гуль-гуля, кроме Термеза, обозначают сейчас на территории древней Бактрии ряд городищ, в том числе и в пределах современного Афганистана.

Легенды об основании Термеза

Когда был основан город Термез неизвестно. Уже в первые века после арабского завоевания об этом имелись лишь легендарные представления. Так, по словам Табари [X в.], начало Термезу было положено сасанидским царем Кобадом [489—531], который якобы являлся основателем, кроме того, еще двух городов в этом районе: Вашгирда [Файзабад] и Кобадбада [сокращенное — Кобадьян] ¹⁶. Позднее основание Термеза приписывалось Александру Македонскому [Искандеру Зу-л-карнейну]. Хафиз и Абу-ру [XV в.] сообщает, что по одной версии этот македонский царь выстроил одновременно и Бурдагуй на месте одной из крупных переправ на Аму-Дарье. По другой версии, это поселение считалось даже древнее Термеза ¹⁷. Во всяком случае, само слово „Бурдагуй“ признавалось тогда греческим, обозначающим в переводе „гостиницу“ [михманхана] и, возможно, могло быть сближено с греческим *Παραβοχαιο* ¹⁸. Память о Зу-л-карнейне и до сих пор сохраняется местным населением в преданиях, связанных с Термезом. Наиболее ходким сюжетом этих преданий является борьба Александра с царем Каштасаб, который осаждался частью греческого войска в течение долгого времени в Термезе. Рассказывают, что когда город сдался, македонский царь велел умертвить Каштасаба ¹⁹, а жителям приказал немедленно приступить к постройке через реку Аму моста, по которому вскоре переправлены были на правый берег и главные силы греческой армии. По легенде, начальник оставленного в Термезе небольшого гарнизона, после смерти Александра, объявил себя самостоятельным владетелем и некоторое время управлял всем прилегающим округом.

Независимо от народного предания, попытки связать Термез с событиями походов Александра Македонского в Среднюю Азию делались рядом исследователей прошлого и отчасти нынешнего столетий. Одни основываясь, главным образом, на показании Арриана, что ширина Окса в месте переправы войск Александра Македонского с левого берега на правый была около шести стадий ²⁰, относили этот пункт к окрестностям Термеза, а также наряду с этим приурочивали его к Келифу или Чушка-Гузару ²¹. Другие считали, что первая переправа македонских войск могла быть совершена в одном из двух последних пунктов, а обратный переход через реку при походе на Индию Александр осуществил у Патта-Кесара. Третьи видели в Термезе ту согдийскую крепость „Петра“, которую безуспешно отстаивал против греков бактрийский правитель Оксиарт в 327 году до н. э. ²². Одно время полагали, что она могла находиться между Балхом и Мервом, поскольку Страбон относил ее под названием „Петра Сизимитры“ к Бактрии, хотя Курций, именуя этот пункт крепостью согдийца Аримаза, и Полиен — крепостью Аримаза, — оба считали его расположенной на территории Согдианы ²³. С уточнением наших представлений об исторической географии Средней Азии это кажущееся противоречие отпадает само собой, а, как справедливо указал еще И. Г. Дройзен, в Восточной Бухаре есть достаточно местностей, к которым легко может подой-

ти описание скалистых крепостей, бравшихся в IV веке до н. э. македонскими войсками²⁴. Во всяком случае, рыхлые третичные песчаники, служащие платформой для средневековой цитадели Термеза, совершенно не соответствуют ни общей характеристике, ни деталям и размерам, приводимым античными писателями для Петра Сизимитры. Равным образом в их трудах нет и намеков на Термез.

Некоторые данные письменных источников об исторической топографии города

Некоторые средневековые мусульманские авторы [например, Ибн ал Асир], описывая Термез, рекомендуют его именно как „древний город“. Он фигурирует в известной эпической поэме „Шах-намэ“. Парсийская космогония Бундегешта упоминает реку Тармид в качестве притока Вехруда²⁵. Но первые сколько-нибудь подробные письменные известия об этом городе содержатся в описании странствований буддийского монаха Сюань-Цзана [„Описание западных стран“], посетившего Термез в тридцатых годах VII столетия, когда вся страна принадлежала туркам. Столица владения Та-ми [т. е. сам город Термез] в окружности имела тогда более двадцати ли [около 10 км] и занимала площадь, вытянутую с востока на запад и суженную с юга на север. Во владении Та-ми [в том числе и в столице] было более десятка буддийских монастырей, свыше тысячи монахов, ступа* и чтимые изображения будд. Упоминание о совершавшихся там „чудесах“ и других „сверхестественных явлениях“ позволяет сделать заключение, что термезские монастыри в свое время, очевидно, привлекали большое количество паломников²⁶.

В конце VII века [в 689 году] арабский военачальник Муса бен Абдаллах овладел Термезом, заставил местного правителя очистить город и продержался в нем пятнадцать лет, отложившись от халифата. После усмирения „мятежного“ полководца войсками Османа бен Масуда Термез прочно вошел в состав арабского халифата, и с тех пор этот город довольно часто упоминается на страницах арабско-иранской литературы. Наряду со сведениями об его политическом, экономическом и социальном прошлом, изредка встречаются отрывочные данные и о городе, как таковом, и об его исторической топографии.

Так, Ибн Хордадбех, автор конца IX века, сообщает, что Термез был расположен на скале подле реки, которая обмывала его стены²⁷. Это же в основном повторено и у Кудамы [начало X века]. Он говорит, что Джейхун обмывает подножье стен города ат-Термеза, построенного на скале²⁸. Несколько иной оттенок можно уловить в словах Табари, что вдоль берега возвышалось старое укрепление Термеза²⁹.

Ряд последующих арабских географов X века дает для своего времени в этом отношении особенно много подробностей, довольно четко воспроизводящих облик типичного среднеазиатского феодального города. Из текста Истахри [930—933] явствует, что расположенный на берегу Джейхуна и отстоявший в однодневном переходе от ближайших гор Термез состоял из цитадели [кала], собственно города — шахристана [мадина] и пригорода — рабада, причем последний был обнесен особой стеной. Дворец правителя находился в кале, тюрьма — вне кухендиза, в шахристане, среди базара. В шахристане же помещалась тогда и соборная мечеть, а мечеть намазгох была в рабаде, внутри стен. Здания базаров, находившихся в

* Во множественном числе.

шахристане, были выстроены из глины. Большая часть улиц и площадей была вымощена жженным кирпичем. Город, служивший пристанью на Джейхуне, имел значительное население. Пашни его орошались водой из реки Саганиана, Чаганруд [ныне Сурхан]. Для питья же употреблялась также и вода из Джейхуна³⁰. Иранская версия сочинения Истахри заключает в себе более краткие сведения о Термезе по сравнению с арабским текстом, но дает вариант, что базары помещены в пригороде, в чем можно усматривать и описку³¹. Ибн Хаукаль не внес в сведения предшественника никаких существенных изменений или деталей, если не считать неправильного указания, будто река Саганиана впадала в Аму-Дарью ниже города³². Это, очевидно, нужно понимать в том смысле, что устье Сурхана лежит южнее широты древнего Термеза. В отличие от Истахри, Ибн Хаукаль не употребляет термина „кала“ и говорит лишь об одном кухендизе [буквально—старая крепость]. Автор Худуд аль Алем, указав, что город вообще лежит на берегу Джейхуна, счел, вместе с тем, нужным далее подчеркнуть, что в нем имеется крепость—кухендиз на берегу реки³³. Наконец, Макдиси в конце X века охарактеризовал Термез как главный город на Джейхуне, куда пристают суда, приплывающие со всех сторон. В нем он различает кухендиз и городские укрепления [حصن], причем внутри последнего помещает, между прочим, соборную мечеть. В кухендизе, который по отношению прочих городских укреплений как то выдавался из них, были одни ворота, тогда как в шахристане их насчитывали тогда трое. Кроме обычного рабада, Макдиси намекает еще на наличие какой-то пригородной территории, которую именует „сурадикат“ [سرادقات].³⁴

Позднейшие писатели, в большинстве случаев компиляторы, в течение нескольких веков только повторяли сведения авторов X столетия о Термезе³⁵. Это делалось даже после того, как город переменял свое местоположение некоторое время спустя вслед за разгромом, учиненным монгольскими войсками. Последнее событие имело место осенью 617 г. х. или в 1220 г. н. э. и, повидимому, оказалось роковым в жизни города. Чингизхан, одновременно с предложением выразить ему покорность, требовал от жителей разрушения городских укреплений и цитадели [حصار و قلعه]. В. В. Бартольд по рукописи труда Джувеини [Ленинградской публичной библиотеки] писал, что в тексте ее содержится указание, которое он связывал с событиями 1206 года, будто в то время половина возвышающегося на берегу Джейхуна дворца [баргах] была в воде³⁶. В изданном тексте Джувеини при изложении событий 1220 года говорится, что жители Термеза, решив оказать сопротивление Чингизхану, надеялись на неприступность калы, половина стен которой возвышалась в середине Джейхуна³⁷. О подобном же положении стены цитадели, платформа которой, сложенная из песчаника, очевидно, подверглась к тому времени сильному размыванию со стороны Аму-Дарьи, имеется упоминание в описании завоевания монголами Термеза, приведенном у Рашид ад дина [конец XIII—начало XIV вв.]³⁸. После десятидневной осады монголы взяли Термез приступом, город был подвергнут разгрому, а многие жители [по арабско-иранским источникам, явно утрирующим действительность,—даже все] были перебиты³⁹.

Часть монгольской армии вместе с Чингизханом провела зиму 1220—1221 года в районе Термеза, где в течение почти четырех месяцев продолжалась крупная охота на разнообразную дичь с вероятной целью снабжения войск мясом.

В то время, как разгромленный монголами Балх продолжал оставаться в развалинах еще в первые десятилетия XIV века, Термез, повидимому, довольно скоро был заново отстроен, но уже на другом месте. Кн-

тайские источники, относящиеся к XIII—XIV векам, отмечают, что в Tie—li—mi, лежащем примерно в 2000 ли к ЮЗ от Са-ма-рх-хан [Самарканд], имеются старый и новый города на расстоянии один от другого более 10 ли [около 5 км]. Население города и его окрестностей состояло только из нескольких сотен семей, которые были связаны со скотоводством. Самый город Ти-ли-ми [очевидно, вновь отстроенный] лежал к востоку от реки Аму, изобилующей рыбой. К западу тянулись обширные туган и камышевые джунгли, в которых водились тигры.⁴⁰ В тридцатых годах XIV века через Термез проехал знаменитый арабский путешественник Ибн Батута. В описании своего странствования он упомянул, что после разрушения Чингизом старого Термеза, расположенного на берегу Джейхуна, был основан новый город в двух милях от реки [т. е. в расстоянии около 4 км от Аму-Дарьи]⁴¹. К моменту посещения Ибн Батуты это был уже большой город, хорошо отстроенный, с прекрасными базарами, прорезанными арками и с многочисленными садами⁴².

„Старый Термез“ [تارمد كهنة] упоминается Шереф-ад-дином при описании событий конца пятидесятих годов XIV столетия когда там был разбит военный лагерь⁴³. Позднее Тимуру не раз приходилось бывать в Термезе. Одиннадцатого сентября 1399 года (8 мухаррема 802 г. х.) он на пути из Кеша в Балх совершал обряд посещения мест погребений термезских сейидов [расположенных тогда на территории „нового города“], а также мазаров Ходжа Мухаммед Али хаким Термези и шейха Абу Бекра Варрака и других [которые находились в то время уже в пределах „старого Термеза“]⁴⁴. Летом 1404 года на обратном пути из последнего похода на запад Тимур проездом через Термез останавливался, как и в 1399 году, в доме, принадлежавшем термезскому сейиду Худавендзаде Ала-ал-мульку. А осенью того же года через Термез проехало направлявшееся в столицу посольство испанского короля Генриха III. В дневнике Рюи Гонзалеса де Клавихо по этому повому упоминается понтонный мост, переброшенный через Аму-Дарью у Термеза исключительно для нужд армии. Самый город Клавихо называет большим и очень населенным. „Вошедши в него, мы ехали так долго, что приехали в свое помещение совсем раздосадованные; и все время ехали по площадям и многоядным улицам, где продавались разные разности“. Характерной чертой города, по словам Клавихо, было отсутствие какой бы то ни было ограды. В окрестностях было много садов и воды⁴⁵.

Во время феодальной борьбы, возникшей после смерти Тимура между его наследниками, войска Шахруха в 1407 году овладели Балхом, что, по словам Ибн Арабшаха, вынудило Халил Султана, южная граница владений которого проходила по Аму-Дарье, сделать распоряжение о восстановлении крепости старого Термеза на берегу реки⁴⁶. Вот почему Хафиз Аbru в своем труде, написанном около 1431 года, отмечает, что Термез состоит из цитадели и собственно города, а что прежде город имел также и пригород. Базар и соборная мечеть находились тогда в собственно городе, где здания были выстроены из глины [كس]⁴⁷.

Крепость старого Термеза на берегу Дарьи функционировала и в период узбекского господства. В частности, образное описание ее содержится в труде Хафизы Таныша в той части, где повествуется о событиях 979 года хиджры (1572 г. н. э.). Термез был подчинен тогда Балху, владетель которого Дин Мухаммед находился во враждебных отношениях с Абдулла ханом. Последний осаждал Термез весной упомянутого года. Перед осадой Абдулла хан крупными подарками постарался расположить к себе шейхов мазаров Хакими Термези, Абу Бекра Варрака и других. Затем цитадель была обложена тесным кольцом. В то время это было

весьма солидно сооруженное на берегу Джейхуна укрепление с очень высокими башнями, прочным бруствером (فصیل) и рвом⁴⁸.

В XVII веке Термез и его округ, принадлежавшие узбекскому роду кунград, обычно входили в состав владения Балха, бывшего своего рода дофине аштарханидов⁴⁹. В первые годы XVIII столетия, когда Термез имел особого наместника из рода кунград по имени Шир Али [основателя Ширабада], в нем различали по прежнему „великую крепость“ [кала—и—калан] и город, где проживала основная масса жителей. Повидимому, Термез находился на закате и вскоре опустел в результате постоянных феодальных войн. Мухаммед Вефа сообщает, что в 1758 году, по распоряжению основателя династии мангытов Мухаммед Рахим хана, Термез, якобы лежавший до того „в течение многих поколений“ в развалинах, был вновь восстановлен⁵⁰. Однако это искусственное мероприятие не оправдывалось, очевидно, ни экономическими ни политическими условиями, и результаты его были недолговечны. В Европе еще в семидесятых годах XVIII века французские энциклопедисты считали Термез городом существующим и включили его наименование в современную им географическую номенклатуру⁵¹. Однако затем Термез стал термином, относящимся исключительно к „мертвому“ городу и обозначающим урочище с обширными руинами разных эпох.

Прежние представления о географическом положении старого Термеза

Данные средневековой арабско-иранской литературы довольно четко указывают положение старого Термеза. Он находился на пересечении дорог, на правом берегу Джейхуна, у переправы через эту реку, причислялся к Тохаристану и входил в состав земель, относящихся к четвертому климату. Кроме того, до нас дошло и несколько определений его географических координат⁵².

	λ	φ
„Книга долгот“ (Атвал)	91°15	37°35
Ибн Саид	90°15	37°30
Бируни (Канун)	91°55	36°35
Истинное положение средневекового кухендиза	67°12	37°16

Долготные определения в данном случае, следуя Птолемею, рассчитаны от меридиана острова Счастливого в группе Канарских островов, хотя иногда арабские географы проводили первый меридиан через западный берег Африки. Широтные данные в первых двух случаях довольно близки к истинному положению. И, тем не менее, в Европе достаточно долгое время уживались противоречивые представления о местонахождении Термеза. В конце XVII века знаменитый ориенталист д'Ербело, знавший по арабско-иранской литературе для этого пункта два долготных и одно широтное градусные определения, отмечал, что по одним данным город расположен на правом берегу или севернее реки Гихон [Джейхун]⁵³, а по другим — на южном или западном берегу. Это различие в показаниях он пытался объяснить, с одной стороны, тем, что город мог лежать на обоих берегах этой реки, а с другой, что он состоял из двух частей, из которых одна была или разрушена, или отстроена не одновременно с другой.⁵⁴ В первой четверти XVIII столетия не менее известный ориенталист Петит-де-ля-Круа писал, что Термез относится к области Саганиан в Мавераннахре и расположен на переправе через Окс, у места слияния его четырех рукавов⁵⁵. На составленной им карте, очень искажен-

по отражающей действительность. Термез показан на разных берегах с Балхом, к востоку от него, но отделен от лежащего к СВ Сали-Сарая какой-то рекой, текущей с востока на запад. На карте показана впадающая в нее в свою очередь река, которая по своему направлению может соответствовать Сурхану⁵⁶. Во французской энциклопедии конца XVIII века говорится лишь, что Термед город в Трансоксиане, на Оксусе [т. е., следовательно, на правом его берегу] и, согласно Lisle, приводится его долгота в 85°30'⁵⁷. На большинстве других европейских карт этого столетия он помещается на левом берегу Сурхана.

На карте, приложенной к описанию поездки Г. Мейендорфа в Бухару в 1820 году, Термез совершенно правильно показан на правых берегах Аму и Сурхана. Удовлетворительно отмечен город на картах Гумбольда, Левшина [1832], Н. Яковлева [1843], А. Вамбери [1865]. На карте, приложенной к описанию путешествия А. Борнса [1848], нельзя определить, на каком берегу Сурхана стоит Термез, так как эта река не доведена до Аму-Дарьи. В данных о положении Термеза, относящихся ко второй половине XIX столетия, наряду с иногда неверными представлениями, очень часто проглядывает некоторая неряшливость. Это относится, например, к оригинальной карте Гисарского края экспедиции Н. А. Маева 1875 года, к русской карте 1877 года и к ряду других. На исторической карте маршрутов буддийских паломников из Китая в Индию, приложенной к вышедшей в 1877 году первой части капитального труда Ф. Ф. Рихтхофена, „Китай“, город Та-ми нормально указывается на берегу Аму, западнее Сурхана⁵⁸. В одновременно опубликованном в Вене труде ориенталиста В. Томашека на карте Кангюя Та-ми почему-то показан на левом берегу Сурхана при самом впадении его в Аму. Вместе с тем, там же на карте Мавераннахра эпохи саманидов Термез обозначен лежащим на правом берегу Оби-Саганиан и примерно на месте присурханской группы развалин⁵⁹. Даже карта, приложенная к специальному труду Н. Минаева о странах верхнего течения Аму-Дарьи и составленная в 1880 году, место подлинных развалин средневекового Термеза отмечает как „М. Термез“, а развалины городища Гуль-гуля и „мазар Ходжа Абдул Термези“ относит на левый берег Сурхана⁶⁰. Как досадный недосмотр, можно расценивать, что на карте, составленной И. В. Мушкетером в 1885 году и приложенной к его капитальному труду „Туркестан“, развалины Термеза неверно отмечены на левом берегу Сурхана, в то время как сам автор в тексте эту же ошибку исправлял у других⁶¹.

Для русской и советской картографии и научной литературы все это уже давно стало анахронизмом, чего нельзя еще сказать о специальных европейских трудах XX века. Так, О. Кодрингтон в своей историко-нумизматической монографии — *A manual of musulman numismatics* для древнего Термеза дает совершенно неверные координаты — 38°17', N и 87°38', E, причем ошибка широты превышает один градус что качественно ставит данные английского ученого много ниже вычислений, дошедших от средневековых мусульманских авторов⁶². Известный английский ориенталист Г. ле Стрендж на своей исторической карте областей Оксуса и Яксарта, входивших в состав Восточного халифата, поместил Термез на левом берегу Сурхана [назвав его *Zami*]⁶³. Наконец, видный венский ориенталист Е. де Замбаур на изготовленной им *исторической карте Ирана примерно середины VIII века хиджры [XIV в. н. э.] показал Термез даже на левом берегу Вахша, отнеся низовья этой реки к области Саганиан. Здесь на самом деле были уже земли коренного Хутталяна, отделявшего его от Саганиана областью Кувадиана⁶⁴.

* Приложение к „Руководству генеалогии и хронологии по истории ислама“. Наповге, 1927.

ИЗУЧЕНИЕ ГОРОДИЩ СТАРОГО ТЕРМЕЗА до 1936 г.

Изучение за дореволюционный период

Одно из наиболее ранних сведений о развалинах [пустившего] городища Термез, превратившегося уже в археологический объект, вошло в научный обиход [видимо], только после возвращения из Бухары русского посольства 1820 года. Его секретарь, Г. Мейендорф, в описании путешествия этой миссии из Оренбурга в Бухару [опубликованном] шесть лет спустя в Париже на французском языке, писал, что развалины Термеза расположены напротив Шермеда, лежащего на левом [т. е. противоположном] берегу Аму. «Не видно там ничего, кроме груд щебня и камней; жилища, которые [там] еще остаются, сделаны из земли»⁶⁵. Основываясь на показаниях Г. Мейендорфа и сопоставляя его с сообщением о возрождении Термеза после разгрома его монголами на новом месте, В. Тизенгаузен в 1853 году выступил в печати с предположением, что Шермед, вероятно, можно отождествить со вновь отстроенным городом, посещенным Ибн Батуту⁶⁶. Английский географ Г. Юль в предисловии к изданию путешествия Вуда в 1872 году даже категорически утверждал, будто Термез, упомянутый Ибн Батуту, «все еще существует, но теперь мы ничего не слышим о нем». Это вызвало на следующий же год возражение А. П. Федченко, заявившего, что он слышал только о развалинах Термиза [как ему его произносили]⁶⁷. Что от Термеза действительно оставались тогда одни развалины, подтвердили и опросные сведения, собранные Н. А. Маевым во время Гиссарской экспедиции 1874 года⁶⁸. В 1877 году в Вене вышел труд В. Томашека „Согдиана“, в котором автор, на основании имевшихся в то время картографических материалов, высказал предположение, что древний Термез должен находиться у урочища, обозначенного как развалины Гуль-гуля⁶⁹.

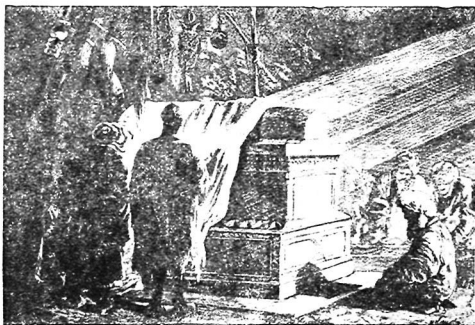
В августе 1878 года, при рекогносцировке переправ через Аму, прикасающаяся к берегу реки часть городища была осмотрена и описана А. Быковым под наименованием развалин Шаар Гуль-Гуля. Им упомянуты находящиеся на естественном скалистом холме у берега реки „питадель города и дворец султана Термеза“, а также остатки кирпичной набережной и устоев от моста, „когда-то задуманного здесь“ упомянуты святым султаном. Быкову казалось, что тут же ниже холма могла находиться и пристань. Могилу султана Термеза в описании он упоминает ошибочно у СВ угла питадели⁷⁰. На схематическом плане развалин Гуль-гуля ниже мазара, на берегу Аму, А. Быков обозначил какую-то „кузницу“⁷¹.

Седьмого декабря 1878 года проездом из Ташкента в Кабул доктор И. Л. Яворский посетил обширные развалины древнего города, занимающие пространство в несколько квадратных верст неподалеку от селения Патта-Кесар. Яворский, однако, и не подозревал, что он осматривал руины Термеза. В корреспонденции, написанной из Мазаришерифа несколько дней спустя, автор писал, что об этом городе среди местного населения совсем не существует преданий. В опубликованном через много лет дневнике И. Л. Яворского содержится указание, якобы развалины городища носили название Хайбар. Автор остановил свое внимание только на придорожном минарете из жженого кирпича с тремя поясами надписей, принятых им на месте за китайские, а позднее правильно названные кувитскими. Куски изразцов встречались тогда среди строительного мусора вокруг минарета, кладка которого была сделана исключительно из неполированного жженого кирпича⁷².

Совершенно бесследно прошло для изучения развалин Термеза посещение их в том же году военной бадахшанской экспедицией П. П. Мат-

веева с участием астронома К. Шварца и прапорщика Троицкого. Известно лишь, что городище было названо населением как развалины Хайбер⁷³.

В начале августа 1879 года из Самарканда выступила так называемая Самарская ученая экспедиция. Из числа ее участников в Термезе побывали, между прочим, геолог И. В. Мушкетов, ботаник Н. А. Сорокин, инженер Н. Л. Ляпунов, переводчик Ф. Н. Жуков и писатель Н. Н. Каразин⁷⁴. Со слов населения были записаны некоторые легенды о городе Гуль-гуля и его цитадели Зюнинабад. Н. Н. Каразин сделал несколько зарисовок с развалин. Романтическая направленность художника отрицательно сказалась на точности передачи объектов, что сильно понижает научную документальную ценность этих первых иллюстративных материалов по памятникам Термеза. Инженер Ляпунов снял копии всех надписей с надгробного сооружения Хакими Термези⁷⁵. Были проверены показания старожил, что от цитадели некогда начинался постоянный мост, соединявший оба берега Аму, и что при спаде воды посреди реки показывались его мощные устои. С каюков и парусных лодок произведено было прощупывание шестами дна реки, не обнаружившее никаких остатков подводных сооружений. Из наблюдений на цитадели особенно интересно

2. Внутренний вид мазара Хакими Термези в 1879 году. С рис. Н. Каразина

указание, что со стороны реки имела в то время кирпичная арка, напоминавшая входные ворота. Против нее, на берегу Аму-Дарьи, находилась платформа, выложенная из жженого кирпича. Отмечены были и кирпичные устои, вытянувшиеся по берегу вдоль реки и принятые за остатки набережной и пристани.

Среди груды мусора, обломков кирпичей и цветных изразцов [которые легко могли быть спутаны с черепками поливной керамики, М. М.] на поверхности встречались тогда железные и медные шлаки, куски сплавленного стекла, черепки с фигурными украшениями и изредка монеты. Последние, по показанию Ф. Н. Жукова, настолько окислились, что надписи разобрать на них было совершенно невозможно. По словам И. В. Мушкетова, среди нумизматических находок преобладали греческие

монеты. В одном месте на цитадели с глубины в поларшина вместе с „маленькой монеткой, на которой изображено нечто вроде лягушки“ ⁷⁶, был извлечен осколок молочно-белого нефрита из месторождений Восточного Туркестана у Яркенда. Из отдельных зданий были описаны с некоторыми подробностями мазар Хакими Термези и остов башни из крупных сырцовых кирпичей вышиной в 8 саж. в полутора верстах от городища. Население считало ее остатками ветряной мельницы, а построение относил ко времени легендарного правителя Каштасаба. Как говорили Ф. Н. Жуков у, незадолго до посещения развалин экспедицией четверо-каких-то приезжих при раскопках около мечети нашли шесть серебряных слитков, величиною каждый не менее кулака. После этого эмир запретил производить раскопки под страхом смертной казни как в Термезе, так и в других древних городах. Ф. Н. Жуков побывал на соседнем острове Арал Пайгамбар и сообщил первые сведения о памятнике при мазаре Зул-Кифля ⁷⁷.

3. Развалины башни Зурмала. Предполагаемый буддийский ступа

Отдельно от Самарской ученой экспедиции развалины Термеза в том же году посетил ее участник моряк Н. Н. Зубов, начавший свой маршрут от низовьев Аму вверх по течению и проводивший специальные гидрометрические и гидрографические исследования. При описании термезского участка речного пути Н. Н. Зубов упомянул возвышенность с крутыми скатами на правом берегу Аму, именовавшуюся Актюбе, занятую развали-

нами города Гуль-Гуль и могилой султана Термеза и соответствующую, очевидно, цитадели⁷⁸.

В апреле 1881 года по совету некоего русского офицера, участника миссии к афганскому эмиру Шир Али хану, городище Термеза посетили спутники Х. Е. Уйфальв, французский путешественник Г. Бонвалло и художник Капю, сделавший с памятников несколько примитивных зарисовок, очень условно отражающих натуру. В развалинах Гуль-гуля Г. Бонвалло подробно осмотрел цитадель и указанные ему остатки источенного водой Аму раздвоенного берегового быка от моста, по поводу которого пришел к заключению, что, вероятно, его только начинали строить, но до конца это предприятие не довели. В группе зданий у могилы Хакими Термези, с левой стороны от помещения, под большим куполом, в темной комнате находились тогда могилы „святых второго разряда“, покрытые комьями глины и кизяком, а на стене были рога козлов и джайранов, выдававшие за трофеи большой охоты Чингиз-хана⁷⁹. В своем описании Г. Бонвалло много места уделит комплексу зданий у минарета на пирабадской дороге. Ему казалось, что здесь была главная площадь и что он различает остатки медресе, каравансарая, бань и „домов знати и богачей“⁸⁰. У минарета, винтовая лестница которого была и тогда уже в очень плохом состоянии. Г. Бонвалло скопировал часть выложенной кирпичами куфической надписи, которая содержала в себе только текст исповедания веры. При общем обзоре городища с вершины этого минарета французский путешественник заметил четыре искусственных холма. Ссылаясь на показания местных жителей, он назвал их сторожевыми, предполагая, что на них зажигались сигнальные огни. Тогда же он сделал попытку набросать приблизительный план шахри Гуль-гуля. Восточную группу развалин Термеза в одной „малой миле“ от кишлака Салават в то время называли якобы „шахри Саман“. Г. Бонвалло довольно подробно описал впервые группу мавзолея Султан Садат и сообщил о культе могилы эмира Хусейна. Руины Кырк-кыз [что в переводе значит сорок девушек] он считал после непосредственного ознакомления с ними за один из видов дворцов-крепостей и привел, кроме описания развалин, сообщенную ему легенду о жившей здесь со своими сорока служанками дочери „эмира Абуль-Хаким Термизи“. Из других зданий обширных „мечетей“ в этом районе путешественник отметил только одно, название которого он не приводит, но которое, как ему казалось, напоминало по стилю новые мечети Карши и Бухары и могло быть легко реставрировано⁸¹.

Шесть лет спустя, осенью 1887 года, Г. Бонвалло вновь посетил развалины Термеза, произвел там 7 ноября небольшие раскопки, давшие все же, по его самонадеянному заявлению, „значительные результаты“, и, прервав на этом начатую работу, направился к Чушка-Гузару. На обратном пути он опять делал некоторые раскопки в развалинах Термеза. Подробных сведений обо всех этих исследованиях, носивших характер только поверхностного шурфования, как будто опубликовано не было⁸².

Колониальные замыслы царской России и политика по отношению Афганистана, обусловленная соперничеством с Англией на Востоке, привели к тому, что в восьмидесятых годах прошлого столетия на бухарском правобережье Аму-Дарьи заметно участились случаи появления офицеров и топографов. Они производили по заданию военного штаба специальные рекогносцировки и уточняли картографические материалы. Однако это в очень слабой степени способствовало не только изучению древнего Термеза, но хотя бы накоплению новых сведений об его развалинах. Большинство перечисленных лиц преследовало узкие цели и, сплошь и рядом, проезжая по этому городищу, исключительно по размерам и очень эффектному благодаря живописным руинам, словно не замечали его⁸³.

Даже считавший себя „культуртрегером“ С. И. Мазов в статье о Восточной Бухаре, Бадахшане и Северном Афганистане в 1886 году счел вполне достаточным ограничиться констатацией голого факта, что дорога „от Ангары до Патта Киссара“ проходит через развалины города Хайбара ⁸⁴. В этом отношении некоторое исключение составляют классный топограф Петров [1884] ⁸⁵ и капитан Покотило [1886], которые в своих отчетах кратко коснулись прошлого Термеза и его современных остатков ⁸⁶.

В 1890 году по поручению Археологической комиссии состояласьпутная научная поездка ориенталиста Е. Ф. Каля вдоль Аму-Дарьи. Его маршрут прошел сперва по левому берегу реки от Керки до крепости Дивкала на афганской территории, а затем по правому — от Керки до устья Сурхана. Е. Ф. Калем подробно осмотрены развалины Термеза и, по его словам, „сделано там несколько раскопок, давших очень немного интересного“. Попутно он произвел обмеры надмогильного сооружения Хакими Термези, прочитал указанную дату смерти святого [255 г. х.] и частью списал, частью снял прочие надписи. Кроме скромного материала по домашнему археологическому инвентарю, ему удалось приобрести около полусотни большей частью плохой сохранности медных монет греко-бактрийского, индо-скифского и арабско-иранского чекана. Характерно, что на руках у населения тогда не было обнаружено ни монет, ни древностей. Сам Е. Ф. Каль писал, что эта поездка, равно как и его раскопки в Аулиеатинском уезде, „не могут считаться удачными ни по археологической добыче, ни по выводам, которые можно сделать по тем сведениям, которые удалось собрать“. Это он объяснял недостаточностью денежных ассигнований и кратковременностью срока работ. В 1891 году состоялась его вторичная командировка по бухарскому берегу Аму-Дарьи, во время которой он умер в укреплении Керки, куда его доставили уже тяжело больным злокачественной малярией. Результаты этих исследований Е. Ф. Каля не публиковались и являются пока достоянием архивов. Добытые же им немногочисленные предметы поступили в свое время в Государственный Эрмитаж ⁸⁷.

Новая пора и не столько в развитии более углубленного познания памятников материальной культуры Старого Термеза, сколько в их непосредственной участи, намечается с середины девяностых годов XIX столетия. В 1894 году, как писалось в официальной прессе, „решено было совершенно изолировать Бухарское владение от влияния Афганистана“. На следующий год афгано-бухарская граница была занята постами вновь сформированной Аму-Дарьинской пограничной бригады, штаб которой разместился в кишлаке Патта-Кесар, где учреждена была и одна из таможен. А в 1897 году, учитывая стратегическое положение этого пункта, протрассирован будущий военно-почтовый тракт Самарканд-Термез и приступлено к постройке на приобретенных сорока десятинах первых казарм нового русского укрепления, именовавшегося крепостью Термез. Два года спустя, дополнительно прикупается 1200 десятин и, наконец, в начале 1900 года эмир бухарский „добровольно“ и безвозмездно уступает русскому правительству „треугольник“ земли между Аму и Сурханом, составляющий вместе с территорией древнего Термеза около десяти с половиной тысяч десятин.

Переход de jure городища во владения царского правительства принес научным интересам и подлинно культурным задачам значительно больше ущерба, чем пользы. Руины города на протяжении двадцати лет, протекших до Великой Октябрьской социалистической революции, привлекали внимание, главным образом, разных ведомств, добывавших с них прекрасного обжига кирпич. Для удовлетворения спроса в строительном материале шел сбор жженого кирпича не только с поверхности. Хищни-

чески, без всякой предварительной фиксации, изучения и надзора было разобрано немалое количество археологических объектов, среди которых имелось около десятка неплохо сохранившихся архитектурных памятников. Так, между прочим, разрушено в 1904 году уникальное трехэтажное здание, известное под случайным наименованием Афганмазар. Кроме того, бесследно и навсегда исчезали одна за другой руины из сырцового кирпича, оказавшиеся непосредственно на территории вновь застраивавшейся площади.

Для буржуазной археологии царской России Старый Термез оставался по-прежнему пасынком, и мало кто из специалистов посещал его развалины. Гласом вопиющего в пустыне оказался призыв ботаника Р. Ю. Рожевича, писавшего в 1908 году, что „если не будут приняты меры к сохранению этих развалин, они в скором времени совершенно исчезнут“⁸⁸. Археологическая комиссия никак не реагировала на это.

Безрезультатными остались и попытки, делавшиеся во втором десятилетии нашего века некоторыми научными организациями Петербурга и Ташкента, приступить к археологическому изучению Термеза.

В октябре 1895 года, во время своей служебной командировки, военный инженер И. Т. Пославский [позднее действительный член и вице-председатель ТКЛА] ознакомился в течение двух дней с развалинами, носившими на карте названия Гуль-гуля и Термеза. И. Т. Пославский выступил с докладом о своих наблюдениях в заседании ТКЛА 26 февраля 1890 года⁹¹, а затем опубликовал его в виде специальной статьи, приложив к ней составленную им примитивную схему расположения развалин. Справедливо заметив, что почти все названия городища даны новоселами, он разделил руины по местоположению на пять групп без какой-либо попытки осмыслить их с историко-топографической точки зрения. Лишь в отношении группы „Д“, как обозначена на схеме часть территории городища у Чингиз-тепе, И. Т. Пославский высказал предположение, что имеющиеся там остатки былой деятельности человека „вероятно более древние, чем все окружающее“. В группу „А“ он отнес усыпальницы Султан Садат, мечеть Кокильдара, Афганмазар, Кырк-кыз и Инша Азиз; в группу „Б“ — Нагарахана и Чардывал; в группу „В“ — почти все примыкающее к городищу, где в северной части отметил наличие русла большого магистрального канала, питавшего Термез. И. Т. Пославский характеризовал комплекс зданий у минарета на ширабадской дороге, как не заслуживающий большого внимания в строительном и архитектурном отношении. Про самый же минарет ошибочно указал, будто он на подобие самаркандских памятников „обделан глазурованными изразцами“. Как военный специалист, он больше интересовался цитаделью, дав ее беглый очерк. Количество кирпича, покрывавшего тогда поверхность крепости, было настолько велико, что затрудняло продвижение вверх. Внутри цитадели были подмечены: пещера, какие-то арки, спуски в землю, колодцы, обложенные кирпичем, и два обнесенные стенами отдельные двора у исходных углов на двух концах фаса, обращенного к реке. Неуверенно предположил в последних ретраншементы, исследователь привел доводы о нецелесообразности их в важные моменты обороны. Особенно его заинтриговали остатки набережной и башен на берегу реки вдоль южного фаса цитадели. И. Т. Пославский насчитал 23 основания башен, которые, как ему казалось, соединялись некогда между собой стенами. В одном из промежутков между башнями их могло быть размещено еще 6—7. Сооружение это, по мнению И. Т. Пославского, едва ли имело фортификационный характер, но от определения его назначения он отказался и высказал лишь догадку, что две крайние „башни“ служили жертвенниками огнепоклонников-мугов. В результате осмотра комплекса зданий у мазара

Хаками Термези И. Т. Пославский определил, что материалом его саганы служил белый мрамор [а не мраморовидный известняк, как по недоразумению указано у И. В. Мушкегова] и высказал предположение, что надгробие перенесено шейхами в занимаемую ныне темную низкую комнату в целях охраны относительно недавно, а раньше, вероятно, стояло в помещении с большим куполом. На стене мазара, кроме отдельных надписей, имелся тогда лист бумаги, исписанный по-фарсийски неким суфием из Карши, знакомым с арабским языком и прочитавшим во время своего пребывания в Термезе надписи на сагане. Сопровождавший И. Т. Пославского переводчик разобрал, что текст листа заключал в себе некоторые легендарные сведения о Термезе и о ходжа Али Хаками Термези, датой смерти которого указывался 255 г. х. Из отдельных предметов древнего хозяйственного инвентаря, встречающегося на городище, И. Т. Пославский упомянул лишь глиняные, так называемые сферокопические сосуды, в которых автор подозревал или *lacrimariae*, или зажигательные снаряды — брандугели⁹².

При своей вторичной командировке в Среднюю Азию от Академии художеств классный художник Н. Н. Щербина-Крамаренко в 1896 году, после работ в Самарканде над обмерами и зарисовкой соборной мечети Бибиханым, проехал в Термез. Здесь он бегло ознакомился с находившимися в плохом состоянии памятниками, снял надпись с саганы Хаками Термези и сделал сбор с поверхности большого количества орнаментированных и покрытых надписями фрагментов керамики. Более продолжительному изучению развалин воспрепятствовало заболевание Н. Н. Щербина-Крамаренко малярией, вынудившей его поторопиться с возвращением в Самарканд⁹³. В том же году в числе подъемного материала с городища Термез в Музей ТКЛА поступило несколько примитивных глиняных фигурок и небольшое бронзовое изображение козла [по определению В. Ф. Ошанина — *Capra megaceros*], доставленные оттуда А. Б. Вревским. Другим последствием поездки последнего было сделанное по его настоянию бухарским эмиром распоряжение всем бекам ханства относительно охраны археологических памятников и доставления всех случайных находок предметов древности для отсылки их в музей ТКЛА⁹⁴. Это распоряжение распространялось тогда и на городище Термез, поскольку отчуждение его к России состоялось только в 1900 году; но практических результатов от него не последовало.

В 1897 году развалины Термеза осматривал действительный член ТКЛА и участник экспедиции Г. А. Кузнецова И. И. Гейер. Он доставил оттуда три фотографии: минарета, группы зданий у мавзолея Хаками Термези и саганы последнего. Надписи тыльной стороны саганы были в основном разобраны на заседании ТКЛА 28 августа того же года⁹⁵. Некоторые личные наблюдения И. И. Гейера нашли отражение в сжатом описании приамударьинской группы развалин Термеза, помещенном в Путеводителе по Туркестану⁹⁶.

Примерно в эти годы в Термезе бывал небезызвестный в деле фиксации среднеазиатских памятников архитектуры офицер Б. Литвинов, который, кроме того, совершил объезд по Ширабадской и нижней части Сурханской долин⁹⁷. Помимо нескольких неплохих рисунков развалин приамударьинской группы, он оставил небольшое описание последних. При нем нацитадели в поперечных стенах «внутреннего редюнта», деливших всю постройку на несколько отдельных помещений, сохранились следы окон и ниш. Внутренность самого большого купольного помещения мавзолея Хаками Термези уже тогда была сильно и сплошь прокопчена, а под существовавшим в то время сводом портала чьей-то неумелой рукой был вставлен посторонний «обломок высеченного из мрамора орнамента»⁹⁸. Б. Литвинову принадлежат первые подробные сведения о несущест-

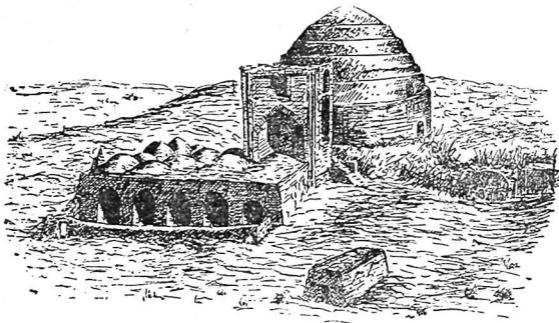
вующем теперь мазаре Ходжа Ворух. Он находился западнее минарета на ширабадской дороге, „за остатками городской стены, на горе“ и представлял „наполовину завалившееся кирпичное здание с разбитым входом и упавшей башней, в которую вела винтовая лестница“. Не исключена, впрочем, возможность, что автор при описании невольно спутал развалины у мазара Ходжа Ворух с руинами упоминавшегося выше минарета. Из отдельных предметов заслуживает упоминания найденная самим автором „часть вазы, очень похожей на греческие, копии с которых наполняют рисовальные классы России“¹⁰⁰.

В 1898 году через Термез прошел маршрут военной рекогносцировки М. В. Грулева, который отметил, что „развалины города Термеза“, примыкающего к руинам крепости Зюнынабад [т. е. цитадели], на востоке сливаются с развалинами другого города — Гуль-гуля или Гулистана. Беглость осмотра сказалась на крайней неточности его кратких описаний. Так, у него создается впечатление, что на башнях приамударьинской группы развалин сохранилась местами облицовка из разноцветных глазурованных кирпичей и что сагана Хакими Термези сложена из плит тесаного гранита. Не будучи осведомленным о разборе основного текста надписи этой саганы, М. В. Грулев привел показание шейха и других лиц из местного населения, будто Термезата похоронен „за 1250 лет до нашего времени“, т. е. в VII веке¹⁰¹.

В августе того же года через Термез возвращалась из Дарваза экспедиция Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, возглавлявшаяся А. А. Бобринским. Члены ее ознакомились с развалинами городища Термез и Гуль-гуля. Результаты этого посещения нашли отражение только в путевом очерке А. А. Семенова, который по состоянию здоровья сумел побывать лишь на группе усыпальниц Султан-Садат. В своем кратком изложении автор привел разобранные им в изразцовой надписи на внутреннем портале двух мавзолеев фрагменты некой родословной. Она могла, как ему казалось, принадлежать лицу, при котором было или построено, или заново отделано все здание. В углу правого от портала мавзолея был расположен тогда „громадный саркофаг из кирпичей, покрытых зеленой глазурью, во многих местах безобразно замазанный глиной“. Вокруг него шла, прерываясь, „лепная глазурная кувическая надпись“. На других многочисленных низких гробницах, наполнявших правильными рядами все мавзолей, ему не встретилось ни одной эпитафии с именем погребенных лиц¹⁰²). Из более поздней статьи А. А. Семенова, написанной через пятнадцать лет после этого посещения видно, что в 1898 году у единственного изразцового портала лежала груда строительного мусора от упавшего и находившегося некогда за ним свода. Несколько в стороне от портала, по левую сторону, в одном из склепов на полу лежали два скелета, завернутые в яркожелтую бумажную материю „кирбос“ и из-под савана у черепов высывалось по луку. Тогда же стены некоторых помещений имели на значительной высоте панели, окрашенные в нежнорозовый цвет¹⁰³).

К тому же 1898 году относится неопубликованная „Краткая записка о земле и воде владения в урочище Термез и его окрестностях“ военного инженера Б. Н. Кастальского, который полагал, что наименее обширные развалины группы „Кишмишхана и Ердала“ в непосредственной близости от казарм принадлежат значительно более позднему времени по сравнению с прочими руинами. Самыми древними из них он считал приамударьинскую группу. В присурханской группе обитаемы были только руины комплекса мавзолеев Султан Садат, где проживал старый шейх Ходжа Сейид Азиз с семейством, считавший себя прямым потомком этих владетельных сейидов, а потому и законным, хотя и непризнанным на-

следником всех земель по арыку Салават ¹⁰⁴). В связи с проводившимися ирригационными работами Б. Н. Кастальский жил в Термезе в течение нескольких лет и произвел съемку термезского района в мелком масштабе, причем на план нанесено было немало уцелевших к тому времени развалин, частью поименованных, частью безымянных ¹⁰⁵). Ему же принадлежит и наиболее подробная (за дореволюционное время), начатая с 1898 года фотофиксация памятников Термеза и его района, в том числе древних ирригационных сооружений. Часть этих фотографических материалов, относящихся в большинстве к 1900 году, опубликована уже при советской власти ¹⁰⁶).

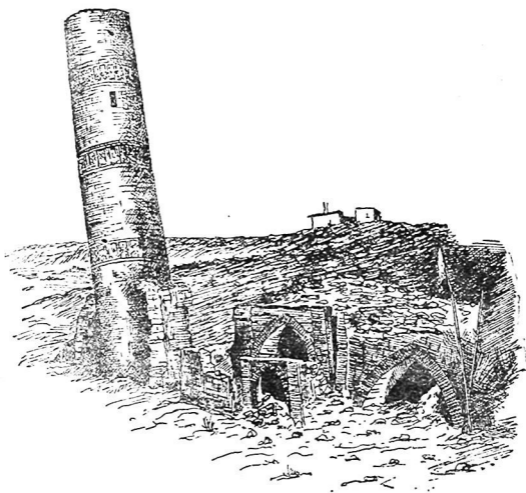

4. Вид комплекса зданий у мазара Хакими Термези в 90-х годах XIX столетия. С рис. Б. Литвинова

Более или менее одновременно с Б. Н. Кастальским развалины Термеза фотографировались Быковским ¹⁰⁷ и Н. И. Максимовым, а несколько позднее местным фотографом Тельминовым ¹⁰⁸.

Проведение в районе Термеза земляных работ, связанных с упомянутым ирригационным строительством, вызвало в мае месяце 1902 года обращение правления ТКЛА в военно-топографический отдел с ходатайством о снятии копии плана местности Старого Термеза и к начальнику инженеро-в Туркестанского военного округа И. Т. Пославскому с просьбой иметь в виду при этом археологические задачи кружка ¹⁰⁹. Топографический отдел действительно представил ТКЛА выкопировку с плана 1897 года приамударьинской группы развалин, а также Нагарахана и Кишмиш-хана. Нет никаких данных, что просьба об археологическом надзоре дала какие-либо реальные результаты ¹¹⁰. Между тем, как указал мне Б. Н. Засыпкин, среди имущества бывшего Музея Строгановского училища, переданного несколько лет назад Музею восточных культур, оказались ящики, неизвестно кем присланные из Термеза примерно в 1904 году и заключавшие в себе несколько обточенных водой и обветренных фрагментов резного алебастрового шгука явно подъемного происхождения. В одном из ящиков среди прочих предметов оказался небольшой эллипстического типа чернолаковый ликинф.

В течение нескольких лет о развалинах Термеза в печати не появлялись ни сколько-нибудь подробные описания, ни хотя бы краткие, но новизне или более точные наблюдения и сведения¹¹¹. В этом отношении исключение составляет поездка ботаника Р. Ю. Рожевица, который в 1906 году случайно, в ожидании парохода, задержался в Патта-Кесаре на шесть дней и побывал за это время на городище. Р. Ю. Рожевиц тщательно изложил свои личные впечатления о главнейших памятниках приамударьинской и присурханской групп, произвел их фотографирование и, наконец, собрал небольшую коллекцию подъемного материала. У крепости автор отметил, между прочим, „сомнительные остатки моста“. Минарет на ширабадской дороге, по мнению Р. Ю. Рожевица, служил, вероятно, наблюдательным пунктом. Свою отчетную работу автор снабдил четырьмя иллюстрациями развалин городища, а в приложении дал сделанный В. В. Бартольдсом перевод некоторых надписей с саганы Хакими Термези. После всего сказанного несколько странно звучат слова заключения, что „остатки древнего города Термеза, как и все остальные многочисленные развалины этой местности, нам видеть не удалось“. Очевидно, автор полагал, что существуют еще какие-то главные развалины собственно Термеза, а что он осмотрел только часть второстепенных¹¹².

5. Вид минарета 1032 г. н. э. в 90-х годах XIX столетия. Справа сверху мазар Ходжа Ворух. С рис. Б. Литвинова

В следующем году, по сведениям Г. В. Парфенова, какой-то англичанин якобы пытался через термезского воинского начальника добиться

права на концессию по использованию развалин Термеза „для разведения виноградника“. С этой целью он предполагал оросить приамударынскую часть городища, с которой составил подробный план. Предприятие это, однако, осуществлено не было.

В 1911 году в петербургских ученых кругах одно время намечалось определенное оживление интереса к Старому Термезу. В первом выпуске XX тома ЗВО помещается зачитанная еще за два года до того пробная лекция А. Сталь Гольштейна на тему о путешествии Сюань-цзана и результатах археологических исследований. В этой лекции, приводя сведения этого путешественника о столице Та-ми и сопоставляя эти данные с описанными у И. Т. Пославского устоями на берегу реки у цитадели, А. Сталь Гольштейн высказал мысль, что они могут являться остатками ступа и что вообще показання китайского паломника приведут к открытию в Термезском районе памятников буддийской древности¹¹³. На заседании Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии 13 мая того же года, по предложению В. В. Бартольда и С. Ф. Ольденбурга, решено было ассигновать 350 р. на командировку в Термез А. А. Захарова, знакомого со съемочным делом, с санскритом и несколькими ориентированным во вещественных памятниках буддизма. Программа работ предусматривала изготовление планов, фотографий и описаний тех памятников, „относительно которых есть основания предполагать, что они относятся к домусульманскому периоду“, а также „рассмотрение на месте вопроса о целесообразности раскопок и разборки памятников, о способах и примерной стоимости таких раскопок“¹¹⁴. Как явствует из дальнейшей переписки, А. А. Захаров в июле действительно прибыл в Термез, но работу не выполнил, и, по докладу В. В. Бартольда, командировка его оказалась безрезультатной¹¹⁵. Тем не менее, местная пресса еще в октябре месяце извещала, что русское археологическое общество с будущего (1912) года предполагает приступить к раскопкам старого Термеза, который „был одно время греческой колонией и составлял часть Бактрийской провинции“¹¹⁶.

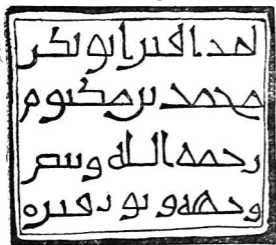
В мае 1912 года правление ТКЛА обращалось к начальнику инженеров Туркестанского военного округа с письменной просьбой, чтобы обнаруженные при казенных земляных работах на площади городища Термез археологические находки были доставляемы в Ташкент для помещения в Музей. Может быть результатом этого обращения явилась присылка небольшого числа фрагментов керамики и нескольких кусков резного алебастрового штuka, поступивших из Термеза неизвестно от кого и хранившихся в Ташкентском музее примерно с этого времени. С другой стороны, эти объекты могли быть получены и от З. З. Виноградова, производившего будто бы любительские раскопки в Термезе в 1913 году. Деятельность последнего установлена Г. В. Парфеновым на основании опросных сведений среди местных старожилов.

В 1913 году в Термезе по служебно-административным делам вторично пришлось побывать А. А. Семенову, который вновь посетил группу мавзолеев Султан Садат, приобрел от шейхов рукопись, заключающую в себе, между прочим, составленную в 1637 году, генеалогию термезских сейидов и постарался досмотреть некоторые развалины из числа оставшихся непосещенными при первом приезде¹¹⁷. Главное внимание он уделил усыпальницам термезских сейидов. Здесь А. А. Семенов отметил, что замыкающий двор портал под более поздней сплошной изразцовой облицовкой несет первоначальную разделку из парных кирпичей, положенных ложком, прерывающихся в шахматном порядке звездами зелено-голубой поливы. Салаватские хаджи к этому времени свели над мечетью купол из старых кирпичей, почистили мусор и вообще от себя завели „некоторый

порядок*. Однако налицо были и явные признаки дальнейшего разрушения. Так, на упомянутом портале уже почти не оставалось не только частей надписей, но и вообще изразцовой одежды ¹¹⁸. Ни описания этого комплексного памятника, ни каких-либо датировок его отдельных зданий А. А. Семенов не дал ¹¹⁹. Тем не менее, сделанный им 11 декабря того же года в ТКЛА доклад о своей поездке вызвал в следующем 1914 году еще одну и последнюю за дореволюционное время попытку изучения Термеза ¹²⁰.

Инициатива исходила от ТКЛА, а Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии собиравшийся поддержать это начинание ассигнованием 400 р. Предполагалось, что предварительным обследованием будет охвачен весь треугольник между Аму-Дарьей и Сурханом, а также остров Арал Пайгамбар. Оно должно было сопровождаться нанесением на однуверстную карту археологических объектов, составлением частных планов с отдельных развалин, фотофиксацией и зарисовкой памятников. Исполнителем этого задания соглашался быть член ТКЛА топограф Н. И. Нехорошев, предполагавший посвятить ему свой отпуск в октябре и ноябре ¹²¹. Начавшаяся в июле мировая империалистическая война сорвала это начинание ¹²².

В 1916 году пребывавший в Термезе инженер Эпель сообщил письмом Н. П. Остроумову, что он хотел бы безвозмездно передать в Музей ТКЛА найденный в приамударьинской группе развалин среди обломков древнего кирпича, из которого лет „около десяти назад сделано термезское шоссе“, жженный кирпич размерами $6 \times 5,5 \times 1$ в³, покрытый с одной стороны вытесненными надписями ¹²³. Судя по приложенному к письму фотоотпечатку, этот объект идентичен с тем долгое время беспаспортным кирпичем, который хранился затем в археологическом отделе Главного среднеазиатского музея. Надпись, оказавшаяся эпитафией некоего Абу Бекра Мухаммеда, сына Махтума, без указания даты смерти, была транскрибирована в 1920 году В. В. Бартольд ¹²⁴. По палеографическим данным, мне кажется, этот кирпич, служивший намогильной плитой, можно датировать X веком.

6. Намогильный кирпич из Термеза

В 1916 году, работавший на месте над вопросом водопользования Шир-абадской и Сурханской долин С. К. Кондрашев, не касаясь совершенно самого городища, не мог не затронуть по ходу своих исследований попутно ирригационной проблемы в древности и пришел к заключению, что вопрос орошения старого Термеза остается неясным ¹²⁵.

В дореволюционное время этим заканчивалось в сущности развитие исследования городища Старого Термеза, которое в западной части своей амударьинской группы развалин в течение нескольких лет использовалось термезским царским гарнизоном под летний военный лагерь. Планировка

укрепления и нового городка Патта-Кесар, строительство зданий, проведение арыков, военно-учебные и прочие земляные работы, наконец, постепенная денудация культурных археологических слоев под влиянием естественных факторов, все вместе взятое ежегодно приводило к обнажению на огромной площади термезских развалин большого числа разнообразных

предметов древности. Значительная часть их утрачивалась, но кое что, в первую очередь монеты, привлекали внимание частных коллекционеров, в большинстве из наезжих чиновников, служащих и др. и обычно имевших в виду дальнейшие коммерческие цели по части выгодной реализации „антиков“. Скупка их у местного населения породила спекуляцию и принимала иногда отвратительные формы наглого обмана ¹²⁶. Крупного антикварного рынка в Термезе не сложилось, но там всегда можно было кое у кого приобрести „старинные вещи“, которые для придания им большего интереса продавцами иногда выдавались за найденные по ту сторону Аму-Дарьи в пределах Афганистана. Монеты, геммы, терракотовая скульптура и различные предметы археологической утвари из Термеза частично поступили в собрания И. Т. Пославского ¹²⁷ и Б. Н. Ка-стальского ¹²⁸. Довольно крупная нумизматическая и отчасти археологическая коллекция имелась у термезского старожила, служителя культа Зампаева ¹²⁹. Немало древних монет вывез из Термеза в 1911 году английский путешественник Делари ¹³⁰. Значительно большее количество их было выкачано постепенно из года в год наезжавшими гренёрами, привозившими в Среднюю Азию из заграничной грену шелковичных бабочек и экспортировавшими попутно в Западную Европу разные „антики“. Как выяснил Г. В. Парфенов, в последние годы перед революцией при штабе пограничной бригады в Патта-Кесаре был учрежден небольшой музей, где предполагалось концентрировать наряду с прочими предметами и археологические объекты. Однако развития этот музейчик не получил, и судьба его коллекций неизвестна. 126 а

Переходя к суммированию всего сделанного за дореволюционное время в отношении городища Старого Термеза, прежде всего следует отметить, что необходимость его изучения и особенно охраны памятников от хищнического уничтожения сознавалась очень многими отдельными лицами. Однако обстановка была такова, что никакой реальной охраны в сущности не было. В Средней Азии в годы реакции, после революции 1905 года, у административно-колонизаторского аппарата намечалась новая точка зрения на памятники местной старины, как на немых организаторов „нежелательной идеологии“ в среде основного населения. При таком подходе не ремонт и реставрация, а скорейшее уничтожение их считалось соответствующим интересам русской государственности ¹³¹. И на поддержание и охрану памятников Термеза царское правительство ни разу не отпустило никаких средств. Упоминаемые в некоторых описаниях в качестве „охранителей“ и сторожей комплексов зданий мавзолей Хаками Термези, а позднее Султан Садат, старики-муллы в действительности принадлежали к тем шейхам, которые, как и в других местах, превратили памятники в очень выгодное средство наживы. Они не особенно стеснялись в способах эксплуатации „святых могил“, продавали, между прочим, древние монеты из развалин в качестве чудодейственных амулетов и даже, чтобы не затруднять себя сбором приношений, сдавали иногда мазар своего мнимого предка Хаками Термези в аренду другим лицам. Лишь изредка уделялись ими из больших доходов скромные суммы на производство такого рода ремонтных работ, которые своим осуществлением могли способствовать дальнейшему увеличению притока средств от населения и которые по своему выполнению находились в прямом противоречии с требованиями подлинной реставрации. Наряду с этим в Термезском филнале Узкомстари-са скоплено так много сведений и официальных документов о бесчисленных случаях систематического разрушения развалин Термеза со времени основания подле них русской крепости, что, пожалуй, полнее можно написать историю последовательного их уничтожения, чем историю изучения за дореволюционное время.

В последней нельзя привести ни одной экспедиции исключительно со специальными археологическими целями¹³², ни одной правильной археологической раскопки, ни одного сколько-нибудь рационально организованного вскрытия, шурфования и даже просто археологического надзора хотя бы за такими крупными работами, как постройка крепости, ирригационное строительство или проведение железной дороги. Единичные скромные по размерам ассигнований мероприятия по изучению Термеза, намечавшиеся научными организациями Петербурга и Ташкента, не могли быть проведены в жизнь из-за недостатка кадров. И в сущности, до 1917 года имело место не столько изучение городища и его памятников, сколько фиксирование о них некоторых фактов и сведений, из которых при этом относящиеся к эпохе до 1905 года в своей совокупности качественно в смысле точности отражения действительности выше последующих. Самый сбор сведений характеризуется случайностью, попутностью, мимолетностью и малой подготовленностью для этой цели лиц, принадлежавших в основной массе к служилому люду: офицеры, топографы, чиновники, изредка исследователи неархеологической специальности. Отрицательно сказывалось, кроме того, незнание в большинстве случаев местных языков и кратковременность пребывания на городище. Нет надобности, пожалуй, особо подчеркивать отсутствие плановости, последовательности или системы в этом стихийном, проходившем самотеком накоплении данных о старом Термезе. Никто не руководил их сбором, они нигде даже не регистрировались, часто не становились достоянием науки. Сплошь и рядом посещавшие и описывавшие Старый Термез не знали своих предшественников. Кроме того, накопленный все же не малый количественно материал, далеко не всегда доброкачествен как с точки зрения фактического отображения или обработки, так, особенно, с точки зрения теоретического освещения. Многие носят яркий отпечаток идеологии колонизаторской буржуазии и русского шовинизма, иногда завуалированных изящным стилем писателя Н. Н. Каразина, иногда откровенно звучащий в заметках более примитивного сапера Валентина Р. Монархически-реакционное и клерикальное направление, свойственное дореволюционной московской археологической школе, нашло отражение в выборе объекта исследования, его описании и трактовке у одного из членов ТКЛА. Считая наиболее интересным памятником среди развалин городища, не говоря о „саркофаге“ Хакими Термези, усыпальницу членов духовной династии термезских сейидов, он в руинах мавзолеев усматривал скорее „дворец, чем дом смерти“, свидетельствовавший, „о былой счастливой жизни и минувшем могуществе в этих местах“¹³³. Чаще проскальзывает отзыв расистской теории, положенной в основу программы деятельности ТКЛА при его основании в 1895 году и совершенно четко прозвучавшей тогда в торжественной речи туркестанского генерал-губернатора А. Б. Вревского¹³⁴.

При всем том, не имелось ни одной марксистской работы, посвященной прошлому Термеза. Вследствие низкого уровня дореволюционных знаний о среднеазиатских археологических памятниках плохо изучались и самые вещи, не говоря уже об отсутствии попыток установить по ним некоторые исторические закономерности.

Учет всей этой обстановки делает совершенно понятным беспомощность старой буржуазной русской археологии при использовании хотя бы тех исторических материалов о Термезе, которые были выявлены академиком В. В. Бартольдом в результате многолетних работ над первоисточниками¹³⁵. Лучшее из того, что осталось нам от культурного наследства русской буржуазной историографии и ориенталистики, после Октября взяла советская археология в Средней Азии, неизбежно начинавшая с „того материала, который нам оставил капитализм со вчера на сегодня“¹³⁶.

В первые годы революции Термез, лежавший на территории бухарского ханства, стал ареной гражданской войны. Уже в марте 1918 года вслед за отступлением советского отряда от Кагана войска эмира бухарского разрушили железную дорогу от Карши до Термеза. Даже после изгнания бухарского эмира в Афганистан в 1920 году в Термезском районе еще много лет продолжалась борьба с поддерживаемым англичанами басмачеством. На территории приамударьинской группы развалин часто происходили стычки отрядов Красной армии с басмаческими бандами.

Эти годы, казалось, мало благоприятствовали созданию соответствующей обстановки для исследовательской деятельности в области археологии. Однако Октябрьская социалистическая революция пробудила в массах интерес к своей родине. Это нашло тогда отражение и в краеведческом движении в Средней Азии, отрезанной фронтами от остальных частей РСФСР. В Термезе в 1920 году С. А. Кукурышинова со своими сверстниками обследует пещеры приамударьинской группы, вскрывает на верхней площадке башни Зурмала одно из погребений, пробует кое-где произвести любительские раскопки, обнаруживает в руинах Кырк-кыз подземные ходы. И только отсутствие руководства и неподготовленность самих исполнителей в известной мере отрицательно отразились на результатах работ¹³.

В 1922 году в Термезе проездом побывал доктор М. Г. Вечеслов, обследовавший затем ряд археологических памятников Афганистана. Попутно и бегло описанные развалины Термеза он разделял на две группы: домусульманскую и мусульманскую. К первой категории он относил древнюю цитадель, остатки береговой каменной дамбы [которая, как ему ошибочно казалось, тянулась от крепости вниз по течению на несколько километров и якобы, по словам Арриана, служила пристанью для судов] и, наконец, со ссылкой на какие-то предания, большое количество развалин к северу от калы и „среди последних“ развалины Кырк-кыз, принадлежавшие, по Рожевицу, древнему монастырю. Среди мусульманских памятников М. Г. Вечеслов отметил усыпальницу Хакими Термези, причем раскрашенная резьба по алебастру недавнего происхождения принята была им за остатки цветной мозаики. Последняя, повидимому, послужила отчасти основанием для отнесения сооружения самого мазара к более раннему периоду, чем установка саганы. Сохранившиеся на портале в группе мавзолеев Султан Садат изразцовые плитки [могущие быть датированными XV веком] привели М. Г. Вечеслова к заключению, что эти здания, которые он называет мечетью Султан эмир Хусайн Садат или мечетью Ходжа Аслар, относятся к какому-то „более древнему периоду мусульманского зодчества“ по сравнению с „мечетями более поздней постройки, украшавшимися сплошными разрисованными кирпичами“^{13а}.

Постепенное научное освоение памятников Термеза и их государственная охрана начались лишь после национального размежевания Средней Азии 1924 года. В 1925 году Средне-Азиатский комитет по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы произвел первую генеральную фотофиксацию развалин городища Термез^{13б}.

Осенью следующего 1926 года состоялась первая экспедиция Московского музея восточных культур в Среднюю Азию. Под руководством профессора Б. П. Денике, в ней участвовало двое научных сотрудников. Экспедиция занималась сперва в Самарканде фотофиксацией загородных домов, затем работала несколько дней в Термезе. Несмотря на краткость пребывания в Термезе, экспедиция, благодаря соответствующей подготовке, смогла произвести ряд интересных наблюдений, причем сами участники расценивали свою работу как рекогносцировочную. Б. П. Денике

высказал предположение, что калы и дамбу нет оснований относить к „домусульманскому периоду“, а следует считать лишь памятником „домонгольской эпохи“. По мнению Б. П. Денике, мазар Хакими Термези явился тем ядром, вокруг которого вырос постепенно комплекс других разновременных зданий. Внутри помещения мазара под обвалившейся поздней штукатуркой на западной и южной стенах были усмотрены остатки резного орнамента в виде повторяющегося мотива трилистника, который Б. П. Денике по стилю отнес к IX веку. XII веком он же датировал резную орнаментированную плиту в южной стене мечети, примыкающей с севера к мазару. Случайностью нужно объяснить признание терракотой упомнутых резных орнаментов, а также панно при входе в мазар, материалом для которых в действительности служит алебастр. Минарет на ширабадской дороге по стилистическим данным Б. П. Денике относил к памятникам „конца домонгольской эпохи“ [конец XII—начало XIII века.]. Он принимал в данном случае датировку, ранее данную памятнику Ван Берхемом¹⁴⁰, и справедливо задавался вопросом, не принадлежат ли прилежащие руины тому городу, который был разрушен Чингизханом. При этом присурханская группа развалин казалась Б. П. Денике относящейся к городу, возникшему после монгольского завоевания. В отношении группы зданий Султан Садат он предложил датировать первоначальную декорацию дворового портала с глазурованными бантиками концом XIV века, а вторичную изразцовую облицовку — не ранее половины XV века, отметив попутно, без попыток датировки, что характер кладки и композиции примыкающего к portalу мазара напоминает декорацию западной стены надгробия в Талхатанбаба¹⁴¹.

В. В. Згура специально изучал на месте руины Кырк-кыз и пришел к заключению, что это небольшой дворец или загородный замок, имеющий в дворцовом арабско-иранском строительстве некоторые аналогии, например, дворец-крепость Хираглаг, построенный Харун-ар-Рашидом на берегу Ефрата. От окончательного вывода в части его датировки В. В. Згура уклонился, будучи смущен тем, что памятник находится среди руин города, возникшего после 1220 года¹⁴². Наконец, исследования памятников „доисламского времени“, позволили установить, что к ним может быть отнесен лишь один из сохранившихся надземных памятников, а именно руины Зурмала или Катта-тупе. Относительно их было высказано предположение, что это остатки буддийского ступа¹⁴³. Экспедиция осмотрела на острове Арал Пайгамбар имевшиеся там мазар и мечеть, причем последняя, по мнению Б. П. Денике, является постройкой бухарского типа и кажется недревней. Результаты экспедиции вскоре были опубликованы в печати¹⁴⁴.

Во время второй Среднеазиатской экспедиции МВК 1927 года работам на городище Термез было уделено уже около полумесца [с 12 по 28 сентября]. В состав экспедиции, кроме возглавлявшего ее Б. П. Денике, входили археолог В. Л. Вяткин, два историка-искусствоведа [из которых один от музейного отдела Татарской АССР] и архитектор Б. Н. Засыпкин, специально обследовавший по поручению Среднеазиатского архитектурные памятники Термеза. Были сняты схематические планы развалин Кырк-кыз, Султан Садат, Зурмала, минарета на ширабадской дороге, так называемого „гофрированного“ здания и ансамбля у мазара Хакими Термези. Сбор подъемного материала с разных территорий городища привел к заключению, что трем важнейшим районам соответствуют три типа керамики: Чингиз-тепе — керамика с красной окраской и красным лощением; району калы и прилежащей с востока площади — „дотимуровская“ [П. Е. Корнилов] или сходная с керамикой „саманидов“ городища Афраснаб [Б. П. Денике]; присурханскому — светлоси-

ная и голубой поливы тимуридского типа. Определения были даны согласно шкале В. Л. Вяткина. В числе подъемного материала оказалась „единственная пока среди термезских находок терракотовая статуэтка в виде человеческой полуфигуры с деформированным лицом“ и „обломок подставки для обжига посуды, засвидетельствовавший наличие местного керамического производства“.

В части памятников до VIII века н. э. экспедицией была осмотрена у одного из жителей Термеза найденная у Зурмала крупная классической профилировки каменная база из мергелистого известняка¹⁴⁵. Кроме того, у Чингиз-тепе, среди куч камней и кирпичей, служивших для обкладки палаток бывшего лагеря, был подобран кусок небольшой статуи сидящего Будды, а у ЮВ угла [очевидно, правильнее СВ угла. М. М.] калы поднята верхняя часть торса статуэтки Бодисатвы и ряд фрагментов из того же мергелистого известняка, которые были датированы IV—VII вв. Тогда же было сделано заключение, что холм Чингиз-тепе был занят городом или, во всяком случае, частью города до арабского завоевания, а что на месте находки упомянутых фрагментов у цитадели в свое время стоял буддийский монастырь. Облицовку жженым кирпичем стен цитадели и набережную Б. Н. Засыпкина также признал относящимся ко времени до VIII века н. э. В ЮВ углу цитадели он предполагал местонахождение дворца.

В восточной части приамударьинской группы развалин, в одной из руин, были замечены случайно торчащие из-под земли куски алебастрового резного орнамента. Небольшая пробная раскопка в одном из углов и зондаж в двух других местах установили наличие богатой штуковой декорации внутри какого-то помещения, о размерах, плане и назначении которого без раскопок трудно было судить. Сравнительный анализ орнамента и резная надпись почерком „насх“ дали Б. П. Денике основание датировать штук рубежом XI—XII веков. Замеченные же под штукатуркой тесанные облицовочные кирпичи и грани с бантиками на полуколонках подсказали Б. Н. Засыпкину мысль, что сами стены древнее алебастровой декорации и даже вызвали у него в результате дополнительных наблюдений предположение, „не имеем ли здесь случай приспособления буддийского здания под мусульманское“.

Разбор В. Л. Вяткиным даты на минарете у ширабадской дороги, где им был прочитан 423 г. х. [1032 г. н. э.]¹⁴⁶, позволил установить, что этот памятник является древнейшим из точно датированных сооружений этого рода в пределах советской Средней Азии. Для группы зданий Султан Саадат Б. Н. Засыпкин впервые установил некоторую хронологическую последовательность, указав что „в целом ансамбль имеет большую ценность для изучения эволюции техники и архитектурных форм с XIII по XVII век“. Памятник Кокильдора определен им как „типичное тимуридское здание“ второй половины XV века, а Кырк-кыз признан домонгольской ханакой в смысле „странноприимного дома с общежитием и кельями“, без признаков культового назначения, за исключением декоративных угловых башен.

Результаты работ второй экспедиции МВК были экспонированы в Москве на специальной выставке, открытой 29 апреля 1928 года, и нашли быстрое отражение в ряде своевременных отчетных статей и исследований трудов большинства ее участников¹⁴⁷. Кроме того, на месте 25 сентября был составлен переданный в Средазкомстарис акт, в котором указывалось на большую археологическую ценность всей территории домонгольского Термеза, на желательность объявления его археологическим заповедником и на необходимость запрещения использования

его под посевами, которыми была уже частично занята самая восточная окраина этой площади¹⁴⁸.

Намечавшееся уже задолго до того взятие на учет по дополнительному списку „развалин Старого Термеза, мавзолея Абу Али Хакими Термези в г. Термезе и мавзолея Султан Садат около селения Патта-Хисар“, было утверждено постановлением ЦИК и СНК УзССР от 6 октября 1927 года за № 128¹⁴⁹. Однако никаких мероприятий по учреждению заповедника со стороны Средазкомстариса не последовало.

Поздней осенью 1928 года экспедицией МВК была проведена третья полевая кампания на территории Термеза совместно с Узкомстарисом. Последний был создан при Наркомпросе УзССР на базе бывшего Самаркандского комитета по охране памятников в связи с незадолго перед тем происшедшей ликвидацией Средазкомстариса. Кроме всех лиц, участвовавших во второй экспедиции, к работам 1928 года были привлечены еще историки-искусствоведы Б. В. Веймарн и В. Н. Чепелев.

Поставленная задача по изготовлению топографического плана городища с показанием рельефа в горизонталях была выполнена только в отношении цитадели и прилегающей к ней площади, включавшей целиком территорию, обнесенную первым кольцом внутренних городских стен. Подъемный материал с городища дал, между прочим, фрагменты „древнейшей украшенной росписью керамики“. Более расширенные по сравнению с предыдущим годом земляные археологические работы, проведенные В. Л. Вяткиным, заключались в заложении в разных местах вблизи калы ряда длинных траншей глубиной до 2 м. Они прорезали остатки былых строений в слоях, которые были сочтены относящимися исключительно к X веку. Встречавшиеся при этом фрагменты керамики, в том числе и красного лощения того же типа, что и на территории Чингиз-тепе, определялись как позднейшее подражание уже после арабского завоевания более старым типам утвари. За остатки буддийского монастыря были признаны осмотренные на южном склоне возвышенности Кара-тепе две полузасыпанные песком пещеры. Их окрашенная кизылкесяком штукатурка оказалась сильно попорченной как посетителями из военного дореволюционного лагеря, так и бывшими обитателями Старого Термеза. Все эти дополнительные наблюдения укрепили уверенность отдельных участников экспедиции в правильности ранее высказывавшейся гипотезы, что „площадь Чингиз-тепе была занята домусульманским городом“ и что буддийский монастырь должен находиться в стороне от собственно города. Во время работ были найдены три фрагмента глиняных фигурок с изображением людей. Один из них, изображающий часть туловища мужчины, был отнесен к произведениям эллинистического мастера „индогреческой школы, так как буддийский мастер не сделал бы нагую фигуру“. Второй может быть туловищем бодисатвы, а третий — остатками одежды напоминает костюмы тохарских всадников из Куча.

Значительно была продвинута откопка помещения, в котором в 1927 году было установлено наличие штукowych декораций. Расчищена была его южная часть и, кроме того, было сделано несколько траншей как внутри, так и вне помещения, что позволило составить отчасти представление о его плане. Открытые площади алебастрового резного штука были подвергнуты тщательному изучению со стороны техники исполнения и стиливых особенностей. Среди строительного мусора были замечены небольшие фрагменты росписи, нанесенной на тонком слое белой штукатурки, которая, по предположению П. Е. Корнилова, могла покрывать несохранившийся купол. На южной стене были обнаружены остатки четырех панно с изображением фантастических зверей. Б. П. Денике допускал возможность постановки вопроса, не носят ли они геральдического харак-

тера и не имеют ли отношения к правителям династий газневидов или караханидов. Однако в этом случае наличие этих панно, по его мнению, не давало основания для определения назначения самого помещения, так как „присутствие изображений зверей возможно и во дворце, возможно и в культовом здании“. Б. В. Веймарн больше склонен был видеть в этом сооружении светское здание, а не мечеть, и, скорее всего, дворцовый зал. Сравнительный анализ техники, стиля, эпиграфики позволил Б. П. Денике уточнить датировку штукатурной декорации и отнести ее к началу XII века.

Более углубленное знакомство с термезскими памятниками архитектуры во время экспедиции 1928 года заставили Б. Н. Засыпкина пересмотреть некоторые свои выводы. В частности, относительно Кырк-кыза он пришел к заключению, что его „придется отнести к одному из древнейших памятников исламской эпохи в Средней Азии“.

Единого сводного отчета о работах этой третьей и последней экспедиции МВК в печати не появилось. Частично результаты опубликованы в ряде статей¹⁵⁰.

Деятельность трех экспедиций МВК в Термезе пробудила на месте интерес к прошлому этого города. В 1928 году там возник даже краеведческий кружок по изучению истории города и оставшихся памятников материальной культуры. В связи с полученными сведениями о попытках самовольных раскопок у здания, где была обнаружена декорация из резного штукатурки, дирекция Главного среднеазиатского музея в начале декабря 1929 года командировала в Термез Л. Н. Соколова и Т. Миргиязова. Сделанные ими на месте фотоснимки установили, что у изображения „дива“, в виде двух сросшихся в одной антропоморфной голове звериных туловищ, были выворочены сильно выпуклые глазные яблоки.

В 1930 году появилась в печати работа Б. Н. Кастальского по историко-географическому обзору Сурханской и Ширабадской долин. Автор, помимо основанного на русских пособиях компилированного очерка по истории района, привел описание развалин Термеза. В последнем изложен ряд личных наблюдений и соображений, сложившихся в результате неоднократных посещений городища на протяжении почти свыше трех десятков лет. Как и все без исключения предшествующие исследователи, Б. Н. Кастальский считал, что „старая крепость с ее набережной так и осталась по настоящее время невозобновленной“ после монгольского разгрома 1220 года. Несомненным он считал, что кирпичная набережная построена до арабского завоевания. По поводу мнения, что Зурмала является буддийским ступа Б. Н. Кастальский писал: „лично я позволяю себе усумниться в этом смелом выводе“. Прекрасной мраморной сагане Хакими Термези он придавал исключительное значение: „только этому памятнику Термез обязан своей точной локализацией“. Построение же самого здания мазара и изготовление плит саганы Б. Н. Кастальский предлагал связать с деятельностью Исмаила Саманида и отнести ко второй половине IX века. Остальные выводы находятся в большинстве случаев в зависимости от результатов экспедиций МВК, за исключением описания остатков древних ирригационных сооружений, где впервые сообщается много новых фактов по личным наблюдениям автора 1900 года¹⁵¹.

В 1931 году экспедиция I Московского государственного университета и Государственного исторического музея при участии представителей Государственного ученого совета при Наркомпросе УзССР посетила Термез и ознакомилась с его памятниками. Развалины были подвергнуты фотографированию. В научном отношении эта поездка, повидимому, прошла бесследно: результаты ее в печати не публиковались.

Узкомстарис, в бытность свою с конца 1928 года в Самарканде в ведении Наркомпроса УзССР, не сумел развернуть работы в республиканском масштабе и, в частности, не уделял должного внимания памятникам Термеза¹⁵². В результате ослабления надзора за ними при ремонте ширабадской дороги в начале 1932 года по недосмотру были разобраны остатки минарета 423 г. х. Переведенный после того в Ташкент и вошедший в систему учреждений, непосредственно находящихся при СНК УзССР, Узкомстарис в сентябре месяце 1933 года организовал специальную археологическую экспедицию под руководством М. Е. Массона с участием Я. Гулямова, Т. Миргиязова и фотографа И. П. Завалина в район Айртама на берегу Аму-Дарьи в 18 км выше Термеза. Основной ее задачей являлась разведка места, где случайно был обнаружен фрагмент скульптурного каменного карниза, датированный мною I—II веками н. э.¹⁵³

Разведочная деятельность экспедиции, на Айртаме едва уложившись в предельно лимитированный ей срок¹⁵⁴, Ознакомление с обширной площадью городища Термез (изложенное в докладе Узкомстарису) привело к тому мнению, что ни сам бугор Чингиз-тепе, ни его шлейф в качестве площади для застройки собственного города и устройства цитадели не могут конкурировать с более пригодными для того соседними возвышенными платформами выходов песчаника на месте цитадели и Дунье-тепе. В содержимом культурных слоев (особенно в керамике) и стратиграфии территории Чингиз-тепе усматривалось много общего с таковыми из Айртама. Вся эта площадь с явными признаками окружения мощной стеной и башенными сооружениями трактовалась тогда, как обширный буддийский монастырь, своего рода замкнутый городок буддийского духовенства с подворьями и многочисленными зданиями, по размерам иногда не уступавшими айртамским. Среди отдельных архитектурных фрагментов из мергелистого известняка была отмечена к северу от цитадели база античной профилировки на квадратном основании со сторонами несколько более полуметра и общей высотой 25 см. По стратиграфическим данным одного из обрывов на цитадели удалось установить, что последняя не только сосуществовала „буддийской лавре“ на Чингиз-тепе, но, повидимому, была населена еще и раньше. Внутренняя обкладка жженым кирпичем ее угловых башен была датирована X—XI веками, а более грубая наружная облицовка была мной определена как появившаяся при восстановлении цитадели после монгольского разгрома и, вероятнее всего, в 1407 году.

Фотографом И. П. Завалиным была произведена фотофиксация памятников. По возвращении в Ташкент был поставлен вопрос о срочной организации в Термезе филиала Узкомстариса, что и было осуществлено с 1-го января 1934 года.

Уполномоченный Узкомстариса в Термезе Г. В. Парфенов проявил немало инициативы в деле изучения городища и положил начало систематическому сбору вещественных документов и концентрации при филиале литературных и архивных материалов, а также опросных сведений о старом Термезе.¹⁵⁵ С 1934 же года начался систематический отпуск кредитов на ремонтно-реставрационные работы по линии Термезкомстариса.

К числу мероприятий по изучению памятников материальной культуры прошлого Термеза можно еще добавить проводившуюся мной регистрацию монетных находок на территории среднеазиатских республик. С 1917 года удалось постепенно получить довольно полное представление о составе термезских нумизматических находок, часть которых вошла в специальные публикации¹⁵⁶. Самые ранние из зарегистрированных там монет восходят пока к III веку до н. э. Вообще нечасто встречающиеся образцы греко-бактрийского чекана для Термеза представлены теперь рядом имен правителей, начиная с Диодота¹⁵⁷. Среди монет последующих серий имеется ред-

кий экземпляр серебряной тетрадрахмы так называемого Герая, предшественника Кадфиза I [первый век до н. э.]¹⁵⁸ За исключительно обильным собственнo кушанским чеканом следуют кушаншахские редкие золотые и значительнo чаще попадающиеся медные монеты, битые в подражание монетам кушанов и сасанидов. Как недавно впервые и обоснованно доказал Е. Херцфельд, они выбивались в III веке с именами наследников сасанидского престола, носивших титул кушаншахов в бытность их правителями Хорасанской провинции¹⁵⁹. Несколько лет спустя, Ж. Батайль установил ряд их новых типов¹⁶⁰, из которых некоторые известны и по находкам из Термеза. В историко-экономическом отношении значительно важнее отметить обнаружение на городище именно медных кушано-сасанидских и сасанидских медных кружков, т. к. встречавшиеся и раньше одни серебряные сасанидские дирхемы не могли служить показателем обращения на местных рынках в качестве разменной монеты кружков сасанидского Ирана. Среди монет, чеканенных до арабского завоевания, из окрестностей древнего Термеза имеются и неопределенные пока объекты, в роде приобретенной В. Н. Кастальским в 1928 году плоской бронзовой монеты сасанидского типа, принадлежащей какому-то местному чекану и найденной у Кафтархана¹⁶¹. Значительно многочисленнее находки более поздних монет, начиная от чекана восточного арабского халифата и до продукции монетных дворов Бухары и сопредельных стран XIX века [в том числе и русских медных денег XVIII столетия]. Они встречаются иногда целыми кладами большого состава, как, например, изучавший мною клад монет XIV века, найденный в 1928 году и заключавший в себе около 500 штук разнообразных серебряных дирхемов. Это был первый и единственный подробно моннографически обработанный клад из числа среднеазиатских находок¹⁶².

Подытоживая результаты освоения Старого Термеза за революционный период до 1936 года, нужно прежде всего отметить изменение отношения к нему со стороны широких масс. Уже много лет, как ансамбль Султан Садат и мазар Хакими Термези перестали быть средством наживы для многочисленных кормившихся около них шейхов. На смену вереницам одиночных паломников, безнадежно уповавших на получение у "святых могил" исцеления, теперь устремляются сюда организованные экскурсии трудящихся. До революции, как уже упоминалось, в течение нескольких лет площадь в районе Чингиз-тепе занималась под военный лагерь. Следы земляных работ наглядно свидетельствуют, что перекопано было немало кубометров культурных слоев. Это неизбежно должно было сопровождаться безнадежной утратой археологического материала. Не привлекая к себе внимания, в обходку офицерских палаток попадали куски буддийских каменных статуй и архитектурные фрагменты классической профилировки. И только много лет спустя, экспедиция советского востоковедного учреждения в мусоре офицерского лагеря сделала важное научное открытие. Сейчас зарегистрированы десятки случаев, когда колхозники, рабочие и служащие ставят о своих находках в известность научные организации.

В годы революции были изданы первые правительственные постановления об охране старого Термеза, были осуществлены первые регистрационные и ремонтно-реставрационные работы на его памятниках архитектуры, были проведены первые специальные научные экспедиции по археологическому изучению термезского городища.

Среди последних самое видное место принадлежит Музею восточных культур. Благодаря его деятельности совместно со Средазкомстарисом и Узкомстарисом многие "немые" до того памятники оказались определенными во времени и быстро сделались достоянием науки. Б. Н. Денике принадлежит первая попытка учесть данные предшествующих наблюдений, недостаточность чего явно проглядывает в опубликованных работах остальных участников экспедиций. В них проскальзывают следы не совсем чет-

ких представлений о подлинной истории Термеза. Так, например, участники экспедиций принимали безоговорочно сообщения арабско-иранских авторов о монгольском завоевании и повторяли в разных выражениях явно противоречащее действительности утверждение, что в 1220 году город был разрушен до основания¹⁶³. Нет данных считать, что в 689 году имело место „разрушение арабами Термеза“¹⁶⁴. Наоборот, есть достаточно фактов полагать, что Муса проявил к этому городу и его укреплениям довольно бережное отношение. В полном расхождении с историческими источниками находится и упоминание, будто Термез „в XIV веке был снова разрушен Тамерланом“¹⁶⁵.

ТЕРМЕЗСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПЛЕКСНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1936 г.

Организация ТАКЭ

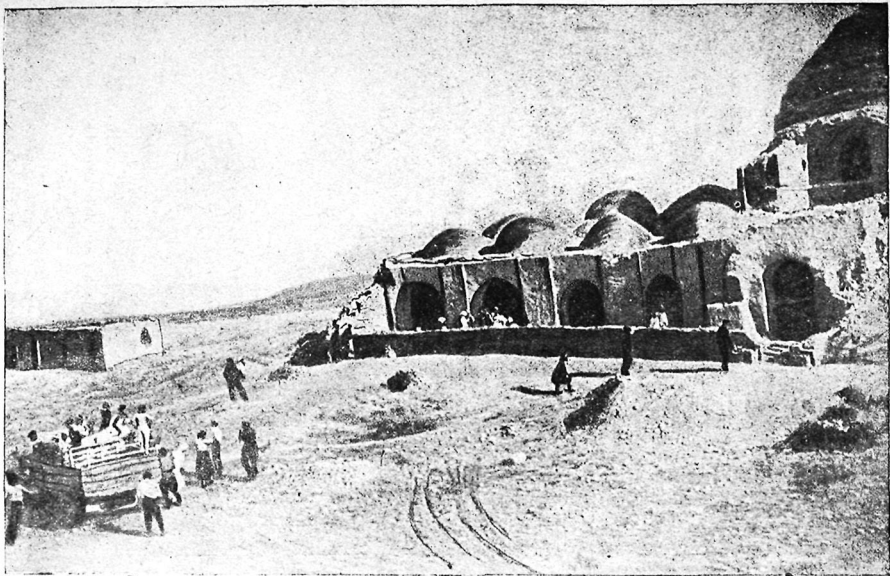
На 1936 год Комитет наук УзССР утвердил организацию Термезской археологической комплексной экспедиции [ТАКЭ].

Перед ней ставилась задача широкого охвата всего огромного комплексного объекта Термеза с одновременным выявлением по возможности всех встречающихся там групп памятников материальной культуры различных эпох. Основной и конечной целью исследования являлось раскрытие общественных отношений на основе всестороннего изучения вещественных памятников прошлого. Такой размах первой в Средней Азии по широте и объему программы археологической экспедиции мог быть обеспечен лишь привлечением к работе в течение ряда лет не только местных, но и центральных научно-исследовательских организаций. В силу ряда причин большинство центральных учреждений не смогло реализовать свое принципиальное согласие на участие в полевой деятельности ТАКЭ в 1936 году. Фактически лишь один Эрмитаж выделил четырех своих научных сотрудников.

Узкомстарис, помимо своих научных работников, привлек также к участию в экспедиции Государственный музей в Самарканде и Сурхандарьинский окружной музей в Термезе. В состав ТАКЭ, под руководством доктора археологии М. Е. Массона входило 13 научных и научно-технических работников: от Узкомстариса 5 [археологов-ориенталистов—3, инженер-ирригатор—1, уполномоченный Термезского филиала—археолог—1]; от Эрмитажа 4 [искусствоведов—1, ориенталистов—2, археологов—1]; от Сурхандарьинского окружного музея—1 [археолог]. Основную работу по общей фотофиксации провел фотограф Узкомстариса И. П. Завалин. Две полевые кампании работ пришлось в основном на время с половины мая по первые числа июля и с половины октября по первые числа декабря. Сотрудники Эрмитажа и Самаркандского музея работали в поле только в летний период, инженер-ирригатор—только в осенний.

Чтобы обеспечить возможно большую эффективность работы за полевой период деятельности, был проведен ряд организационных мероприятий, к числу которых относится, между прочим, предварительный выезд руководителя экспедиции в Термез для подготовки приема экспедиции, уточнения объектов исследования и выяснения местных условий. Для членов экспедиции в Сурхандарьинском окружном музее Г. В. Парфеновым была устроена временная выставка археологических материалов, найденных на городище Термез за период существования Термезкомстариса. На выставке демонстрировалась основная литература о Термезе, а также копии некоторых документов, имеющих отношение к его прошлому.

Местами постоянного пребывания сотрудников ТАКЭ являлись два лагеря, разбитые на городище в приамударьинской группе развалин: ос-

7. Приезд экскурсантов на городище Старого Термеза

новной лагерь № 1 у мавзолея Хакими Термези и подсобный лагерь № 2 у ансамбля развалин пригородных дворцовых сооружений. Режим жизни регулировался применительно к пустынной обстановке. Особенно трудны были условия летнего периода, когда в некоторые дни температура воздуха в тени достигала 48° и когда работа полевой фотолаборатории могла производиться только на заре в наиболее прохладные часы.

Члены ТАКЭ в течение полевого периода проводили политико-просветительную работу, выразившуюся, между прочим, в приеме приезжавших из Термеза организованных групп гражданского населения и военного гарнизона, с которыми проводились специальные экскурсии по развалинам городища и рабочим площадкам отрядов. Для них при лагере № 1 был развернут небольшой полевой музей археологических находок. Всего через оба лагеря пропущено свыше 800 человек экскурсантов. Кроме того, ряд научных работников ТАКЭ прочел в Термезе и на промыслах Уч-Кизыл 14 лекций о прошлом Термеза в свете работ экспедиции. Лекции посетило свыше 3000 человек.

В течение периода полевых работ экспедиция встречала всяческое содействие советской общественности Термеза, причем особенно много было проявлено внимания к ТАКЭ со стороны Термезского ДКА и Сурхандарьинского окружного музея.

В отличие от ранее проводившихся исследований Термеза, работы ТАКЭ велись с возможно большим учетом исторических сведений письменных первоисточников об этом городе и с более или менее полным привлечением ранее установленных данных об его развалинах. Впервые в археологической практике Средней Азии из культурных слоев брались

8. Экскурсанты на раскопке тронной залы дворца XI—XII веков

археолого-биологические пробы, в обработке которых достигнут контакт археологов и руководителя кафедры биологии САГУ профессора А. Л. Бродского. Кроме того, ставились опыты ручного бурения для скорейшего

получения представления о стратиграфии естественной платформы городища и об его культурных наслоениях. Кое-где были заложены шурфы зондажного назначения. Вообще же по самому характеру своего исполнения полевая деятельность ТАКЭ состояла из земляных работ [шурфовка, расчистки, раскопки], археологических и архитектурных обмеров, археолого топографической съемки, сбора подъемного материала, археологического наблюдения, фототификсации и зарисовок.

Поотрядная и тематическая работа ТАКЭ

Главное внимание при полевых работах 1936 года было сосредоточено на изучении в первую очередь приамударьинской группы развалин, где работали все основные отряды.

Изучение исторической топографии

Отряд по изучению исторической топографии развалин Термеза, работавший под руководством М. Е. Массона, состоял из В. А. Шишкина и В. Н. Кесаева. При этом первому было поручено обследование калы и обнесенных стенами I и II площадей городища, а второму — всей остальной части его примерно в пределах внешних городских стен. Вся упомянутая территория была условно разбита на сеть квадратов, площадью в 1 га каждый, в целях облегчения планомерности последовательного изучения, большей четкости обозначения отдельных пунктов, уточнения паспортизации подъемного материала и упрощения увязки с последующими работами аналогичного характера. Для ориентировки в этой сети квадратов, на городище была произведена разбивка геометрической сети с установкой увенчанных красными флажками вешек. Вопреки обычному изучению среднеазиатских городищ по преимуществу со стороны их внешнего грубого скелета [контуров калы, шахристана, рабада, их стены и ворота] и иногда с подробным топографическим отображением рельефа, в ТАКЭ делался упор на хронологическое опознание истории заселения отдельных площадей [получивших условные обозначения римскими цифрами и первыми заглавными буквами русского алфавита], а также на выявление внутренней структуры города путем смешанного наблюдения за археологическим микрорельефом. Все это, а также полуинструментальная глазомерная и мензульная съемки дали хороший материал для составления первоначального общего археологического плана приамударьинской группы развалин. На них удалось схематически воскresить часть планировки Термеза, в основном начала XIII века, с рядом улиц, площадей, арыков, хаузов, колодцев, кладбищ, жилых и промышленных кварталов, архитектурных комплексов и даже некоторых отдельных зданий. Попутный сбор подъемного материала для получения соответствующих хронологических определений проводился с поквартальной регистрацией и был начат лишь после того, как упоминавшаяся сеть была закреплена в натуре вешками.

Памятники доклассового общества

Намечавшийся специальный отряд по изучению памятников доклассового общества на территории Термеза и его окрестностей в 1936 году организован не был. Осмотр пунктов, где Г. В. Парфеновым были зарегистрированы находки отдельных объектов, могущих быть отнесенными к материальным памятникам первобытного общества, не давал достаточной уверенности в целесообразности постановки на них земляных работ в связи с возможной случайностью появления там этих предметов. Кроме того,

приходилось считаться и с недостатком в личном составе ТАКЭ археологов, специализировавшихся на изучении подобных групп памятников материальной культуры. Во избежание неэффективной затраты времени и средств решено было не разворачивать в этом направлении специальных исследований до установления мест с более выразительным в стратиграфическом отношении залеганием соответствующих культурных слоев.

Раскопки на Чингиз-тепе

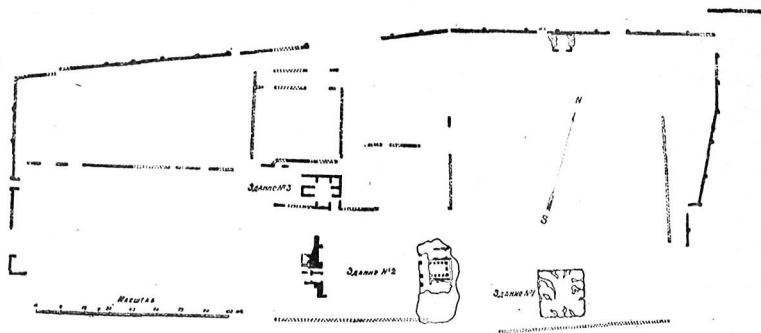
Самым крупным по своему постоянному численному составу являлся отряд, в задачу которого входило изучение памятников дофеодалного периода. Его составляли три сотрудника Эрмитажа и археолог Самаркандского музея. Археологической раскопкой руководил Б. Б. Пиотровский. Программой предусматривалось производство небольшой раскопки у остатков одного из зданий ранее установленного мной комплекса строений общественного назначения на юго-восточном шлейфе возвышенности Чингиз-тепе, заложение ряда пробных шурфов в этом районе и предварительное обследование ряда других пунктов, в том числе к северу от внешней стены рабада. Выбор Б. Б. Пиотровского пал на остатки прямоугольного строения, расположенного вблизи восточной стены, огораживавшей площадь упоминавшегося шлейфа Чингиз-тепе. Сравнительно лучшая сохранность и относительно небольшие размеры этого объекта гарантировали более быстрое и успешное доведение раскопок до конца.

Раскопка производилась по квадратам [$2 \times 2 \text{ м}^2$], ось для сетки которых была разбита в меридиональном направлении. В 1936 году удалось вскрыть

9. Чингиз-тепе. Выяснение кладки из сырцового кирпича приемом проколов и процарапываний швов стальным щупом

лишь несколько более одной трети здания в южной его части общей площадью примерно в 220 кв. м^2 и заключавшей в себе четыре комнаты.

10. Генеральный план территории ансамбля дворцовых зданий в Старом Термезе

Стены их оказались сложенными из массивных сырцовых кирпичей. Три уровня разных полов и следы на внутренних стенах нескольких слоев обмазки, из которых нижняя красная обмазка одной комнаты была сделана из кизылкесяком, заставляют предположить наличие нескольких периодов заселения. Назначение здания, равно как и план его, до полного раскрытия остаются неопределенными. Последний период его обитания, судя по находке в верхних слоях серебряной монеты с изображением сасанида Варахрана IV [388—399], относится к IV или V векам.

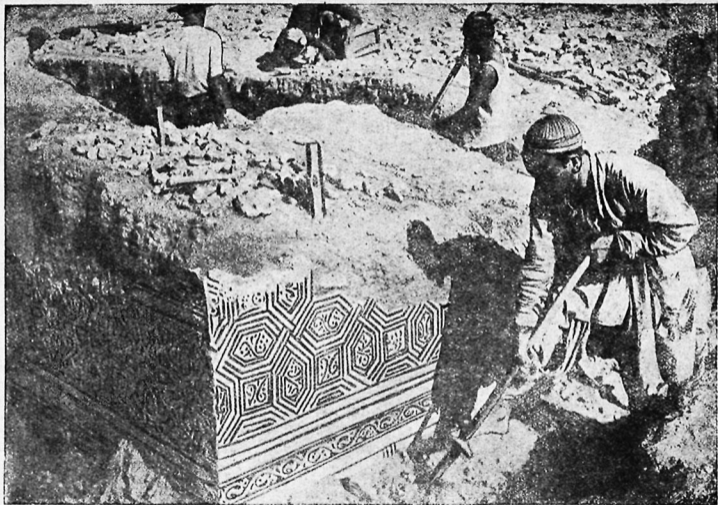
Кроме указанной раскопки, отряд успел произвести на бугре Каратепе небольшую расчистку в осмотренной экспедицией 1928 года пещере № 1. Установлено, что раскраска стен как будто имела вид орнаментирующей росписи. При откопке второго входа в эту пещеру была найдена медная монета с изображением сасанида Шапура II [309—379 или 310—380].

Изучение пригородного комплекса дворцовых сооружений

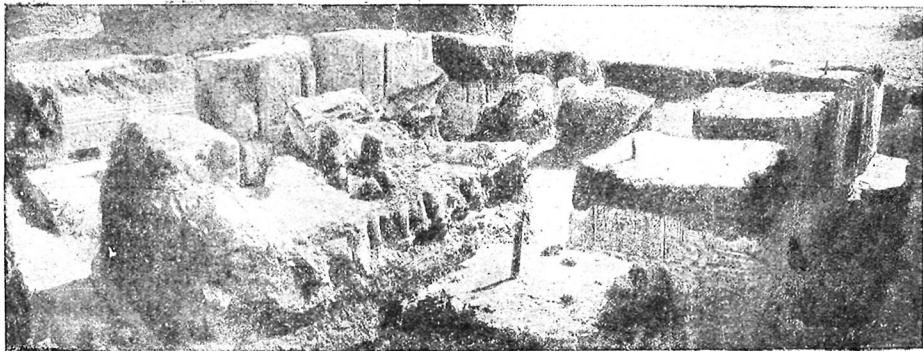
Специальный отряд был сформирован для раскопок в восточной части городища здания, начатого исследованием еще Музеем восточных культур. В летний период в состав его входили Г. В. Парфенов, В. Д. Жуков и эпизодически работал В. А. Козловский. В осенний период основным производителем работ был В. Д. Жуков при участии в течение нескольких дней В. А. Шишкина. Кроме того, в течение двух дней частичный надзор за отдельными участками вел Д. Д. Букин и ч. Работы велись под руководством М. Е. Массона.

Предварительное ознакомление со всей группой развалин, сосредоточенных на площади свыше 10 га, обнесенной некогда глинобитной стеной, привело к необходимости произвести их реинвентаризацию. В логической последовательности были выделены целые отдельные комплексные объекты, получившие порядковую нумерацию арабскими цифрами в направлении с востока на запад; это оправдывается, кроме того, хронологической последовательностью их возникновения. Зданием № 1 были названы руины дворцового сооружения, которые могут быть условно отнесены к категории памятников «сасанидского» типа и которые благодаря некоторому сходству со зданием Кырк-кыз в присурханской группе получили в ТАКЭ наименование Малого Кырк-кыза. Возникновение здания № 1, когда то имевшего самостоятельное внешнее ограждение стенами, остатки которых сохранились в виде валов с восточной и южной сторон, до детального изучения допустимо отнести к последнему веку до или первым векам после арабского завоевания. Зданием № 2 поименованы обширные развалины более позднего парадного дворца, в декорации которого еще экспедицией 1927 года было установлено наличие резного алебастрового штuka. (В связи с этим дворцом находится постройка тех мощных внешних глинобитных стен, которые как бы неправильными четырехугольником охватывают всю площадь ансамбля этих зданий, занятую некогда в большей своей части, вероятно, садово-парковыми насаждениями, а также дворовыми и хозяйственными постройками. Стены эти, прерывающиеся бурджами и прорезанные многочисленными бойницами с восточной и западной сторон, имеют двое главных ворот, а в северной части был проход, видимо, второстепенного назначения. У западных ворот и у пролета северного выхода сохранились развалины, должно быть, караульных помещений. № 3 обозначены развалины здания, от которого сохранились центральный зал, шесть боковых помещений (по три с каждой стороны) и неопределенные пока остатки строений, примыкавшие к ним с востока. Здание это по времени сооружения несколько моложе парадного дворца.)

В 1936 году работы сосредоточены были исключительно на здании № 2, где в основном вскрыта целиком аудиенц-зала, прилегающая часть айвана и, кроме того, Г. В. Парфеновым неполностью раскопаны при-

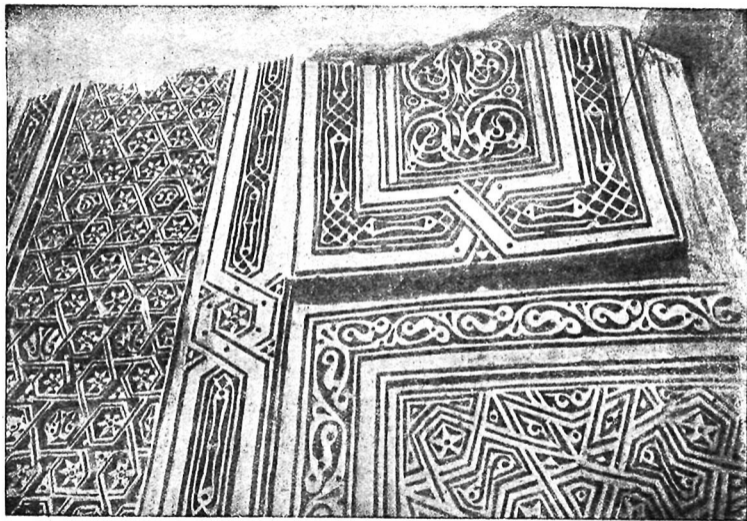
11. Откопка пилонов вдоль южной стены тронного зала дворца XI—XII веков

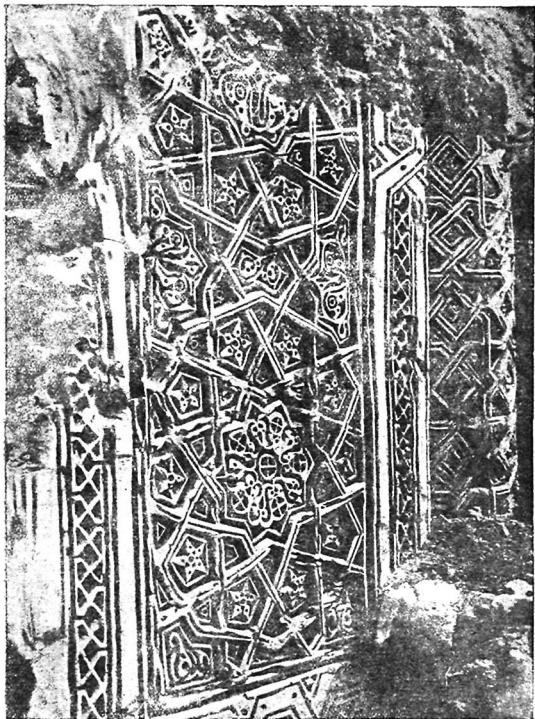
12. Общий вид тронного зала с юго-западного угла весной 1936 года

мыкающие с южной стороны помещения. Раскопка произведена с разбивкой на квадраты площадью $1 \times 1 \text{ м}^2$ и послойным углублением через $0,5 \text{ м}$. Самое здание, по словам Г. В. Парфенова, у местных жителей носило якобы наименование „Саманихана“ и „Тахтхана“ и связывалось с тронным дворцом саманидов. Нет достаточных оснований полагаться в данном случае на историческую точность местного устного предания. Ряд грубых анахронизмов в отношении саманидов допущен был уже в XVII веке в рукописной генеалогии местных сейидов. В этом, впрочем, можно усматривать и сознательное искажение из личных интересов, поскольку автор генеалогии сам происходил из рода этих владетельных ходжей. Взгляд на то, что дворец был сооружен в IX—X веках некоторое время разделялся как производителями работ [В. Д. Жуковым и Г. В. Парфеновым], так и консультировавшим в 1936 году ремонтные работы в Термезе архитектором М. Ф. Мауером. Данные раскопок не подтверждают этого, поскольку основные археологические материалы из слоев, относящихся к эпохе постройки здания, не восходят, за исключением случайных объектов, по времени ранее XI столетия. Кроме того, а priori можно было сомневаться в практической надобности при саманидах такого колоссального дворца чуть ли не в 7000 м^2 , т. е. маленькой области Термеза была подчинена тогда эмирам, постоянной резиденцией которых был город Саганиан или Чаганиан. Наконец, если бы этот пригородный дворец с обширным садом действительно существовал уже при саманидах, то он, несомненно, был бы упомянут кем-либо из многочисленных писавших о Термезе авторов X века наряду с фигурирующим в их описаниях более скромным дворцом в цитадели. К сожалению, более поздние описания Термеза приводят только компиляторами, в основном пользовавшимися сведениями из сочинений тех же писателей X столетия, а потому редко отражавшими современную им действительность. У Идриси, составившего свой труд в середине XII века, есть указание, что пригород Термеза был окружен стеной почти со всех сторон и что „там отмечают замок, предназначенный для резиденции правителя области, разные здания и базары“¹⁶⁶. До Идриси, конечно, могли прийти каким-либо путем сведения о достопримечательном термезском дворце и возможно, что именно он подразумевается под упомянутым замком. Однако легко допустить, что Истахри на самом деле имеет в виду дворец внутри цитадели.

Археологический материал и архитектурный анализ в сопоставлении с обширными историческими данными о прошлом города привели меня к заключению, что дворец первоначально был построен не в первой четверти XI столетия, когда Термез входил в состав владений государства газневидов. В 1025 году султан Махмуд совершал в Мавераннахр поход, во время которого предстояла встреча с хорезмшахом и, главным образом, с могущественным владетелем Восточного Туркестана, Кадырханом. Махмуд тщательно готовился к свиданию с этим турецким ханом, используя все средства, чтобы поразить его пышностью, богатством и великолепием церемониала и подарков. Султан этого достиг: Кадырхан, очевидно, был подавлен внешним проявлением могущества правителя Газны. Для этого приема после перехода армий у Термеза по pontонному мосту через Амударью, по словам Гардизи, Махмуд приказал разбить обширный „дворец-павилон“ [سرای پرده بزرگ] таких размеров по занимаемой площади, что в нем могли разместиться якобы 10.000 всадников. Кроме этого „дворца-павильона“, был устроен еще другой из парчи цвета мареновой шпинели с парчевыми же балдахинами и харлушта [составная часть шатрообразного перекрытия]. После обеда оба правителя перешли в „зал веселья“, украшенный драгоценными камнями, вышитыми золотом тканями, хрусталем,

13. Тронный зал. Деталь штукатурной декорации второго пилона вдоль северной стены

14. Тронный зал. Деталь штукатурной декорации второго пилона вдоль северной стены

зеркалами и редкими вещами ¹⁶⁷. Если бы в то время уже существовал огромный постоянный пригородный дворец в Термезе, то, вероятно, он бы и был использован для приема Кадырхана. Очень возможно, что достигнутый Махмудом эффект следует в той или иной мере связывать с постройкой позднее парадного дворца в Термезе, где во время приема главу государства обычно замещал его наместник.

От времени правления газневидов в Термезе оставался минарет, точно датированный 1032 годом. Сравнение с ним декораций первоначального дворца III площади городища говорит отнюдь не в пользу их сближения. Это относится и к размерам употребленного на сооружение обоих жженого кирпича. Наоборот, сопоставление термезского дворца с несколько более поздними памятниками сельджукидов в Туркмении дает много аналогий в технических приемах, пропорциях и архитектурной обработке фасадов.

Возведенный в XI веке из сырцового кирпича дворец был облицован снаружи и отчасти кое-где внутри плоским жженым кирпичем, которому иногда придавали фигурные формы для выкладки рельефных узоров и который в редких случаях покрывался резьбой. В 1936 году было установлено уже наличие около 30 видов таких фигурных и резных облицовочных кирпичных плиток. Главный вход во дворец был расположен с западной стороны, где к нему прилежала площадь, превратившаяся теперь как бы в плотный такыр. Огромный арочный портал пропускал посетителей внутрь четырехугольного двора площадью свыше 200 м² с водоемом посредине, остатки которого обнаружены в осенний период работ 1936 года. Двор, повидимому, был окружен айваном, прерывавшимся в середине южного и северного фасов павильонами. Прямо против портала была устроена открытая с фасадной стороны аудиенц-зала, вход в которую обрамлял также айван, но с высоко вознесенной входной аркой, покоившейся на массивных [свыше 2 м в стороне] прямоугольных столбах-колоннах, и имевший выложенный фигурной кладкой пол. Самая аудиенц-зала представляла собой прямоугольную комнату [13,5 × 11,5 м²], разбитую десятью прямоугольными же в плане столбами-колоннами на три части. Широкий средний неф был перекрыт на большой высоте арочным сводом, а боковые, благодаря устройству у восточной стороны среднего одиннадцатого столба, образовывали как бы коридор, с трех сторон обнимавший главный неф. Трон правителя, повидимому, стоял перед средним — одиннадцатым — столбом, который декорировал имевшийся в восточной стене проход, необходимый для церемониала и полезный в случае необходимости незаметного оставления зала. Коридоры имели перекрытие более низкими сводами, и над ними вторым ярусом располагались, очевидно, такие же галереи с открытыми внутрь центрального нефа интерколумниями. Через последние мог проникать в аудиенц-залу и верхний свет, хотя главная масса его врылась через обращенную во двор и совершенно открытую в виде арочного прохода сторону. Внутренняя архитектурная декорация аудиенц-залы состояла из облицовки стен, столбов и полуколонн фигурными и резными кирпичами, которая сохранилась частично под толстым слоем позднейшего алебастрового резного шtuка.

Этот богатый шtuк появился на следующем этапе существования дворца. Он покрывал собою сплошь все стены и столбы аудиенц-залы до арочных перекрытий включительно. Глубокая резьба геометрического и растительного орнамента дает большое число разнообразных неповторяющихся мотивов. Кое-где на угловых трехчетвертных колонках и по изгибам арок имеются обрывки арабских надписей узорчатом почерком „насхом“ XII века, текст которых не почерпнут из корана. На основных стенах и под самими сводами когда-то располагались резные панно с изображением зверей то в виде парных противостоящих в торжественных позах крылатых грифонов, то в виде двух обращенных друг к другу спинами львиных туловищ, слитых в одной антропоморфной голове, то в виде характерного для скифского и сасанидского искусства мотива борьбы, когда хищный зверь впирается в травоядное животное, и т. п. Аудиенц-зала дала фрагменты свыше десятка таких панно. Задняя дверь в восточной стене была заделана,

15. Тронный зал. Деталь штукатурной декорации пилонов

заштукатурена и поверхность ее вместе со всей стеной вошла в одну общую орнаментальную композицию резного штукатурка.

В этот же период [если не позднее] могли появиться оконные [и, может быть, люнетные] решетки — панджара из алебаstra со вставкой мелких кусочков разноцветного стекла от разбитых и бракованных разных тонов синих, зеленых, малиновых и прозрачно-белых пузырьков, флаконов и прочей утвари. Белый алебастр и глубокая резьба внутреннего убранства стен аудиенц-зала в условиях местного освещения должны были давать

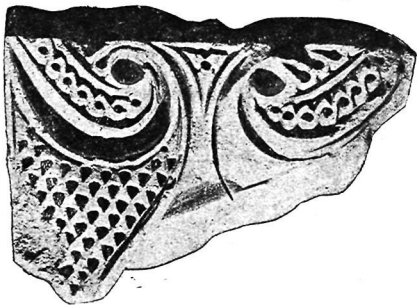
16. Тропный зал. Деталь штукатурной декорации

резкое сочетание света и тени. Совершенно особое ощущение вносили блики лучей, проникавшие сквозь цветные стекла решеток. И легко представить эффект прекрасно учтенного психологического воздействия всего архитектурного ансамбля и внутренней декорации на посетителей, вводившихся через дверь под сводом высокого портала на обширный замкнутый двор и видевших в глубине как бы открытый зев пещеры аудиенц-залы, а после того, как раздвигался занавес, и сидевшего на троне правителя на фоне золота, пестрых тканей и в соответствующем окружении. С точки зрения искусства остатки штукатурной декорации по обилию орнаментальных мотивов, художественности, высокому качеству технического исполнения должны быть признаны уникальными. Точно также единственными являются пока и изображения зверей, не встречающиеся на других архитектурных памятниках Средней Азии до XIV века. Сама же техника штукатурной разделки, хотя и не

на таких больших площадях, как в термезском дворце, известна на арабско-иранском востоке из целого ряда пунктов, начиная с месопотамских построек IX века в Самарре близ Тигра, открытых Ф. Зарре и Е. Герцфельдом¹⁶⁸. В Средней Азии северные пределы распространения этого приема архитектурной декорации, как удалось установить при моих разъездах, захватывают долины рек Чу и Талас [в последней — дворцовое здание на городище Ак-тепе близ г. Таласа]. До термезских раскопок наиболее сохранным и самым крупным памятником этого рода была панель IX-X века из зала одного общественного здания на Афрасиабе, полностью откопанная и перевезенная мной в августе 1919 года в Самаркандский музей¹⁶⁹.

Повидимому, в XII веке парадный дворец пришел в упадок и когда понадобилось его восстановить, то вместо того, чтобы проделывать трудную и неблагодарную реставрационную работу по возобновлению и очистке узорной кирпичной облицовки, признано было более целесообразным сплошь покрыть ее алебастровым штукатуром.

Следующий этап в жизни дворца археологически характеризуется прежде всего небрежным отношением к вероятно уже сильно попорченному к тому времени хрупкому орнаменту штукатурки. Центральный неф аудиенц-залы отгородили тогда от коридоров деревянными решетками. Чтобы укрепить в интерколумниях их косяки, в изящных угловых панно и кружевных трехчетвертных колонках были безжалостно прорублены глубокие пазы. О том, что тогда же шли какие-то работы, может быть, по починке несколько обветшавшего и кое-где попорченного штукатурки, можно

17. Тронный зал. Фрагмент штукатурки

догадываться по нескольким кускам крупных глиняных чаш — тагара с остатками разведившегося в них алебаstra. Возможно, что в то же время в айване аудиенц-залы производилась цветная роспись верхних частей стен и перекрытия, так как здесь были найдены фрагменты глиняных сосудов с остатками разведившихся в них красок: естественного ультрамарина [лазурит]¹⁷⁰ и сатурнрот [возможно, изготовленная из свинцовых белил]. Ремонтировались ли в то время прежние росписи или найденные в завале несколько фрагментов ее следует отнести целиком к творчеству мастеров, работавших в начале XIII века, пока решить трудно. Не исклю-

чена возможность, что труд накатшей даже был прерван и остался неоконченным. Фрагменты глиняных сосудов, собранные из культурного слоя, лежащего на уровне пола, и соответствующие последнему моменту перед запустением дворца, принадлежат к той категории керамики, которая выделена мной в группу утвари самого конца XII — начала XIII века, т. е. относится ко времени, непосредственно соприкасающемуся с монгольским нашествием.

18. Тронный зал. Фрагмент штукатурки

кирпича в крупном масштабе. Для ускорения разборки производили обрушение ответственных верхних частей, и они бесформенными глыбами сползали и рушились вниз внутрь аудиенц-залы, где часть их и была вскрыта раскопками 1936 года. Целые кирпичи срывались с обшивки стен, выковыривались из пола, выбирались даже из основной кладки столбов-устоев и стен, причем кое-где по какому-то случайному случаю оказались целыми некоторые части декоративного резного штукатурного слоя, лишенного своего архитектурного черного тела. На немногих сохранившихся кирпичных ступенях айвана и сейчас еще видны сколы и раздробленные места — следы попыток оторвать кирпичные плитки, прочно сцепленные алебастровым раствором с остальной кладкой.

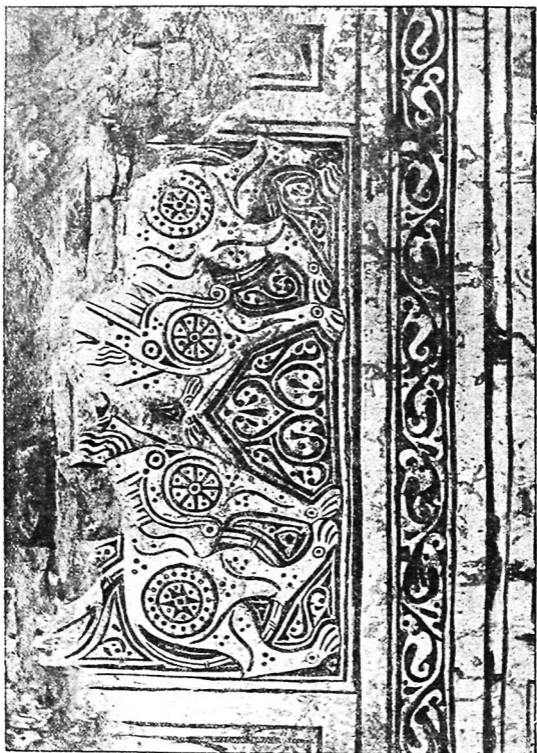
Последующие археологические исследования должны будут дать дополнительный материал для проверки впечатления, что этот интенсивный разбор дворца происходил в XV веке, когда не только разрастался новый Термез, но возобновлялась в 1407 году прежняя крепость на берегу Аму и укреплялась кирпичными устоями ее набережная. Стены же из сырцового кирпича развились в течение нескольких столетий на поля в качестве удобрения. Вот почему так сравнительно немного уцелело от этого дворца. Но остатки его имеют большое значение для изучения монументальной гражданской среднеазиатской архитектуры, памятников которой выявлено еще так мало.

Здание № 2 есть своего рода промежуточное звено между парадными ападана ахеменидов, дворцами сасанидского Ирана и многими позднейшими бухарскими, хорезмскими и ферганскими куришхана. Вместе с тем, это предшественник еще более грандиозного дворца Тимура Аксарай в Шах-рисябзе. О последнем Клавихо писал, что крупный портал открывал

После разгрома Термеза монголами в 1220 году началось постепенное запустение города. В заброшенном дворце находили приют какие-то люди. Они оставили следы своего пребывания в аудиенц-зале, закоптив дымом очагов штукатурные панели. В здании, не поддержанном своевременными ремонтами, началось естественное разрушение. Его ускорили, разбирая стены, местные жители, обстраивавшиеся в новом Термезе, ближе к Сурхану. Старый город стал местом, где уже в XIII столетии добывался с руин жженый кирпич. Не избежал этой участи и пригородный дворец. Был момент, когда во дворце шла массовая добыча жженого

19. Тронный зал. Южная стена. Панно с изображением фантастического зверя

20. Тронный зал. Панно с изображением двух грифонов

вход в обширный, окруженный галлереей двор [шириной якобы в 300 шагов] с большим водоемом в центре. Пройдя двор, через „очень высокую и широкую дверь“ [возможно, арку] с изображениями львов, положенных на солнце, попадали „прямо в приемную комнату“, т. е. в тронный зал. Отсюда посланники поднялись в верхний этаж, и там им показали много красивых комнат, в том числе покои самого Тамерлана и его жен. После того уже Клавихо повели смотреть должно быть отдельно стоя-

21. Тронный зал. Фрагмент штукатурки с изображением грифона

щую палату для пиршеств, перед которой был разбит большой сад с водоемами, тенистыми и фруктовыми деревьями и лугами. Из этого описания нетрудно уяснить общность расположения в плане основных элементов термезского и шахрисябзского дворцов, хотя их отделяет друг от друга промежуток времени, по крайней мере, в три с половиной столетия. Совершенно очевидно, что для более правильного и лучшего понимания обоих зданий их изучение целесообразнее всего проводить одновременно и при обоюдном сопоставлении.

Надзор за проведением земляных работ

Специальной темой 1936 года явился осуществлявшийся Г. В. Парфеновым при участии сотрудников Сурхан-Дарьинского окружного музея археологический надзор за проведением различных земляных работ на городище древнего Термеза. Регистрация культурных слоев, встречающихся в них остатков, находок и отдельные наблюдения сопровождалась соответственными замерами и составлением чертежей. Надзор дал разновременный, начиная с доарабского времени, обильный материал — хозяйственные археологические предметы из дерева, кости, металлов, стекла, глины и камня. В пределах II площади городища в одном месте был найден целый клад сильно разрушившихся медных предметов утвари XII века. Среди них обращает на себя внимание круглая медная пластина с изо-

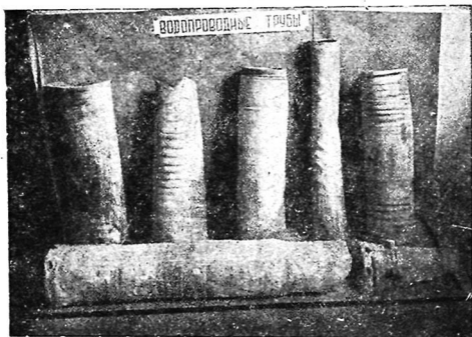
бражением фигуры льва с человеческим лицом en face, стоящего на трех лапах с приподнятой четвертой передней. Вокруг нее расположена арабская надпись с благопожеланиями: والعز و الأقبال و الدوله و السلامه و السعاده و العز [ن] — «могущество, благоденствие, богатство, покой, счастье, блаженство». Для конечной буквы «ن» места нехватило, и последнее слово поэтому осталось изображенным неполностью. В разных местах встретилось пять древних колодцев, иногда обложенных в верхних частях жженым

22. Медная пластина XII века с изображением крылатого льва и арабскими надписями кругом

кирпичем. В одном случае в жерло колодца оказались вставленными между поясами кладки из нескольких рядов жженого кирпича гончарные круги «гюль» крупного диаметра и с широким ободом. В пяти пунктах были прорезаны подземные магистрали глиняных труб — кобур. Среди нескольких целых таких труб с горodiща Термез интересно отметить длинные, узкие, расширяющиеся раструбом к одному концу. Они отформованы по-наруже так, что кажутся словно слегка витыми. Совершенно аналогичные по типу трубы были найдены Д. Д. Букиничем в Ташкенте на левом берегу Боз-Су близ кирпичного завода № 1. Последние, судя по сопро-

вождающему их керамическому материалу и отчасти монетным находкам, мне кажется, можно датировать XI—XII веками.; к такому же времени, очевидно, относятся и трубы из Термеза. Кобыры употреблялись в домашнем быту при устройстве приспособления [ташнау] для спуска жидких отходов из комнат в поглощательные колодцы и в таком случае помещались с некоторым наклоном. Кроме того, их использовали и в качестве водопроводных труб. Попутно следует указать находки на городище Термеза кусков крупных гончарных открытых прямоугольного сечения желобов для воды. Внутри же II площади городища встретила длинная подземная галерея со сводом и стенами из жженого кирпича, служившая, по видимому, для спуска нечистот. Остатки целой сети таких канализационных подземных галерей-тазар имеются в городе Бухаре. Время их сооружения пока неизвестно. Только относительно действующего до настоящего

23. Водопроводные трубы. Вторая справа принадлежит ташнау

времени тазара, идущего от бань Саррафан до ворот Салляхана, В. А. Шинкин слышал, что, по преданию, он построен в XVI веке при Абдуллахане. Наличие упомянутой галереи в приамударьинской группе развалин свидетельствует, с одной стороны, что этот средневековый город пользовался известным благоустройством до XIII века, и с другой стороны, если подтвердится предположение о принадлежности галереи тазару, что устройство подземной канализации в Средней Азии было известно задолго до XVI столетия.

Земляные работы прорезали погребения, мусорные ямы, стенки различных хозяйственных построек, гончарной мастерской XI—XII веков, жилых домов, а в северной части группы зданий общественного характера, связанную с буддизмом. Здесь в числе находок можно отметить ряд архитектурных и скульптурных фрагментов из мергелистого известняка.

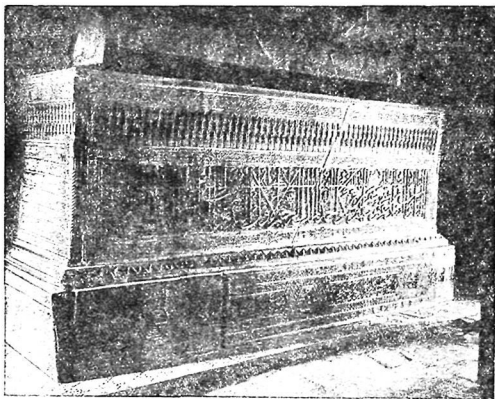
На условном 1381 метре в пределах II территории городища И. А. Сухарев произвел расчистку на площади несколько более 25 м², где вскрыта была небольшая часть жилого дома, сложенного из сырцового кирпича. Хозяин дома принадлежал, по видимому, к городской аристократии и, может быть, был владельцем городских рынков или организатором крупных торговых предприятий. К этой мысли приводит то обстоятельство, что здание на-

ходится почти в центре наиболее бойкой в XI—XII веках торгово-ремесленной части Термеза. При расчистке здесь встретилась небольшая, видимо интимного назначения, комната [1,20 × 3,60 м²], пол и панель которой были выложены кирпичными плитками с затертой до предельной гладкости поверхностью. На выстилку были употреблены и стандартные строительные кирпичи, укороченные против нормальных размеров благодаря затесыванию, и специальные фигурные плитки. Исключительно из последних сделан сохранившийся от панели бордюр. Площадь же пола, как это нередко бывало в то время, разбита на три части, причем средняя треть, расположенная против главного входа, выложена более сложным узором, как бы в подражание ковровой дорожке. В откопанной комнате она имеет в основе фигуру восьмиконечной звезды. По бокам от нее кладка сделана стандартным строительным кирпичем, положенным по диагонали, а у середины восточной короткой стены в пол вставлен не без символического значения треугольный голубой изразец. Цвет этот пользовался большой популярностью среди некоторых кругов в странах мусульманского Востока. С ним связывали представления о разных магических свойствах, приписывавшихся в основном бирюзе¹⁷¹. Неменьший интерес представляют многочисленные куски от алебастровой ажурной решетки — панджара, когда-то вставленной в окно южной стороны, выходявшей, повидимому, на айван. Промежутки между ее основным переплетом из более толстых алебастровых брусков [со следами разрисовки коричневыми линиями и красными и зелеными пятнами] были забраны как бы сеткой мелких решеточек. В их ячейки вмазаны фрагменты от стеклянной утвари желтого, зеленого, красновато-малинового и фиолетового цвета разных оттенков. Очень вероятно, что для этого использовался брак стеклодувных мастерских. Во всяком случае, это делалось, главным образом, для получения соответствующего эффекта в освещении. Подобная техника не является исключением для Термеза. Именно такие же панджара были вставлены в окна айвана перед аудиенц-залой пригородного дворца. Отдельные фрагменты подобных решеток встречены и еще в двух пунктах приамударынской группы развалин. Известны они и по единичным пока находкам на городище Афрасиаб в Самарканде¹⁷² и в Хорезме. При этом все они как будто относятся к времени не позднее эпохи монгольского завоевания. Должно быть, искусство изготовления листового стекла не проникло в Мавераннахр в средние века¹⁷³, хотя и было известно в Сирии. Так, Насири Хусрау упоминает, что в середине XI века в иерусалимском храме Биату ал Кумаме [воскресенье Христа] иконы были защищены от пыли большими и чрезвычайно прозрачными стеклами¹⁷⁴. В Дамаске в XII веке известный еврейский путешественник Вениамин Тудельский в мечети, носившей название Гоман-Дамесек [синагога Дамаска] и, по преданию, бывшей раньше дворцом сирийского царя Венада, видел сделанную „магическим искусством“ целую стеклянную стену с отверстиями по числу дней в солнечном году. Солнце каждый день являлось в одном из отверстий и проходило по 12 градусам, соответственно числу часов дня, и, таким образом, каждый мог узнать там точное время¹⁷⁵. Обработкой стекла дамасские кустари славились и позднее, почему они были вывезены оттуда Тимуром в середине 1400 года в Самарканд.

Обследование отдельных памятников

Мазар Хакими Термези. Непосредственное, хотя и попутное обследование с отдельными архитектурными памятниками Термеза привело к выявлению ряда новых фактов и натолкнуло на некоторые новые соображения.

В помещении самого мазара Хаками Термези была расчищена от позднейшей штукатурки довольно значительная площадь алебастрового резного штука, который Б. П. Денике относил к IX столетию. Подробному осмотру была подвергнута раскрытая в 1935 году Г. В. Парфеновым одна из двух замурованных комнат, непосредственно соединенная с мазаром арочным пролетом в восточной стене последнего с остатками обрамления таким же шуком. Внутри ее находится небольшое продолговатое, оштука-

24. Намогильное сооружение XV века из белого мрамора внутри мазара Хаками Термези

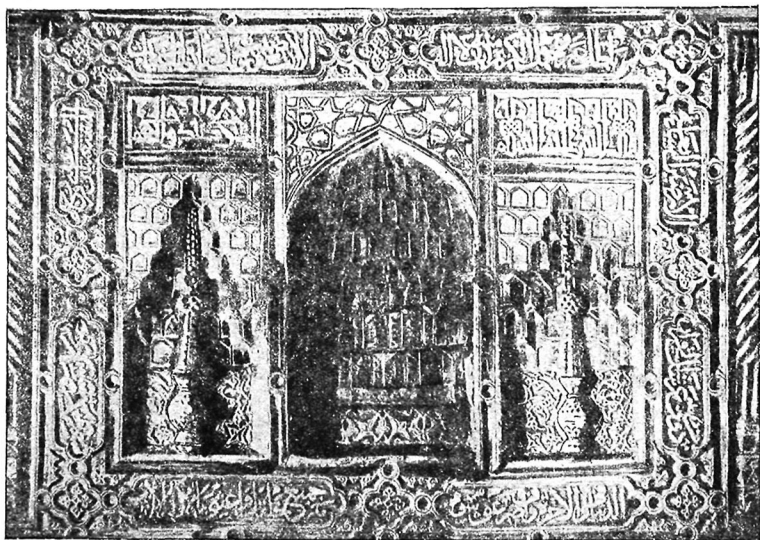
туренное алебастром намогильное сооружение типичной для XIV века уступчатой формы. В завале была найдена осмотренная мной большая серебряная монета, оказавшаяся динаром Буян Кули хана [1348 — 1358]. Другая монета плохой сохранности, поднятая с пола, может быть признана фельсом IX столетия.

На гладкой алебастровой штукатурке, покрывающей стены комнаты, имеется вырезанная в ней арабская надпись с заполнением получившихся углублений алебастром же, но иного цвета. Надпись включает в себе коротенькое изречение Мухаммеда и приходится над сквозным проемом, сделанным в соседнюю, еще только начатую вскрытием комнату. Непропорциональная ширина открытого арочного пролета по сравнению с высотой от современного пола до замка арки, а также заниженный внутренний обрез в стене как бы для гнезда панели заставили предположить, что уровень первоначального пола был значительно ниже. Ряд прошупываний сквозь швы кирпичной кладки убедил в этом с несомненной очевидностью, так как стальной зонд легко проходил в рыхлом насыпном слое на глубину свыше полуметра, наталкиваясь на разной глубине на случайно попадавшиеся куски строительного мусора, а не в кирпичную кладку пола. У юж-

ной стороны саганы Хаками Термези зонд целиком прошел в насыпном слое. Очевидно, теперешний пол соответствует уровню XIV века, когда в соседней комнате было сооружено упомянутое ступенчатое надгробие. Появление известной мраморной саганы Хаками Термези, повидимому, не без оснований связывается преданием с деятельностью преемников Тимура в начале XV века. Это совпадает с палеографическими данными памятника и вполне увязывается с общей исторической ситуацией того времени. Сагана была подвергнута детальной фотофиксации. И. П. Завалин впервые заснял ее северную короткую сторону с роскошной архитектурной разделкой и с рельефными изображениями двух висящих на цепях курильниц. Внимательный просмотр сильно прожиривших от копоти чирагов и свечей внутренних поверхностей стен главного помещения мазара позволил И. А. Сухареву под наружной штукатуркой установить ряд слоев от предыдущих обмазок с коротенькими надписями, сделанными тушью паломниками. Часть этих надписей имеет даты от начала XVII и до начала XIX столетия, когда, очевидно, штукатурка и была обновлена. Известно, что как раз в начале XIX века эмир Хайдар [1797—1825] дал привилегию на эксплуатацию этого мазара предку тех шейхов, которые в XX столетии образовали вокруг памятника целый поселок.

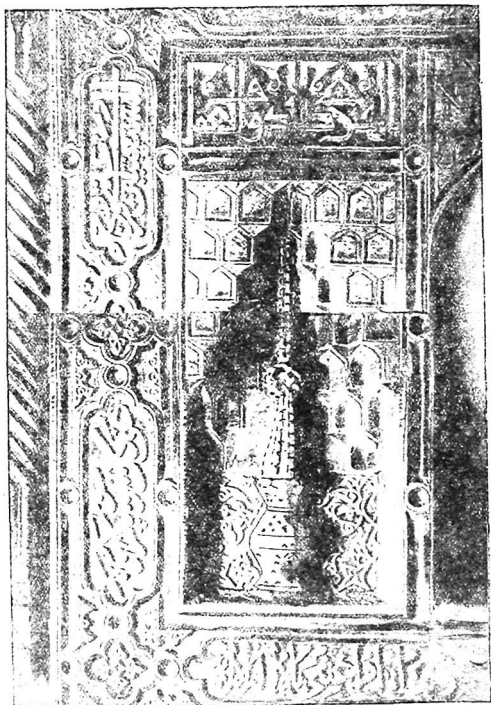
Сопоставление литературных, исторических и этнографических сведений, связанных с личностью Хаками Термези, с данными археологического анализа самого комплексного памятника дали некоторые материалы для критического пересмотра общих представлений об этой некогда весьма популярной местной святыне. Результаты их обработки предполагается изложить в специальной статье ¹⁷⁶.

Комплекс зданий у минарета 1032 г. В северной части II площади приамударьинского городища, в том месте, где в нее входит современная, но веками проторенная ширабадская дорога, была сделана попытка без производства археологических земляных работ разобраться в остатках комплекса когда-то находившихся здесь зданий. Единственным датированным из них был несуществующий теперь высокий и стройный минарет, построенный при газневидах в 1032 году [423 г. х.]. С его сооружением население получило в свое время не только изящную башню, служившую украшением города и предназначенную для азана, но одновременно и прекрасную сторожевую башню, вершина которой высоко поднималась над гребнем речной террасы и обеспечивала заблаговременное обнаружение появлявшихся с севера врагов. Соседнее здание Чорсутун или Чорсутуни шариа принадлежало, должно быть, мечети и, вероятно, даже второй соборной мечети Термеза. Как показывает его название, главную особенность этого здания составляли крупные кирпичные колонны, на которых с помощью стрельчатых арок покоился над средней частью главного помещения центральный купол, что можно еще разглядеть на старых фотографиях этих руин. Экспедицией 1927 года было отмечено, что «пока это единственный весьма важный пример применения этого приема в архитектуре Средней Азии»¹⁷⁷. Попытки датировки этого памятника мне неизвестно. Употребление кирпичных колонн посреди мечетей принадлежит к числу довольно употребительных приемов, применявшихся в средние века зодчими Восточного Ирана и Мавераннахра. Об этом можно судить как по письменным источникам, так и по дошедшим до нас памятникам. Авторы X века упоминали колонны из жженого кирпича, но без арок, в красивой сагианской мечети, славившейся еще и в XII столетии. Колонны поддерживали перекрытие и балхской соборной мечети, которая считалась одной из самых красивейших. Три из этих колонн были будто бы разобраны по приказанию Чингизхана, подозревавшего, что там были спрятаны сокровища. Экспедиция Узкомстариса и Эр-

25. Мраморное надгробное сооружение внутри мазара Хаками Термези. Часть плиты северной стороны

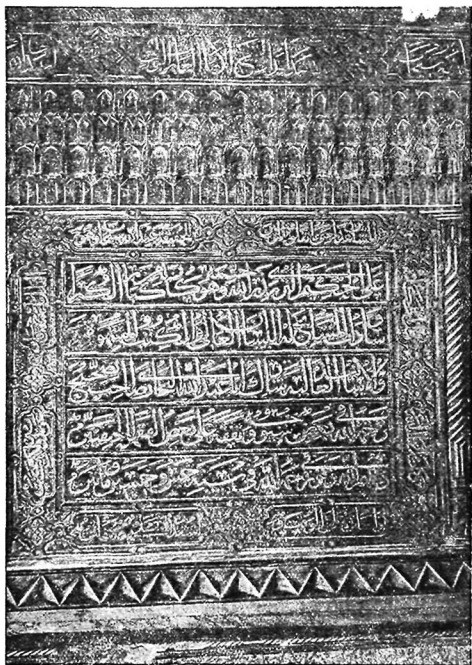
митажа под руководством проф. А. Ю. Якубовского открыла в 1934 году в долине Зерафшана, у кишлака Дегарон, довольно хорошо сохранившуюся благодаря многократным ремонтам, мечеть IX—X вв., центральный купол которой поддерживается четырьмя кирпичными колоннами. Работами

26. Мраморное надгробное сооружение внутри мазара Хакими Термези. Деталь плиты с изображением подвешенной на цепях курильницы

В. А. Шишкина 1935 года установлено, что такие же кирпичные столбы были у здания, находившегося на месте позднее построенной при караханах бухарской мечети Магаки Аттари и в самой упомянутой мечети. Не менее интересные сведения, относящиеся к X веку, известны о со-

борной мечети Нишапура, которая являлась комплексным памятником разных времен. Ее древнейшая часть, возведенная при Абу Муслиме в половине VIII века, имела деревянные колонны. Здание же, построенное в конце IX века по распоряжению сафарида Амра бен Ляйса [879—900],

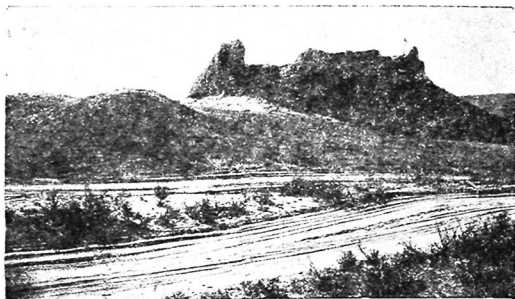

27. Часть плиты южной стороны с надписью

опиралось на круглые кирпичные колонны. Все эти примеры, число которых может быть увеличено, дают основание предполагать, что развалины здания у термезского минарета, построенного в XI веке, восходят, может быть, даже к IX—X векам.

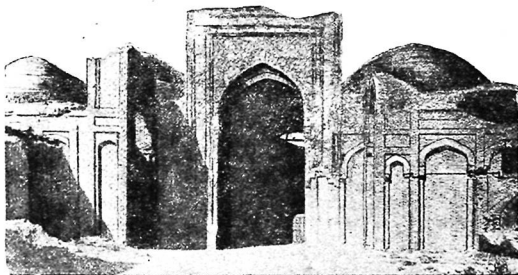
Место, где находились развалины минарета и мечети, благодаря своему топографическому положению [о чем см. ниже] приобрело уже давно особое значение. Об этом свидетельствуют находящиеся тут же руины

здания из сырцового кирпича, получившие после работ экспедиции 1927 года прозвище „гофрированного“ из-за разделки наружной поверхности восточной стены целым рядом сомкнутых полуколонн. Здание, вытянутое с севера на юг, площадью около $17 \times 15,5$ м² имело два надземных этажа.

28. Курган или развалины „гофрированного“ здания. Вид с юго-восточной стороны

В середине вдоль него проходил широкий коридор, а справа и слева от него было размещено по пять с каждой стороны коридорообразных помещений примерно около 2 м ширины. Таких „комнат“ в обоих этажах

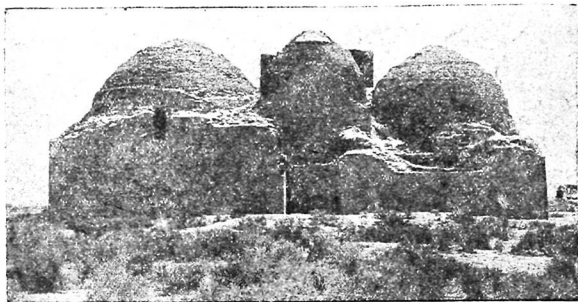
29. Комплекс зданий Султан-Садат. Вид на мавзолей XI века с западной стороны

следовательно, было двадцать. В. Л. Тюткин считал этот памятник „мусульманским“ и видел в нем термезскую городскую тюрьму—зиндан. Такое толкование, после расшифровки исторической топографии города, неприемлемо, поскольку тюрьма, согласно письменным источникам, была среди базара в шахристане X века. Б. Н. Засыпкин предполагал тоже,

что здание это „мусульманское“, но что оно „очевидно, являлось маленькой ханакой—общешитием или медресе при бывшей здесь рямом мечети“. О „гофрированной“ же разделке стен высказался в том смысле, что это один „из местных, своих, самобытных приемов, рожденных исключительным применением в постройках кирпича, которые характеризуют стиль Средней Азии одного из периодов домонгольской эпохи“¹⁷⁸. Думается, что последнее положение пока еще несколько спорно. Прием гофрированных стен употреблялся в ассирийской архитектуре. Мы видим его, например, в разделке женского отделения Хорсабадского дворца VIII века до н. э. Кроме того, известны вавилонские кирпичные столбы—колонны, стволы которых слиты из четырех цилиндрических колонн и с внешней стороны поэтому образуют ту же гофрированную поверхность. Наряду с возможностью самостоятельного местного возникновения этого приема в Средней Азии нельзя пока отрицать, что он легко мог проникнуть сюда через Иран. Между прочим, на одном серебряном сасанидском блюде из собрания Эрмитажа изображено двухэтажное здание с балконами и гофрированной разделкой стен и крышей, увенчанной рубчатыми зубцами¹⁷⁹. В некоторых деталях изображений на этом блюде И. А. Орбели в беседе со мной находил возможным усматривать турецкое влияние. Если можно быть уверенным, что сюжет взят из среднеазиатской действительности, то здесь мы имели бы самый ранний более или менее датируемый [может быть, VI веком] пример изображения гофрированных стен в Средней Азии. Лицевые стороны облицовочных керамических плиток с так называемых „очажков“, попадающиеся в разных местах Средней Азии вместе с домашним инвентарем IX—X веков, но восходящие и ко времени доарабского завоевания, нередко копируют гофрированную разделку стен. Часто встречающиеся в Хорезме крупные древние руины из сырцовых кирпичей с такой же разделкой, как сообщил мне М. С. Андреев, убежденно связываются населением с „кяфирами“, т. е. относятся им ко времени доарабского завоевания. Такие же памятники известны и в Туркменистане, например, в развалинах старого Мерва и в ряде других пунктов. Один из наиболее поздних отзвуков этого приема, но уже не столько для придания жесткости самой конструкции стены, сколько в качестве декоративной композиции, можно наблюдать в гофрированных поверхностях облицовки жженым кирпичем боковых стен главного фасада развалин Рабати малик XI века¹⁸⁰. Что же касается времени построения термезского гофрированного здания, то, судя по кирпичу [в среднем $30 \times 30 \times 14$ см³], характеру кладки, плану и архитектурным приемам, его нужно отнести по типу к памятникам до VIII века н. э. Представляет ли он собой замок—кешк могущественного феодала или это здание имело какое-либо общественное назначение, предстоит разрешить при соответствующих археологических раскопках.

Ансамбль зданий Султан Садат. Ансамблю мавзолеев Султан Садат, находящемуся в присурханской группе развалин, я не имел возможности уделить в 1936 году большого внимания, поскольку это и не входило в программу работ. Тем не менее, ряд наблюдений позволил мне составить о нем несколько более уточненное представление, чем это было до сих пор. Безусловно самым старым зданием из числа сохранившихся на поверхности земли является северо-западный угловой мавзолей, который по архитектурным особенностям и типичной декорации надо отнести к постройкам не ранее середины XI столетия. По преданию, здесь был похоронен отец родоначальника термезских сейидов, эмир Хусейн. Его сын, выходец из Арабистана, эмир Хасан прибыл якобы в Термез и Балх в 246 г. х. [860/1 г. н. э.]. Начало выдвижения его рода связывалось в XVII веке при допущении ряда анахронизмов с правителями из династии

саманидов. Несохранившееся до нас высокое надгробное сооружение, выдававшееся шейхами за сагану эмира Хусейна, судя по дошедшему описанию, едва ли могло быть покрыто изразцами раньше XIII и даже начала XIV века. К этому времени термезские сейиды достигли уже видного положения среди местных кругов феодального общества. Один из них „сейиди бузург“, по имени Ала-ал-Мульк, в начале XIII столетия в борьбе хорезмшаха Мухаммеда против аббасидов был провозглашен халифом¹⁸¹. Второй юго-западный мавзолей по времени построения близок

30. Комплекс зданий. Вид с северной стороны на портал, соединяющий два мавзолея XI века

к первому. Первоначальный связующий портал между ними появился, вероятно, или в конце XIII или в первой половине XIV века, так как прием облицовки спаренными кирпичиками, прерывающимися голубыми изразцами, типичен для зданий того времени. Такую „роскошь“ термезские сейиды тогда могли себе позволить. По свидетельству Ибн Батуты, в 30 годах XIV столетия среди них имелись крупные богачи-эксплуататоры типа „добродетельного шейха Азизона“, владевшего большими деньгами, домами и садами. В руках другого представителя этой духовной династии — термезского владетеля сахиба Ала-ал-Мульк Худагенд задэ, потомка Хусейна бен Али, одно время была сосредоточена даже вся власть в Мавераннахре¹⁸².

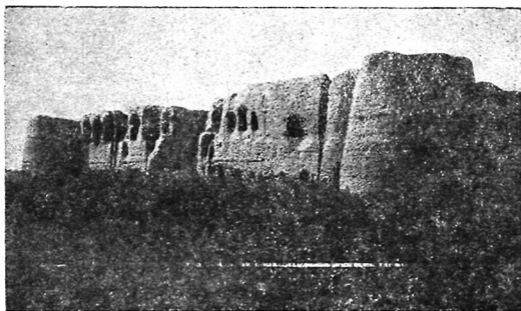
Вторичное покрытие описываемого портала сплошной изразцовой рубашкой с применением майоликовых плиток поверх прежней, очевидно, попортившейся от времени облицовки следует отнести к XV веку. Автором этой реставрации, судя по отрывкам генеалогии, сохранившейся на портале, можно, пожалуй, считать опять же какого-нибудь из термезских сейидов, задолго до того сумевших примирить свои интересы с домом тимуридов. Известно, что владевший Термезом сейид Абу-л Ма-али, носивший титул „ханзаде“, участвовал в заговоре против Тимура в 1371 году и был даже на непродолжительное время изгнан из страны¹⁸³. Однако уже в следующем году он принимал участие в походе Тимура на Хорезм. Позднее сподвижником эмира был и его брат сейид Али Акбар, являвшийся термезским владетелем с тем же титулом. Тот факт, что Ахмед-мирза в 1487 году взял себе жену из рода термезских сейидов, можно, пожалуй,

расценивать как показатель значения последних в то время. Не было утрачено оно и в XVI веке. Не даром Абдулла хан II, как упоминалось выше,

31. Комплекс зданий. Двор. За забором вдали руины здания из сырцового кирпича

пытался расположить сейидов в свою пользу, совершая 'официальный церемониал зиярата могилам их предков. С именем этого узбекского хана устное предание, сохранившееся среди стариков-узбеков, связывает появление некоторых построек, в комплексе усыпальниц Султан-Садат. Это не проти-

32. Руины здания, именуемые Кырк-кыз

воречит и археологическим данным. Между прочим, в 1936 году из восточного мавзолея отдельной группы северного фаса были перенесены, И. А. Сухаревым в Сурхан-Дарьинский окружной музей на хранение остатки изразцового намогильного сооружения, повидимому, XVI века, обнаруженные при очистке памятника от мусора. Самый ансамбль зданий Султан-Садат сложился в основном еще до монгольского завоевания и,

по показанию шейхов, в этом якобы некоторую роль сыграл сельджукский султан Синджар. Во всяком случае, при расчистке Термезским филиалом Узкомстариса в 1936 году части центрального двора там были встречены следы былого пролежавшего посредине коридорообразного прохода и остатки облицовки из фигурных затертых с наружной поверхности кирпичных плиток, близких к таким же из комнаты на условном 1381 метре.

Кырк-кыз. В 1936 году, по поручению Узкомстариса, архитектор С. Н. Полупанов произвел самостоятельный обмер развалин Кырк-кыз в присурханской группе развалин и изготовил два схематических плана их надземных ярусов и разрез без изучения системы подземных помещений.

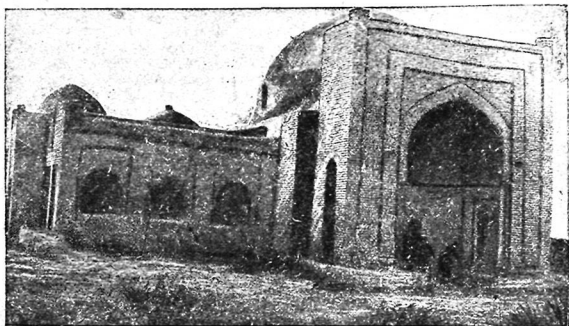
33. Руины здания Кырк-кыз. Деталь сводов.

При ознакомлении с памятником С. Н. Полупанов находился под ложным впечатлением, что это здание следует относить к довольно позднему времени и, вернее всего, к эпохе господства узбеков. Основной строительный материал, каковым является сырцовый кирпич [размером $30 \times 30 \times 5,5$ см³], и ряд архитектурных особенностей позволяют до специального археологического обследования отнести этот памятник к зданиям VI—VII веков.

Посещение острова Арал Пайгамбар

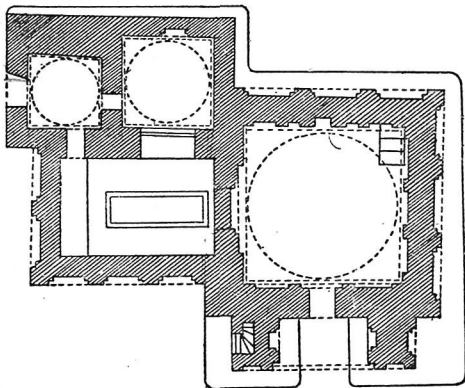
В конце осеннего сезона полевых работ ТАКЭ был предпринят выезд на остров Арал Пайгамбар группы в составе М. Е. Массона, В. А. Шишкина, В. Д. Жукова и Г. В. Парфенова. Основной целью поездки являлся осмотр его малоизвестных архитектурных памятников, о которых в литературе имелись лишь случайные упоминания. По местному устному преданию, здание у мазара Зуль-Кифля возведено при Абдулла хане в XVI веке. Участники экспедиции 1926 года вынесли впечатление, будто мечеть кажется постройкой не древней. По моему мнению, здесь налицо очень хорошей сохранности памятник, по крайней мере, XII столетия. Выведенные из жженого кирпича здания мечети и мазара по харак-

теру кладки, пропорциям и общему стилю довольно типичны для эпохи, предшествующей монгольскому завоеванию. Внутри мечеть была позднее

34. Здание мечети и мазара Зу-ль-Кифля на острове Арал Пайгамбар

покрыта прочной алебастровой штукатуркой высокого качества [возможно, с примесью молока], с резной разделкой михраба и панелей, что можно отнести к XIV—XV веку. Во всяком случае, на михрабе имеется надпись тушью, сделанная одним из паломников в 866 году х., т. е. 1461/2 г. н. э. Мечеть

35. План здания мечети и мазара Зу-ль-Кифля. Масштаб 1:80

подвергалась ремонту и позднее, так как в другом месте под штукатуркой с такого же характера надписью 948 г. х., т. е. 1541/2 г. н. э., ясно виднеется слой первоначальной штукатурки, также покрытой надписями, но без дат. Большая часть датированных надписей, покрывающих нижние поверхности стен мечети и оставленных в разное время лицами, совершавшими здесь зиярат, приходится, повидимому, на XVIII столетие. Это относится и к возведенному, очевидно, одновременно с мечетью и непосредственно примыкающему к ней купольному помещению с мнимой могилой библейского пророка Зу-ль-Кифля. Здесь имеются подписи и первой половины XIX века. Мазар изолирован от мечети, и вход в него ведет со двора через пристройку, датой возведения или полной реставрации которой указан в надписи 1334 г. х, или 1916 г. н. э. В. А. Шишкин сделал с мавзолея несколько фотографических снимков и изготовил первый план.

Вопросы истории водоснабжения и ирригации

В свое время К. Маркс писал, что на Востоке „одной из материальных основ государственной власти над несвязанными между собой мелкими производителями было регулирование водоснабжения“¹⁸⁴. Исходя из этого, при всестороннем изучении среднеазиатских городов нельзя пройти мимо вопроса истории ирригации прилежащего района. Освещение этой проблемы имело не только практическое значение при проводящихся работах по орошению в долине Сурхана, но дало интересные материалы в научном отношении для понимания подлинного процесса развития здесь общественных отношений. В 1936 году ТАКЭ в этом направлении была сделана попытка установить достаточное число объектов, которые можно было бы подвергнуть историко-археологическому изучению. С этой целью инженер-археолог Д. Д. Букиннич в осенний сезон осуществил рекогносцировочную поездку по правому берегу Сурхана в его нижней части. Попутно была поставлена задача выяснить некоторые вопросы по истории движения на оазис песков Катта-Кум на основании археологических памятников. Два проделанные Д. Д. Букинничем маршрута дали в этом отношении положительные результаты. Разведка позволила ориентироваться в соответствующих ирригационных объектах по району и наметила пункты первоочередного исследования. Получен археологический материал, давший мне возможность установить некоторые хронологические характеристики. Неполная крашенная керамика, в основном типичная для времени до VIII в. н. э., явно преобладала в развалинах, занесенных песком у 506 км. У Талитагара, близ возможной головы одного из древних магистральных каналов, кроме того, встречена керамика XV—XVI веков, хотя на одном из бугров в районе подобрана и более ранняя керамика. Расположенные южнее остатки, может быть, более древнего распределителя в урочище Нижний Баландоб не дали еще датирующего материала. Собраны некоторые наблюдения из области древней ирригационной техники. Более углубленная проработка всех вопросов, связанных с упомянутой тематикой, намечена на будущее, причем предстоит нелегкая задача выявить по оставшимся следам былую ирригационную сеть, установить приемы ее сооружения и технического обслуживания, время ее появления и периодов упадка, а также попытаться по археологическому материалу уловить специфику эксплуатации в термезском районе самой воды в условиях различных общественных формаций.

Маршрут Термез — Айвадж

По линии ТАКЭ в 1936 году намечался маршрутный проезд вдоль берега вверх по Аму-Дарье от Термеза до Айваджа с целью посещения раз-

вагин Айртама [исследование которых было начато мной еще в 1933 году], остатков старины у урочища Ходжа Гульсуар [где расположены были каменоломни мергелистого известняка, разрабатывавшиеся уже около 2000 лет тому назад], городища Хатунрабат [принадлежащего по всем данным ко времени, предшествующему арабскому завоеванию], и район Айваджа от переправы до Верблюжьей горки [где еще в 1913 году были найдены случайно архитектурные и скульптурные фрагменты памятников греко-буддийского искусства]. В силу ряда причин это предприятие не осуществилось. Тем не менее, в этом направлении кое-что удалось сделать, так как в сентябре 1935 года в указанном районе работала экскурсия сотрудников Сурхан-Дарьинского окружного музея в составе Г. Н. Максимова, Н. Д. Таланина и С. Ю. Хасанова. Не будучи специалистами в области археологии и имея зоологические задачи, они все же сумели после соответствующего инструктажа со стороны Термезского филиала Узкомстариса уделить время археологическим наблюдениям в перечисленных пунктах. Доставленные ими интересные сведения и определения собранных во время их экскурсии материалов изложены в одной из моих работ¹⁸⁵. Благодаря этой поездке предварительную археологическую реконструкцию по указанному маршруту можно считать выполненной. Результаты ее были своевременно учтены ТАКЭ в своей работе.

СУММАРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОСТАВА НАХОДОК

Если не считать единичных предметов, принадлежащих производству первобытного общества, то главную массу находок отдельных археологических объектов с городища старого Термеза можно расчленить на две основные группы: 1) памятники материального производства, предшествующие прочному вхождению Мавераннахра в состав арабского халифата, и 2) таковые же последующего времени. К первым правильнее относить предметы, созданные до твердого укоренения в странах правобережного Тахаришта на форм социальных отношений, развившихся после арабского завоевания. Таким образом *terminus ante quem* для них не будет буквально совпадать с концом VII века, когда протекал самый процесс арабского завоевания, а несколько передвинется вперед и захватит отрезок исторического времени, формально приходящийся на последующую эпоху. За *terminus post quem* можно условно принять VI—V века до н. э., когда со времени ахеменидов о Бактрии и Согдиане появляются первые письменные извещения. (Следует оговориться, что пока в Термезе не удалось выявить культурные слои, безусловно относящиеся ко времени, предшествующему IV—III векам до н. э., и что в дальнейшем разбору подвергаются находки, начиная с III века до н. э.

Памятники, предшествующие прочному вхождению Мавераннахра в состав арабского халифата

Самый состав термезских находок этой группы разнообразен, довольно выразителен, но еще мало связан стратиграфическим единством в соответствующие комплексы, которые позволили бы с достаточной степенью достоверности определять их хронологические пределы. Сложность последнего момента находится в значительной степени в зависимости от неразработанности вопросов истории Средней Азии за время до арабского завоевания, спорности дат даже отдельных событий, упомянутых в письменных источниках и могущих служить отправными датами для построения схемы последовательности исторических событий, и, наконец, почти полного отсутствия предшествующих попыток одновременного систематического разбора всей совокупности разнохарактерных памятников материальной культуры за всю эту длительную эпоху. В этом отношении рабо-

ту над термезскими материалами приходится начинать в значительной степени с первичной стадии, введя в целях технического удобства в оперативной работе членение всех известных уже по Термезу групп памятников до арабского завоевания с III века до н. э. на три периода: I — ранний, II — средний и III — поздний. При этом следует пока воздержаться от установления уточненных временных границ и ориентироваться в основном лишь на то, что первому периоду вначале было синхронично существование греко-бактрийского царства, а третьему — борьба сасанидов Ирана с эфталитами и турками.

В настоящем беглом очерке не приходится касаться такой яркой по наглядности и значимости группы памятников материальной культуры, как нумизматическая, поскольку, во-первых, общее представление об ее составе уже было дано выше, а во-вторых — эта группа является объектом специальной темы, находящейся еще в процессе разработки.

К е р а м и к а

Второе положение в равной степени касается и керамической утвари.

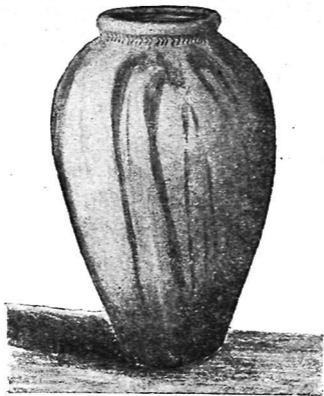
36. Светильник-чиряг первых веков н. э.

В ней намечаются примерно три последовательные хронологические группы, причем для всех трех периодов приходится отмечать наличие в той или иной мере раскраски или ангобирования красноватым кизылкесяком с применением иногда техники лощения. Однако, несмотря на существование одной и той же техники производства, с внешней стороны предметы

глиняной утвари разных периодов отличаются и типом черепка, и формой сосудов, и художественной орнаментацией. В инвентаре второго периода начинает встречаться изредка глиняная посуда зеленой глазури по преимуществу темных оттенков. Иногда внутренняя сторона их бывает покрыта желтоватой глазурью. Одним из наиболее характерных предметов являются глиняные бокалы с широким раструбом самой рюмки и узкой поверхностью „ножки“. Будучи иногда весьма неустойчивой, она в таком случае служила ручкой, за которую держали в руке бокал, опрокидывавшийсяверху дном по использовании. Форма эта встречается позднее и в средневековом инвентаре IX—XII веков в качестве сосудов для вина. Только делались эти бокалы тогда уже исключительно из стекла, что

37. Маленький хум с тисненными медальонами в виде елочек. Первые века н. э.

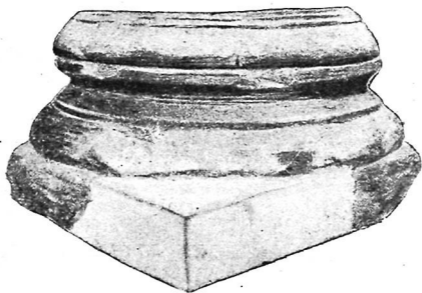

38. Крупная корчага первых веков н. э.

подтверждается и письменными источниками и материальными памятниками.

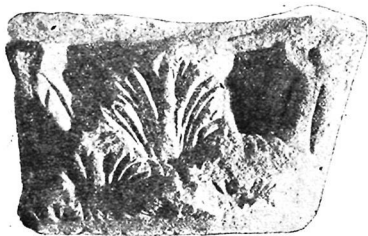
К и р п и ч

В литературу уже давно проскальзывали и продолжают держаться в ней представления об „извечности“ жженого кирпича в Средней Азии как древнейшего строительного материала и именно в его плоской пли-

39. База из мергелистого известняка

точной форме¹⁸⁶. На этом основании развивалась также мысль, что здесь деревянная архитектура и сырцовый кирпич присущи были в значительной мере городской бедноте и сельскому населению, а что строительство „руководящих классов“ базировалось на обожженном кирпиче¹⁸⁷. Все эти высказывания находятся, однако, в противоречии с археологическими наблюдениями в разных районах Средней Азии и в том числе в Термезском. В последнем для I и II условных периодов до арабского завоевания наиболее типичен кирпич-сырец квадратной формы, но отнюдь не плоско-плиточный, а крупный массивный, напоминающий собой как бы оформленный каменный блок с варьирующими размерами от $30 \times 30 \times 10$ см³ до $34 \times 34 \times 14$ см³, хотя изредка встречается с еще большей длиной сторон.

40. Каменная капитель пилястра

И без того солидный вес этих кирпичей [чуть ли не до 30 кг в высушенном состоянии] утяжеляется иногда за счет введения шамота, мелкой гальки и большого количества песка. Как исключение, попадаются куски жженных кирпичей, имевших размеры $28 \times 28 \times 10,5$ см³ и $30 \times 30 \times 12$ см³ и подвергнутых недостаточному обжигу, может быть, давшему мало удовлетворительные результаты из-за неопытности мастеров или отчасти

из-за большой толщины самого объекта, препятствовавшей равномерному сплошному прокаливанию¹⁸⁸. В третий период можно отметить широкое появление более плоского сырцового кирпича $30 \times 30 \times 5$ см³ и $35 \times 35 \times 7$ см³, который был в употреблении и в первые века после арабского завоевания. Этой формы кирпичи уже и раньше подвергались иногда вполне удовлетворительному обжигу, но служили, повидимому, не основным строительным материалом, а облицовочными плитками.

Камень

Не менее типичным строительным материалом для I и II периодов следует признать светлый мергелистый известняк, в свежих изломах белый, ярко блестящий. Удобное для разработки месторождение его расположено несколько выше Термеза по Аму-Дарье, где у отдельно стоящей так называемой „Орлиной горки“ или „Ходжа Гульсуар“ имеются следы древней каменоломни. Там, в одной из расщелин большого древнего карьера, в 1904 году при добыче камня был найден золотой статер Канишки¹⁸⁹, который свидетельствует, что каменоломни интенсивно эксплуатировались в первые века нашей эры, а начало разработки их, повидимому, относится к еще более раннему времени. Отсюда камень в виде глыб и готовых архитектурных деталей легко транспортировался по Аму-Дарье на каюках до Термеза. Из многих пунктов его городища поступили обработанные каменные блоки из мергелистого известняка с разной формы гнездами для пиронов в зависимости от того, каменными, деревянными или металлическими брусками или скобами производилось скрепление плит между собой. Последние, повидимому, чаще всего служили для

внешней облицовки зданий и памятников, черное тело которых возводилось из сырового кирпича и иногда как будто даже из пахсы. На некоторых блоках видны следы начатой распилки. Уже обнаружено немало

41. Плита из мергелистого известняка с акантовым листом

крупных фрагментов из того же материала в виде баз, карнизов, капителей пилястр, фриз. Еще больше собрано кусков более мелких архитектурных деталей: акантов, пальметт, антефиксов, розеток, волют. Последние отличаются удлиненным стержнем и сильно выпуклым глазком. При ознакомлении с этими памятниками классическая профилировка их обломов невольно усиливает впечатление необычайного обилия в них [чуть ли не большего, чем в греко-буддийском искусстве Гандхары] восточно-эллинистических элементов. Однако, наряду с ними налицо немало элементов, характеризующих их стиль как гибрид, созданный в результате сложного сочетания привнесенных и местных форм. На одной из плит, принадлежавшей замковому камню наружной облицовки арки, высечен по ее обрамлению резко подчеркнутый и вытянутый вверх ложный киль, столь типичный для древней индийской архитектуры. Полная расшифровка этого забытого и давно мерт-

42. Каменный Архитектурный фрагмент. Часть обрамления арки

всего местного стиля, судя по обилию находок, вполне возможна.

43. Каменная плита от ложного киля арки индийского типа

Историко-архитектурный анализ его облегчает архитектурная скульптура, встреченная при работах ТАКЭ 1936 года, когда в разных пунктах были найдены куски крупных плит с горельефными изображениями фигур людей и фрагменты каменных статуй. В одном месте была обнаружена звериная шея с гривой от высеченной из мергелистого известняка крупной статуи. Очень возможно, что она изображала льва или бактрийского крылатого грифона. Известно, что в греко-римском мире Бактрия слылá именно как страна грифонов, которые, судя по дошедшим изображениям, были двух типов: подобные львам со звериной мордой и орлеобразные, т. е. с головой хищной птицы.

Терракотовая скульптура

Пожалуй, еще более благодарный в историческом отношении материал заключает в себе термезская терракотовая скульптура, иногда самостоятельная, иногда декорирующая керамические предметы в виде ручек, трактованных в форме животных или налепов, изображающих человеческие фигурки, фантастические звериные и людские лики и маски.

Среди собранных в 1936 году терракотовых фигурок животных, иногда со следами влияния эллинистической школы, имеется ряд изображений представителей местной фауны; к ним относится, например, двугорбый верблюд (*Camelus bactrianus*), родиной которого считается Средняя Азия. Интересно, что одногорбый верблюд [*Camelus dromedarius*] из Передней Азии был уже более 2000 лет назад введен в состав местных домашних животных. В истории Старшего дома Хань [206 г. до н. э. — 25 г. н. э.] содержится упоминание, что в государстве Большой Юэчжи „находятся одногорбые верблюды“. Из домашних животных легко определяются фрагменты нескольких фигурок лошадей, иногда сделанных очень натуралистически. В некоторых ручках от сосудов можно уз-

44. Глиняная голова верблюда

нать голову дикого горного козла теке с красиво загнутыми дугою назад рогами. До обнаружения самостоятельной фигурки этого животного со свободно расставленными рогами трудно точно определить его вид. Прототипом для него на месте могли послужить и *Sapra sibirica*, широко распространенный в Средней Азии, и его родич гималайский козел. Последний как будто встречался здесь же еще недавно и отличался от первого лишь тем, что у него концы рогов сходятся, а не расходятся, как у сибирского. Очень хорош носик глиняного ритона, сделанный в виде головы горного барана. Судя по тому, что рога завиты не в полную спираль, натурой послужило животное, принадлежащее к юго-западной группе местных муфлонов. В развалинах зданий вблизи площади Чингиз-тепе и против северо-восточного угла калы мне удалось найти два сходные, покрытые красной ангобой, круглые, плоские налепа от сосудов в виде несколько антропоморфизированных львиных голов, трактованных *en face* в греческой стилизации с подчеркнутой мускулатурой. В 1936 же году на Айр-таме был поднят носик глиняного ритона в виде головы крупного хищника кошачей породы, повидимому, львицы. Вопрос о вхождении льва в состав местной исторической фауны не выяснен и остается пока спорным. На Северную Индию и, пожалуй, на южную часть Бактрии указывают переданные очень натуралистически головки обезьян-марышек (повидимому, *Macacus rhesus*, которые водятся и сейчас в Южном Афганистане). Термезские фигурки обезьян в общем похожи на такие же находки из Хотана¹³⁰, хотя менее выразительны, так как известны пока лишь во фрагментах, не дающих представления о позах животных.

45. Ручка глиняного сосуда в виде головы горного козла

Довольно большое число фигурок дошло в столь искаленном виде или трактовано так условно, что точное видовое определение их едва-ли возможно, тем более что наряду с изображениями действительно существующих животных имеется немало фантастических, сплошь и рядом с шишкообразными наростами на голове. Неясно во многом и их подлинное назначение, за исключением нескольких свистулек и погремушек в виде птиц, могущих принадлежать детскому инвентарю. Но считать все фигурки зверей только за игрушки было бы неверно, хотя с течением времени, когда подлинный смысл, ради чего их изготовляли, был утрачен, они, вероятно, действительно превратились в предметы для забавы. В этом отношении очень характерно, что продажа таких глиняных игрушек, изображающих фигурки животных, производилась еще недавно в некоторых местностях Узбекистана и Таджикистана, но приурочена была исключительно к базарным дням двух годовых мусульманских праздников. На забытые представления намекает и сохраняющийся кое-где обычай вырезать из твердой земли подобие разных фигурок, употребляемых в некоторых случаях как гигиеническое средство.

Приурочение терракотовых изображений животных из Термеза к определенным периодам затруднительно, особенно если учесть пережиточность традиций. Тем не менее, для некоторых групп это вполне возмож-

но при условии одновременного изучения всего состава археологического инвентаря, в комплекс которого они входили, и в первую очередь сопоставления с терракотовыми фигурками людей, довольно обычными среди местных находок.

46. Фрагмент кушанской терракотовой фигуры животного

При их классификации, в отличие от ранее делавшихся в этом направлении попыток, необходимо, вопреки мнению Е. Герцфельда, учесть, что греки в области искусства застали в Восточном Иране далеко не девственную почву¹⁹¹. Нельзя забывать показания современника Александра Македонского, Хареса митиленского. Он указывал, что роман о Зариадре, сыне правителя восточно-иранских земель, и Одатиде, дочери царя среднеазиатских скифов, правившего за Танаисом, был весьма популярен среди „живших в Азии варваров“ и что в „храмах, дворцах и частных домах“ тогда, т. е. в IV веке до н. э., часто встречались изображения, относящиеся к этому роману. Очевидно, среди древнейшей терракотовой скульптуры можно ожидать объекты, целиком принадлежащие местному искусству, обусловившие собой

преемственность и на последующее время местных традиций в сюжетике, эмблематике и в самом исполнении. Известно, что и в ахеменидском Иране рядом с придворным искусством, проникнутым иноземными веяниями, существовало народное искусство, устоявшее впоследствии против греческого влияния. Несомненные следы этого искусства, нашедшего отражение, повидимому, через посредство малоазиатской эллинистической школы в среднеазиатской и в том числе термезской терракотовой скульптуре, усматриваются в основном по линии усвоения некоторых внешних форм и условных приемов, в том числе иногда и передачи обнаженного тела. Лишь изредка встречаются среди фигурок как бы полугреческие персонажи, но и те в не совсем обычных для классического искусства позах, костюмах и атрибутах. Даже в официальном искусстве правящих кругов, нашедшем отражение в монетном чекане первых веков до и после начала нашей эры, в стиле исполнения многочисленных и разнообразных типов и фигур, помещенных на реверсах в сопровождении легенд измененным греческим алфавитом, чувствуется прочно сложившаяся местная

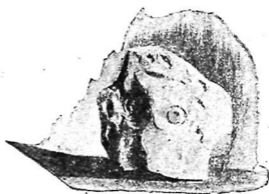

47. Глиняная свистулька в виде птицы (X—XI вв.)

школа, по своему трактующая элементы символики и Северного Ирана и индуизма. Еще нагляднее это проглядывает в обслуживающих, несомненно, более широкие народные круги терракотовых фигурках, имевших

местное производство, на что указывают найденные в 1936 году в Термезе глиняные формы — калыбы для их штамповки.

Среди собранного ТАКЭ подъемного материала имеется несколько декоративных гротесков и головок, вытесненных у оснований ручек сосудов или служивших налепами на разных предметах. Ряд фигурок имел более самостоятельное значение. К ним относятся плоские с тыльной стороны изображения мужских и женских фигур, среди которых можно опознать богиню плодородия Анахиту с инвестирующим кольцом и Ордохшо — женское божество, изображаемое на кушанских монетах с рогом изобилия. Истолкование этого божества остается пока спорным. Десятками уже исчисляются фрагменты ненных фигурках лошадей и условно пока обозначенных термином „тохарских“. Довольно большое число „примитивов“, первоначальное происхождение которых может относиться к весьма отдаленному времени и которые, как пережиток, удерживались и позднее в течение многих веков.

48. Оттиск в виде гротеска у основания ручки глиняного сосуда. Около начала н. э.

всадников, сидящих на грубо испол- пока обозначенных термином „то- харских“. Довольно большое число встречено также так называемых „примитивов“, первоначальное происхождение которых может относиться к весьма отдаленному времени и которые, как пережиток, удерживались

Памятники буддизма

Четко обособленную группу составляют изображения, связанные с буддизмом и сосуществовавшие с остальными на протяжении второго и третьего периодов до арабского завоевания. Сюда прежде всего относятся плоские терракотовые и каменные скульптурные фрагменты фигур Будды и бодисатв и, весьма вероятно, часть темени с волнистыми волосами от крупной каменной статуи, найденная к северу от II площади городища. К ранним буддийским же памятникам следует причислить плиту мергелистого известняка с барельефным изображением закутанной в складчатые одежды мужской фигуры, которая была обнаружена т. Арифхановым за пределами городища к СВ от развалин Зурмала. Голова и руки фигуры отбиты, но, судя по следам положения последних, она изображала как будто музыканта, играющего на арфовом инструменте. К такого же типа облицовочным горельефам принадлежит и кусок плиты мергелистого известняка с остатками пары босых ног, встреченный в восточной части городища к северу от ансамбля дворцовых зданий. Между прочим, при посещении предполагаемого буддийского монастыря на возвышенности Кара-тепе удалось обнаружить следы выцарапанных на стенах круга со вписанной двенадцатилепестковой розеткой [символ солнца] и двух однотипных буддийских ступа. На трехступенчатом стилобате, каждая верхняя ступень которого несколько меньше

49. Глиняная фигурка богини Анахиты с инвестирующим кольцом

ниже ее находящейся, возведено цилиндрическое сооружение, перекрытое

сферическим куполом и увенчанное высоким символическим шпилем. На острие последнего показаны как будто два развевающиеся полотнища.

50. Обнаженная мужская фигурка. Ноги и пояс перехвачены веревкой. Уши с длинными мочками. Городище Хатырабат, 1936 год

Несмотря на примитивность рисунков и относительно плохую сохранность, они представляют большой интерес. Это первый случай находки в пределах советского правобережного Тохаристана иконографических изображений, весьма наглядно отражающих в себе, очевидно, бытовавший в свое время здесь тип этого рода памятников, сходных в общих чертах с такими же памятниками из коренных земель Бактрии и известных по разбросанным в Афганистане развалинам¹⁹². Попутно нельзя не вспомнить, что иногда, особенно в ранне-буддийском искусстве, Будда изображался символически в виде ступа, колеса или дерева.

Несколько лет назад было высказано предположение, что, по видимому, буддийские памятники [на территории Мавераннахра] не отличались такой идеологической выраженностью, чтобы оставить след в гражданской архитектуре того времени, потому что эта архитектура была связана с другой общественной и, быть может, этнической прослойкой¹⁹³. Нельзя не отметить, что после термезских археологических открытий мож-

но считать, что идеологическая выраженность древних буддийских памятников на территории советской Средней Азии была нисколько не меньше, чем в других местах. Об этом свидетельствуют и архитектурная обработка внешних декораций из камня и мелкая и крупная скульптура, по видимому, покрывавшаяся росписью и даже позолотой. Следы охры, иногда служившей грунтом при нанесении позолоты, имеются на многих каменных фрагментах развалины одного из зданий дали несколько тонких чешуек натурального золота. Об обилии золота на буддийских памятниках города Бадахшана, лежащего восточнее Термеза и бывшего столицей эфталитов, упоминают китайские исторические хроники V—VI веков. Из слов китайского пилигрима Фа-х-и-а-на явствует, что при посещении им в конце IV века Хотана там были вызолочены не только священные изображения, но и некоторые постройки буддийских храмов и монастырей. Известно, что Штейн уже в 1900 году нашел впервые в развалинах Иоткана [древней столицы Хотана] пластинки листового золота.

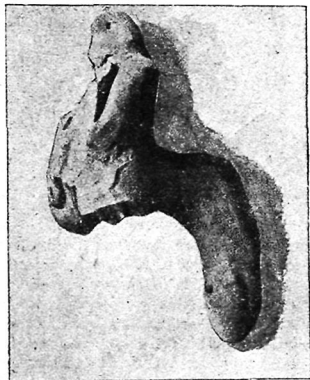
Вся совокупность полученных ТАКЭ данных убеждает, что многие термезские буддийские памятники можно относить к произведениям той категории, которые имеют нечто общее с так называемым греко-буддийским искусством Гандхары, начавшим оформляться в первом веке н. э.

51. Глиняная мужская фигурка кушанского типа с сосудом в левой руке. Городище Ай-рытам. 1936 год

52. Головка примитивной глиняной фигурки человека в остроконечном головном уборе

53. Фрагмент примитивной фигурки всадника

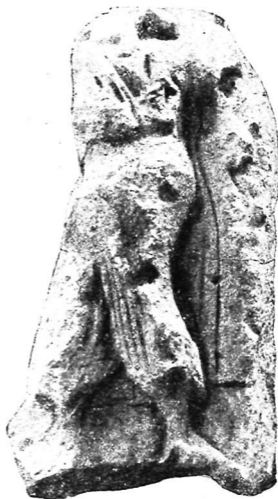

54. Плоское глиняное изображение будды, сидящего на свисающем ковре. Лицевая сторона покрыта красной ангобой

Вместе с тем, нет достаточных оснований связывать с буддизмом все фрагменты из мергелистого известняка только по наличию в них отраженных признаков классической архитектуры. По свидетельству Чжан-цзана, во второй половине II века до н. э. в Согде буддизма еще не было, тогда как античные формы могли бытовать там уже в течение около двух столетий. Принято считать, что в государстве юэчжей с конца I—начала II века н. э. буддизм признавался господствующей религией. Вместе

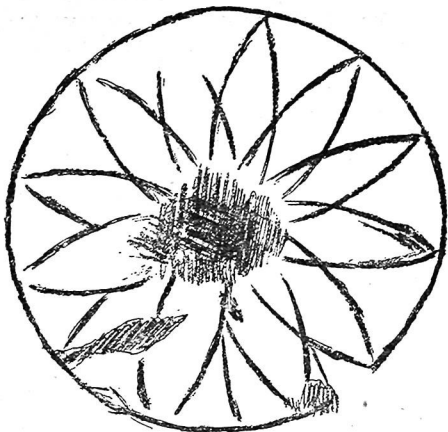
55. Плоская глиняная фигурка бодисатвы

56. Каменная плита с изображением мужской фигуры. Первые века н. э.

с тем, нельзя упускать из вида и то, что монеты государственного чекана кушанов, несущие следы влияния греческого искусства, насыщены символическими божественными изображениями, свойственными Се-

верному Ирану и индуизму. Изображения Шивы и белого быка Нанди после монет Кадфиза II были повгорены чеканом Васудева и многочисленных его подражаний конца II—начала III века н. э. и унаследованы сасанидскими монетами, выпускавшимися до конца III века в северо-восточной провинции для местного обращения в округах, тяготеющих к Балху. Все это позволяет считать, что в первом и втором периодах до арабского завоевания в термезском районе мы в праве ожидать наличия памятников местной архитектуры и официального искусства с эллинистическими элементами, но созданных вне зависимости от буддизма и лишь сосуществующих ему во времени.

57. Каратепа. Розетка, выцарапанная на заходной стенке пещеры № 1

Надпись карошти

С этой точки зрения можно взглянуть и на находку, сделанную В. А. Шишкиным летом 1936 года в районе Дуньо-тепе, где он поднял кусок изготовленного из мергелистого известняка предмета неизвестного назначения прямоугольной формы и с большой выточенной по окружности выемкой в середине. На верхнем его крае оказались вырезанными шесть буквенных знаков от двух слоев, расположенных под углом и являющихся частью какого-то текста, проходившего, может быть, по всем четырем сторонам. Прочесть эту надпись я пока не смог, хотя мне и удалось разобрать самые знаки, относящиеся к одному из северно-индийских почерков, называемому карошти, и установить, что язык надписи принадлежит к группе пракритов. Вследствие того, что буквы сохранились неполностью, только 4-ый и 6-ой знаки могут быть точно определены как „*mi*“ и „*sha*“. Венчание первого знака как будто принадлежит „*vi*“. Второй знак может быть читаем как „*ha*“, „*hu*“ и „*a*“. Третий допустимо считать за „*ta*“, „*tra*“, „*dra*“ и „*ram*“, поскольку неясна его нижняя часть. Наконец, пятый с большой вероятностью следовало бы считать за „*spa*“. Таким образом мы имеем, повидимому, конец одного слова и начало другого. При одной из комбинаций как будто допустимо первые четыре знака транскрибировать и как законченное слово с самостоятельным значением — *viharammi* [т. е. в несколько необычном начертании „вихарама“ или буддийский монастырь], что, однако, отнюдь не может претендовать на достоверность. Термезская находка фрагмента этой надписи — первый случай обнаружения карошти не только на территории

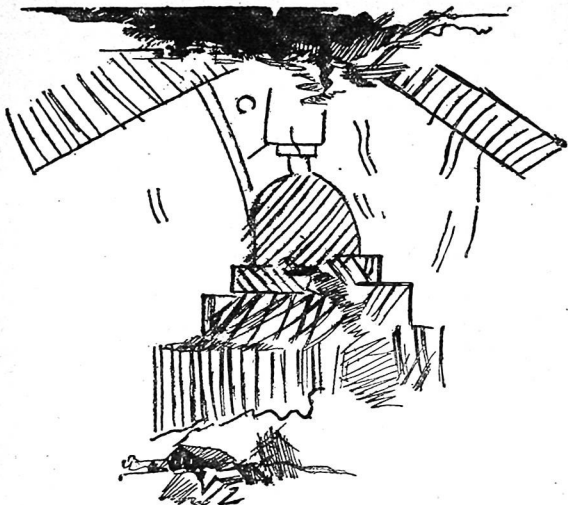
СССР, но и вообще к северу от Гиндукуша, в направлении на Мавераннахр. Местное происхождение ее довольно очевидно: это прежде всего памятник лапидарный, а следовательно, и мало портативный. Кроме того, материалом для него послужил все тот же мергелистый известняк из соседнего упоминавшегося выше месторождения.

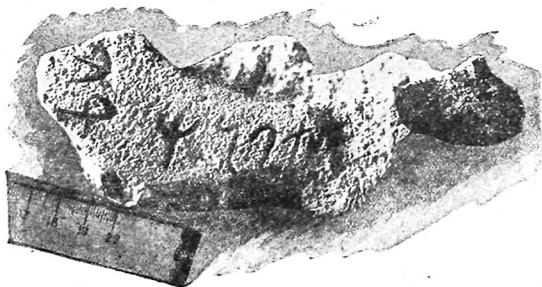
58. Каратеппе. Изображение буддийского ступа, высекаемое на восточной стенке пещеры № 1

Датировка термезской надписи при современном уровне наших знаний несколько затруднительна отчасти благодаря, может быть, не совсем еще изжитой тенденции всегда связывать наличие карошты с буддизмом. Этим почерком высечены некоторые эдикты Ашоки, сопровождавшиеся проповедью буддизма. Знаками карошты написаны древние буддийские тексты на пракритском диалекте, находимые с конца прошлого столетия в Центральной Азии. Полагают также, что распространению карошты там вместе с буддийским искусством Гандхары и индийским наречием, ставшим языком официального делопроизводства от Хотана до Лобнора, способствовало могущество юэчжей. Вместе с тем, для Термеза, тяготеющего к соседней Бактрии, карошты может рассматриваться как письмо, не обязательно импортированное с юга одновременно или вслед за интенсивным продвижением буддийских монастырей в страны, лежащие по правому

берегу Аму, что вряд ли могло иметь место ранее I века н. э. Уходящий своими корнями к арамейскому алфавиту и сложившийся в стройную разработанную систему знаков к III веку до н. э., этот почерк имел, конечно, свою длительную историю развития, протекавшую в Бактрии, очевидно, в течение нескольких предшествующих столетий, и, несомненно, получил там широкое распространение. Только этим и можно объяснить, что правительство Ашоки, высекавшее на скалах эдикты своего царя во всей Индии письмом магадхи [или индийским пали, писавшимся слева направо], для своих северных владений на границе с Бактрией [т. е. нынешним Афганистаном] избрало карошты [или, иначе, арийский пали, писавшийся справа налево]. Очевидно, там рациональнее было вести соответствующую пропаганду, в том числе буддийскую, не на чуждом индийском пали, а на находившемся в употреблении арийском пали. Последний был первым из местных алфавитов, появившимся в легендах монет греко-бактрийских

59. Каратепе. Изображение буддийского ступа, выцарапанное на западной стенке пещеры № 1

60. Фрагмент неизвестного предмета из мергелистого известняка с высеченными на нем знаками почерка карошти

царей со II века до н. э. Он же фигурирует и на монетах Гермеса и кушанского царя Кадфиза I или Кио-цзю-кю китайских летописей около начала нашей эры. Цари эти, по данным символки реверсов монетных кружков, не могут быть заподозрены в каких-либо исключительных связях с буддийскими общинами, как это известно для индийского царя конца II века до н. э. Менандра или Милиндра буддийских сочинений. Следует отметить, что буквы надписи из Термеза по своим начертаниям чисто эпиграфического характера совпадают с легендами монет II—I веков до н. э. Это может служить отчасти материалом для суждения о возра-

61 Маленькие глиняные сосуды X века

сте найденной надписи. Она, повидимому, или старше кушанских надписей Северной Индии, или синхронична наиболее ранним из них. Во всяком случае, в таком аспекте местное бактрийское происхождение карошти кажется наиболее достоверным. Как долго бытовал он в Тохаристане — неизвестно. Во всяком случае, в VII веке, по словам Сюань-цзана, там

62. Глиняный сосуд X—XI веков

употреблялся алфавит из двадцати пяти знаков, которые писались слева направо и, следовательно, принадлежали другому шрифту индийского происхождения. Вероятно, к этому письму относятся упоминаемые Самани „удивительные памятники и буквы, известные записанные в книгах“, бывшие при начале арабского завоевания в округе Вашджирда [ныне Файзабад, между Кафирниганом и Вахшем]. Очень возможно, что они были связаны с буддизмом и буддийской литературой, как впервые указал на это В. В. Бартольд¹³⁴. Не исключена возможность, что когда-нибудь будут открыты памятники этого письма, подобно тому, как неожиданно были обнаружены согдийские документы в верховьях Зерафшана в 1932 году. Вместе с тем, Термез, как свидетельствует находка 1936 года, принадлежит именно к тем районам, где на советской территории

могут быть встречены, кроме того, и более содержательные тексты карошти, которые помогут внести четкость в освещение истории Средней Азии до арабского завоевания.

По сравнению с числом находок, принадлежащих к предметам до VIII века н. э., количество обнаруженных мелких памятников материального производства, относящихся к последующим столетиям, несравненно больше. По имеющимся материалам можно уже получить неплохое представление о средневековом домашнем инвентаре. Кроме упоминавшихся выше отдельных объектов, среди него имеются даже такие легко поддающиеся разрушению и потому не всегда хорошо сохраняющиеся предметы, как деревянное веретено, костяная ложка и другие. Вообще же большая часть объектов приходится на керамику. Поквадратный сбор черепков глиняной посуды уточнил представление о территориальном ее распространении. В натуре нет такого строгого топографического соответствия ее состава исключительно определенным районам, как это первоначально намечалось в 1927 году¹⁵. Фрагменты IX—X веков при работах ТАКЭ встречены были пока в самом незначительном количестве. В приамударынской группе развалин верхний слой I, II и III площадей городища в основном характеризуется керамикой XI—XII веков. При всей общности с прочей одновременной среднеазиатской керамикой и типов сосудов и техники художественного оформления, образцы продукции термезских гончаров все же несут отпечаток некоторой свойственной им специфики. Особенно бросается в глаза обилие украшений, нанесенных тиснением по сырой глине, и не только орнамента, но также изображений разных живых существ. Миндалевидные налеты, служившие для лучшего упора пальцев при захвате ручек светильников — чирагов, дают целую коллекцию таких штампованных изображений, среди которых имеются: всадники на конях с ловчими птицами, парные противостоящие хищные и копытные звери, прекрасно стилизованный фазан в духе сасанидского искусства, утки, хищная птица, хватаящая голубя, горный козел и другие. Одним из излюбленных сюжетов средневековых термезских керамистов, по-видимому, были птицы, так как они встречены и на неглазурованных кувшинах, и на стенках так называемых сферокопических сосудов, и в росписи глазурованных предметов. Многочисленные штампованные на посуде надписи, в том числе содержащие и имена мастеров, вселяют надежду, что среди дальнейших термезских находок окажутся редкие еще для Средней Азии датированные предметы керамики, столь важные для установления более четких членений в принятой хронологической шкале. Это предположение подкрепляется фрагментом неглазурованного сосуда, происходящим из развалин Замахшира в Хорезме и несущим на себе написанную по-арабски дату 520 г. х. или 1126 г. н. э.

63. Многоцветный глазурованный сосуд с изображением двух фантастических птиц IX—X веков

Не касаясь всех групп термезских памятников материальной культуры, следует все же отметить, что, несмотря на их довольно разнообразный состав, при работах ТАКЭ пока обнаружено очень мало орудий

производства. Последние в большинстве своем связаны только с гончарным ремеслом и представлены многочисленными разных размеров глиняными штырями, плоскими разделителями и трехлапчатыми подставочками, с помощью которых размещались при загрузке печи стопки чашек и другие подвергавшиеся обжигу предметы.

Старый Термез в свете работ ТАКЭ 1936 года

Как ни предварительны были исследования ТАКЭ в 1936 году, как ни краток срок полевой ее деятельности и как ни скромнен был масштаб произведенных земляных раскопочных работ, тем не менее, они явились новым и довольно плодотворным этапом в смысле дальнейшего развития научных представлений о прошлом древнего Термеза. Далеко еще не закончены ни разборка, ни научная обработка собранных материалов. Трудно еще судить о всей сумме достижений, поскольку пока нет точных представлений о результатах работ целого ряда участников ТАКЭ¹⁹⁶. Однако, это не исключает необходимости уже сейчас попытаться подытожить полученные факты и сделанные наблюдения хотя бы в некоторой схеме. Ее положения на данной стадии исследования еще неизбежно во многом имеют характер рабочих гипотез и первичных заключений, которые могут быть отвергнуты или подтверждены дальнейшим ходом открытий и изучения.

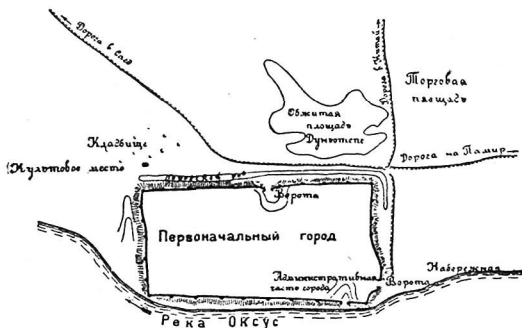
64. Образец расписной керамики. Шейка горлышка сосуда, ангобированного белой глиной и расписанного красной охрой. Найден на Дуньо-тепе в Старом Термезе

В настоящее время в нашем распоряжении имеются лишь отдельные археологические намеки на возможное обитание городища Термеза в примударьинской части развалин первобытным человеческим обществом. Как и на многих других городищах Южного Узбекистана, здесь немало встречается кусков кремня, некоторые из которых несут явные следы обработки. Они попадают и на возвышенных платформах цитадели и на Дуньо-тепе, т. е. в местах, наиболее выгодных для первичного поселения, и на ряде других соседних пунктов. Г. В. Парфенов собрал здесь типичные скребки и *lames*, которые можно отнести к предметам неолитической индустрии. Наряду с этим, часть найденных кремней [в том числе из прибрежных пещер южного фаса калы] следует признать за кресала, служившие для высекания огня и в значительно более позднюю пору и окончательно вышедшие из употребления незадолго до нашего века.

Платформа Дуньо-тепе, кроме того, среди подземного материала дала несколько фрагментов от различной выделки сосудов, принадлежащих к группе древнейшей крашеной керамики, сопутствующей обычно предметам из бронзы, и близкой к объектам из поздних культурных слоев курганов Анау. Особенно интересно горлышко ангобированного светлой глиной кувшина с росписью квадратами красновато-коричневым кизыль-кесяком.)

Но все эти разрозненные находки пока еще очень случайны, немногочисленны и стратиграфически не приурочены к определенному культурному слою. Это лишает возможности сделать выводы как о характере поселения родового общества на территории Термеза, длительности или прерывистости его существования, так и о сколько-нибудь уточненной датировке времени изготовления всех перечисленных предметов.

Если не считать непроверенных показаний об обнаружении в приамударьинской группе развалин Термеза золотого ахеменидского дарика, то пока среди местных находок неизвестно никаких предметов, бесспорно относящихся к эпохе, предшествовавшей походам Александра Македонского. Очень вероятно, что городское поселение Термеза существовало

65. Предполагаемый схематический план первоначального города Термеза до н. э.

уже в какой-то форме и тогда, но имеющиеся материалы археологически выявляют город лишь с эпохи так называемого Греко-Бактрийского царства. Не исключена возможность, что Термез даже входил в систему его городов-государств как самостоятельное владение, что удается, может быть, установить, между прочим, в результате длительного наблюдения над составом здешних монетных находок греко-бактрийского чекана.

Место для города нельзя не признать весьма удачным. Термез оказался в силу исторических причин лежащим на издавна большой дороге, соединявшей его со столицей Бактрии, Балхом, а следовательно, и со всем пучком сходящихся в нем торговых путей из Индии и Ирана. Оба берега Аму-Дарьи близ Термеза были прочно связаны наличием хорошей переправы, а сама река являлась прекрасным водным путем, соединявшим город и с областями Верхнего Пянджа и с расположенным ниже по течению древним культурным оазисом Хорезма. Хотя наличие судоходства на Аму зафиксировано в китайских хрониках лишь для эпохи парфянского владычества, но, вероятно, оно имело место и значительно раньше. К северу же от Термеза в свою очередь расходился веер дорог вверх и вниз вдоль берега Дарьи, в северо-западном направлении через „Железные ворота“ в Согд и в северо-восточном — в Сагариан и особенно через упоминаемую Птоломеем область кумедов в Центральную и Восточную Азию¹⁹⁷.

Экономические выгоды прибрежного положения удалось использовать в полной мере благодаря наличию удобных в стратегическом отношении

возвышенных платформ, сложенных из третичного песчаника. С топографической точкой зрения наиболее подходящим в данном случае явилось то место, где находятся развалины позднейшей калы. Что именно здесь было ядро первоначального поселения, подтверждается и концентрацией в этом районе находок наиболее древних предметов. С помощью различных мероприятий конфигурации склонов платформы были приданы более или менее правильные очертания. Получившаяся площадь, примерно равная зачаточному Риму на Палатине, была вполне достаточной, чтобы вмещать в течение некоторого промежутка времени городское население на первой стадии развития Термеза. Возможно, что вначале она была огоро-

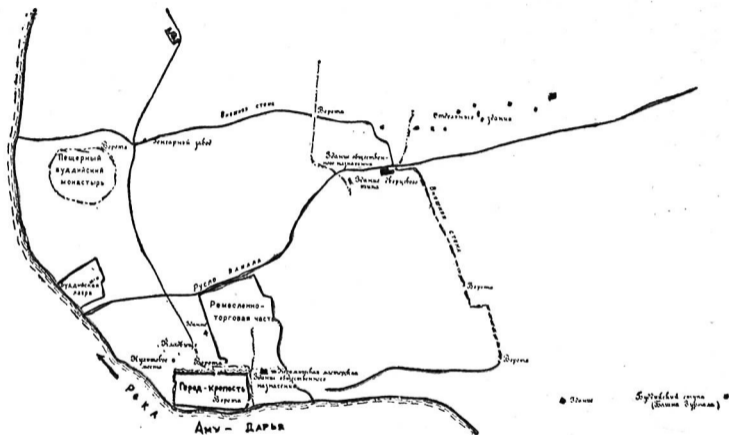

66. Северо-западный угол калы или первоначального дофеодалного города

жена только валом и лишь впоследствии ее опоясали стены из сырцового кирпича. В одном из обрезов северного фаса, откуда были получены, между прочим, медные кушанские монеты, видны следы нескольких периодов кладки крепостных стен из сырцовых крупных размеров кирпичей. Они знаменуют ряд разновременных последовательных попыток усиления оборонительных средств города. Органы же управления, повидимому, сосредоточивались в юго-восточном углу калы. Здесь в одном месте над обрывом берега до сих пор ясно видна выведенная из таких же кирпичей мощная кладка чуть ли не 8 м высоты и до 12 м в длину. Вблизи находятся древние развалины крупного здания, очевидно, служившего в свое время дворцом правителя.

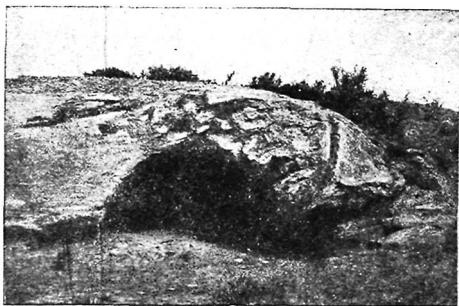
Последующее расширение города захватило прежде всего соседнюю возвышенность Дуньо-тепе с ее культурными слоями большой древности. У подошвы возникла первая площадь общественного назначения, а к западу, где теперь окруженный могилами стоит ансамбль зданий у мазара Хакими Термези, находилось, должно быть, и первое кладбище. Если основательны мои предположения, что самый культ Термез-ата составляет наследие периода до арабского завоевания, то сам собой напрашивается вывод, что на месте мазара была расположена некогда главная местная святыня.

Расцвет Термеза до арабского завоевания падает на второй период. Тогда, между прочим, в нем видную роль стали играть и буддийские общины, адепты которых из числа господствующей верхушки, очевидно были тесно связаны с международной торговлей Индии, Китая и Рима¹⁹⁸. Хотя с конца 1 века до н. э. стало устанавливаться морское сообщение

67. Предполагаемый схематический план города Термеза до VII века н. э.

между Индией и Египтом, китайские товары, по данным Перипла, и в I веке н. э. шли в греко-римский мир все же частью сухим путем через Бактрию, частью через Индию, откуда следовали уже морем. Известно, что внешняя торговля Востока с Римом в I и II веках н. э. была более значительна, чем в эпоху развития эллинистических государств. В этот период Термез достиг своих максимальных пределов. По Сюань-цзану, город, несколько вытянутый в широтном направлении, имел в окружности около 20 ли. Должно быть, китайский путешественник подразумевал при этом пространство, обнесенное внешней городской стеной. Следы ее в виде оплывших валов и развалин башен, иногда сделанных из того же крупного сырцового кирпича, ясно прослеживаются с северной стороны городища, а затем, после резкого поворота к юго-востоку, исчезают. Дальше она могла следовать примерно по тому же направлению, по которому прошли позднее заместившие ее восточные и южные части стены II площадки городища. Окруженная стеной территория древнего Термеза была меньше, чем у Самарканда. По показаниям классических авторов, Мараканда IV века до н. э. имела внешнюю стену протяжением около 70 стадий или несколько более 11 км.

68. Полузасыпанный вход в одну из пещер на площади у Чингиз-тепе

Было бы неправильно думать, что стеной окружалась площадь сплошной застройки и даже просто заселения. Археологические наблюдения убеждают, что дофеодалный Термез рос в основном в северо-восточном направлении, хотя им как-то были заняты также прибрежные части площадей „А“ и „Б“. Обширный пустырь площади „В“ оставался почти совершенно незаселенным, и включение его внутрь внешней городской стены, помимо общих стратегических соображений, объясняется, вероятно, стремлением гарантировать большую безопасность пригородному пещерному буддийскому монастырю на возвышенности Кара-тепе и еще более того — находящемуся ближе к городу поселению у Чингиз-тепе. Последнее было обнесено некогда самостоятельной стеной с башнями. Оно связано с деятельностью буддийской общины и условно в порядке рабочей

терминологии было названо мной „буддийской лаврой“. Основанием для этого, кроме находки здесь каменной статуи Будды и ряда архитектурных фрагментов из мергелистого известняка, послужило наличие аккуратно разделанных пещер, столь типичных для буддийских монастырей. Как установил Г. В. Парфенов по словам старожилов, остатков таких пещер на Чингиз-тепе и в районе бывшего пограничного поста до устройства там военного лагеря было значительно больше. На поверхности поселения Чингиз-тепе сохранились следы нескольких крупных зданий общественного назначения. Остатки обнаруженных там стен сложены из крупного сырцового кирпича. Если здесь действительно находился буддийский монастырь, то, принимая во внимание обширность территории, наличие крупных зданий и крепких стен, он мог одновременно нести и функции большой торговой фактории.

Из города мимо буддийского монастыря на Кара-тепе проходила в северном направлении большая дорога, для которой во внешней стене были устроены крайние западные ворота. Восточнее их находилась группа керамических печей, повидимому, идентичных той, которая вскрыта в 1933 году на городище Айртам. К северу от внешней термезской стены мной были обследованы развалины какого-то весьма солидного придорожного дофеодального сооружения, сложенного из сырцового кирпича размерами $33 \times 33 \times 14$ см³. Ко времени до VIII века можно отнести и прямоугольную площадь, сохранившую с трех сторон остатки бывшей стены в виде крупного вала и находящуюся еще дальше в том же направлении от внешней стены Термеза. В одном месте здесь видны развалины строений из крупного сырцового кирпича. Поскольку огороженная площадь примыкает к берегу Аму-Дарьи, можно думать, что она как-то связана с находившейся здесь в древности переправой на остров Арал Пайгамбар.

Еще больше отдельных древних обжитых пунктов иногда с остатками крупных зданий прослеживается к СВ от Термеза, т. е. вдоль русла главной арчной магистрали, подававшей воду из Сурхана. Вне города находятся развалины башни Зурмала. Несколько крупных каменных блоков и архитектурных деталей в виде баз, карнизов и других частей были обнаружены мною, В. А. Шишкиным и Г. В. Парфеновым чуть ли не в 1,5 км восточнее внешней стены III площадки городища. По словам Г. В. Парфенова, остатки довольно древних строений наблюдаются и в районе присурханской группы развалин Термеза. Как передавал ему В. И. Новиков, в 1932 году при работах дорожного отдела в 50 м к СЗ от Кырк-Кыза за арыком была найдена изваянная из известняка фигура женщины [примерно около 70 см вышины], разбитая затем на куски. О довольно интенсивном развитии жизни в пригородных частях Термеза за второй период существования можно отчасти судить по картограмме распространения мест находок архитектурных и скульптурных фрагментов из мергелистого известняка.

Следующий период истории города до VIII века н. э. пока выявляется археологическим материалом менее наглядно. Объяснение трудности восстановления самой внешней структуры тогдашнего Термеза, мне кажется, следует видеть не только в недостаточной изученности или меньшей выразительности современных ему памятников материальной культуры, но и в меньшем их числе, в большей разреженности, а следовательно, и в прямом отсутствии в некоторых местах. Возможно, что имело место и сокращение густо заселенной площади в пределах собственно города и уменьшение числа населения. Повидимому, на протяжении этого времени процесс дальнейшего развития города претерпевал какой-то кризис. Типичными памятниками конца III периода, который, как отмечалось выше, хронологически несколько переступает через дату формально-

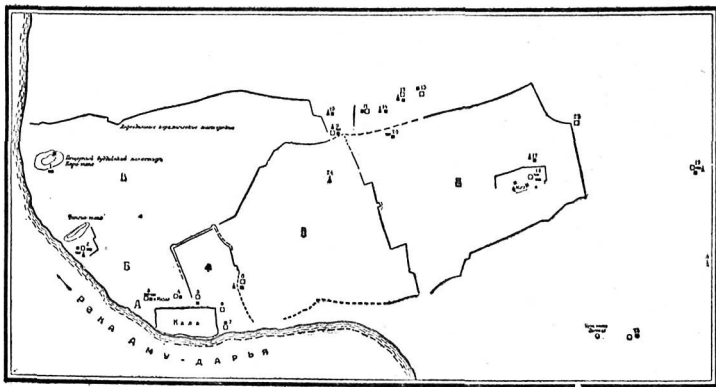
го завоевания страны арабами, могут служить Кырк-кыз присурханской группы развалин и здание № 1 в ансамбле дворцовых построек восточной части приамударьинского городища.

Город с VIII века

С момента прочного вхождения в состав арабского халифата для Термеза начался новый этап истории. При этом первую стадию в развитии типичного среднеазиатского феодального города он завершил уже к X веку, к какому времени относится большинство письменных известий, сохранившихся о нем в исторической литературе.

В государстве саманидов политическим центром района являлся город Саганиан [возможно, на месте Денау], где находился эмир, которому, кроме области Термеза, были подчинены также Шуман и Харун. По занимаемой площади, включая и пригород, Саганиан был тогда больше Термеза. Также обширнее считались его улицы и жилища. Зато Термез превосходил свой административный центр по количеству населения и был лучше обеспечен «снабжением». Два последние показания сильно понижают значение упомянутого превосходства Саганиана по занимаемой площади над Термезом. К тому же следует принять во внимание большую условность признания «рабадом» той или иной населенной части пригородной территории. Из других соседних городов по размерам городской площади в пределах официальных границ Термезу примерно был равен Вашгирд [возможно, на месте Файзабада], а меньше его считался Кубадиян.

Термез X века. Ремесленно-торговый приречный город — пристань Термез в X столетии состоял из цитадели-кухендиз [кала], собственно города — шахристана, пригорода — рабада и площади, которая обозначалась арабским термином «сурадикат», являющимся множественным числом понятий — павильон, шатер, палатка или беседка. В кухендизе легко узнать «старое укрепление Термеза, построенное на скале», о котором писал историк Табари и которое когда то вмещало город на ранних ступенях его развития. Очертаниями своего плана развалины калы по отношению к прочим линиям городских укреплений действительно несколько выделяются из них, как это подметил уже Мак-Дональд. При нем в крепости были только одни ворота, которые логичнее всего видеть устроенными в восточном фасе, обращенном к шахристану. Должно быть из стратегических соображений, в целях усиления обороноспособности крепости, возможно, существовавшие раньше еще и другие проходы или были совершенно заделаны или оставлены в качестве калиток только для пешеходов. Пока еще не установлено, были ли к этому времени облицованы снаружи бурджи и стены цитадели жженым кирпичем, или это произошло позднее, в XI столетии. Во всяком случае, нет достаточных оснований разделять высказанную при работах экспедиции 1927 года мысль, что руины термезской крепости представляют пример «древнейшей из обожженного кирпича калы»¹⁹⁹. Даже если это относится лишь к памятникам советской Средней Азии, то тот или иной вывод будет возможен только после определения времени употребления жженого кирпича на сооружение укреплений Мешхеди-мисриан в Туркменистане и в ряде других пунктов. Средневековая цитадель Бухары имела фундамент стен и башен из жженого кирпича, который в 560 в. х. [1164/5 г. н. э.] был выбран из ее развалин и употреблен на постройку фундамента городских стен²⁰⁰. Кладки из жженого кирпича встречаются и на районной стене долины Гюргена, известной под именем Кыл-алан, возведенной еще при сасанидах, но подвергавшейся ремонту и позднее²⁰¹.

69. Схематический план Старого Термеза с указанием мест находок архитектурных и скульптурных фрагментов дофеодалного периода из мергелистого известняка

□ — базы ■ — карнизы ■ — капители △ — фрагменты скульптуры ■ — прочие архитектурные фрагменты

Трудно сейчас говорить и о том, что и где было в Термезской цитадели в X веке. Под упоминаемый арабскими географами дворец правителя могли быть приспособлены бывшие апартаменты термез-шахов или отстроено новое здание в ее восточной части. Поскольку известен термезский монетный чекан эпохи правления аббасидов и саманидов, весьма вероятно, что монетный двор тогда помещался внутри цитадели, хотя это и не являлось обязательным. Вместе с тем, пока следует воздержаться от признания точного определения его места, делавшегося одним из участников ТАКЭ только на основании находки в осыпи откоса южного фаса цитадели некоторого количества медных монет. Нет никаких оснований считать их производственным браком монетного двора. Эти монеты можно относить к составу обычного денежногоклада²⁰².

70. Остатки двойных стен средневекового шахристана

Внутреннему городу или шахристану X века соответствует площадь I, где рынок и ремесленное производство в зачаточной форме сложились еще до арабского завоевания. Возможно, что тогда же впервые шахристан был обведен стеной. Истахри, сведения которого относятся к началу X столетия, говорит лишь о стене рабада, из чего, может быть, и не следует, что шахристан тогда не имел своих стен. Около полвека спустя, Макдиси упоминает стену шахристана, указывая, что в ней функционировало тогда трое ворот. В натуре можно усмотреть следы значительно большего числа их. Это объясняется тем обстоятельством, что в XI и XII веках, в связи с дальнейшим ростом города, количество ворот пришлось увеличить вообще и, в частности, со стороны, обращенной к рабаду. Упоминание арабскими авторами X столетия соборной мечети в шахристане вызвало в свое время ряд попыток определить ее местонахождение, которое, однако, остается неустановленным и до сих пор. При работах экспедиции 1926 года с мечетью связывался минарет 423 г. х. ²⁰³, а в 1927 году допускалось, что остаткам ее галлерей соответствуют древнейшие части зданий у мазара Хакими Термези ²⁰⁴. Теперь, после выяснения общей исторической топографии городища, высказанные предположения приходится отклонить, так как в обоих случаях соборная мечеть

времен саманидов оказалась бы находящейся вне шахристана той эпохи, что противоречило бы нескольким совершенно определенным на этот счет письменным историческим указаниям. Последние свидетельствуют,

71. Остатки стены II площади городища Старого Термеза. Северная часть

что в шахристане же находились базары. Чрезвычайно характерны меры благоустройства к тем элементам города, которые связаны с торговлей. Так, большинство улиц и базаров были вымощены жженым кирпичем, в то время как здания были построены из сырца. Одна из базарных площадей, вытянутая в виде правильного прямоугольника, находилась к ССВ от северо-восточного угла калы. Если это верно, то два воронкообразные провала у восточной ее стороны можно предположительно считать остатками тюрьмы-зиндана, которая, по письменным источникам, как раз находилась среди одного из базаров шахристана. Рабадом Х века могла считаться или площадь II, или вся территория, обнесенная внешней стеной еще до арабского завоевания. Внутри него была мечеть — намазгох, которая, вероятно, располагалась где-то в северо-восточной части. Ту часть города, которая носила название сурадикат, можно искать, пожалуй, на территории III.

Термез XI—XII веков. О состоянии Термеза в XI и XII веках письменные источники не дали пока никаких сколько-нибудь конкретных данных. Зато об этом довольно красноречиво повествует само расшифрованное ТАКЭ приамударьинское городище. Верхние культурные слои его в основном приходятся на эти столетия, а археологический микрорельеф отражает, главным образом, структуру города в том виде, как она сложилась к началу XIII века. С непреложной очевидностью выясняется, что Термез этой эпохи, до сих пор остававшейся совершенно неосвещенной в его истории, далеко оставил за собой город X столетия. XI и XII века были тем промежуточным отрезком времени, когда феодальный Термез достиг небывалого до того развития.)

72. Остатки ворот в восточной части стены шахристана

Одну из причин этого нельзя не видеть в том значении, какое приобрел он как опорная экономическая база и стратегический форпост для удержания в подчинении стран по правобережью Аму-Дарьи, входивших в состав государственных образований, ядро основных владений которых было расположено по южную сторону реки, как это имело место при подчинении государствам газневидов, сельджукидов и гуридов. Изменение политической роли, превратившей торговую гавань еще и в административный центр и крепостную твердыню, сказалось, между прочим, в усилении фортификационных сооружений Термеза, причем это коснулось не только каля. Постоянные феодальные войны с различными владетелями оседлого Мавераннахра и необходимость отражать набеги кочевников [карлуков и др.] заставили реконструировать ограду старого шахристана. В результате он оказался окруженным весьма мощной двойной стеной шириною, по данным В. А. Шишкина, в 7—8 м. Внешняя стена, как будто более старая, была значительно ниже внутренней, являвшейся новым оборонным рубежом на случай захвата противником первого гребня. Следы заготовки материала для новых работ по укреплению городских стен я считаю большие бугры земли со строительными остатками и фрагментами домашнего инвентаря, наваленные с наружной стороны северной части восточного фаса шахристана. В то же время создается упоминавшийся выше ансамбль пригородных дворцовых зданий. Независимо от окружения собственной стеной, он включается в обнесенную новой внешней стеной площадь III в восточной части городища. Внутри нее образуется резервная территория для дальнейшего распространения рабада. И это, видимо, становилось совершенно необходимым.

Старый шахристан был давно тесен. Как отметил уже А. Ю. Якубовский, почти все без исключения города Средней Азии и Ирана выросли на территории бывших рабадов, так как „они были центрами, где сосредоточивалось ремесло, выделившееся из домашнего производства дехканских усадеб и крестьянских домов соседних деревень“²⁰⁵. Тот же автор неоднократно отмечал, что известная специализация районов и городов по отраслям промышленности и товарности сельского хозяйства в X веке в Средней Азии достигла для того времени значительного развития. Растет караванная торговля на дальние расстояния не только предметами роскоши, но и товарами широкого потребления. Усиливается товарооборот на более коротких линиях в ближайших районах, где проходит процесс оседания кочевников. Недостаток орошенной и просто годной для обработки земли и сосредоточение ее в руках группы землевладельцев привели к пауперизации деревни. Внутри городов увеличивается число ремесленников, в среде которых уже существует четкое расслоение на мастеров-хозяев, подмастерий-муздар [получающих плату] и учеников²⁰⁶. И мы наблюдаем, что ремесло и торговля Термеза в XI—XII веках в основном концентрируются в пригороде. Им заняты по преимуществу те площади, которые тяготеют к шахристану с востока и с северо-востока. Часть бывшего пригорода замкнута своим собственным кольцом стен. По аналогии, с появлением в XVI веке в юго-восточной части внешней стены Бухары резко выдающегося выступа, сделанного ради включения в пределы города земель шейха Ходжа Ислама Джуйбарни, можно предполагать, что и появление ряда уступов в восточной стене второй площади городища Термеза вызвано такого же рода обстоятельствами в угоду разным влиятельным лицам, владевшим недвижимой собственностью на данных участках. Это уже не просто рабад в прежнем понимании, и перед нами не механическое выделение наиболее густо заселенной и застроенной его части. Здесь на II площади городища мы видим организованную жилую территорию, имеющую свою постепенно сложившуюся планировку, свои центры, свои базары,

каравансарай, мечети, вероятно, медресе, кладбище, распределение водопровода по кварталам, канализацию, надземную и подземную водопроводную сеть, многочисленные колодцы и хаузы. Здесь живут не только люди из беднейших слоев населения или лица среднего достатка, но наряду с их скромными жилищами попадаются остатки домов богачей, подражавших в декорации и остеклении зданиям дворцов. Эта часть прежнего рабада с новым содержанием, превратившаяся в подлинный город, стала в XI—XII веках своего рода вторым шахристаном.

Основное членение давали, повидимому, пять главных улиц. Три из них прорезали эту часть города из конца в конец примерно в направлении с ССВ на ЮЗЗ, а две, проходя почти перпендикулярно, пересекали их. Все они упирались в те или иные городские ворота в стенах или первого или второго шахристанов. Исходя из этого, я полагаю, что в стене, окружавшей собственно площадь II, было едва ли менее восьми или девяти ворот, примерно по трое в каждой внешней стороне. При этом двое из них были устроены у самой стены старого шахристана. В северном конце восточной уличной магистрали, вблизи ворот, сложился и не случайно какой-то местный центр. Здесь находился наиболее удобный подъем на обрыв древней речной террасы Аму-Дарьи, а за ним по двум направлениям отходили дороги, соединявшие Термез с издавна подвластными ему двумя городами: Сарманганом [на месте развалин у Джар-Кургана] и Хашим-гирдом [остаткам которого, по моему, соответствуют развалины Наушахар]. Тут с внешней стороны, неподалеку от городских ворот, было второе по величине термезское кладбище, на котором когда-то находился мазар Ходжа Варуха, идентичный тому мазару шейха Абу Бекра Варрака (ابوبكر وراق) который упоминается в конце XIV и в конце XVI веков как одно из мест, где совершался зиарат. Этот местный объект культа был вторым по своей значимости в городе после мазара Хакими Термези. Характерно, что даже много позднее, когда город был уже в присурханской части, здесь совершали зиарат Тимур и Абдулла хан²⁰⁷. Внутри городской стены, но также вблизи ворот, стоят подробно разобранные выше руины двухэтажного "гофрированного" здания и еще недавно находились развалины построенного при газневидах в 1032 году минарета и строение с кирпичными колоннами внутри, которое вероятно служило соборной мечетью для этой части города.

На остальной площади чувствуется концентрация вокруг некоторых пунктов, возможно, собственно базаров, ремесленных мастерских-лавочек одного и того же производства. Вероятно, в южной части, ближе к набережной, у реки проживали лодочники-кештибананы²⁰⁸. Это были не только лодочники-матросы, но и ремесленники, занимавшиеся изготовлением и полным оснащением речных судов (السفن) разной величины, возможно, типа каюков или киме, которые служили предметом вывоза. Для этого требовались в основном крупные брусья тала (*Salix*), отчасти карагач (*Ulmus*), для форштевен и ахтерштевен или тут-шелковица (*Morus*). Допустимо предположить, что этот лесоматериал в средние века в достаточном количестве можно было получать из ближайших мест, вероятнее всего, путем сплава по реке. В этом отношении интересно показание китайцев, проезжавших здесь в 1222 году вместе с Чан-чунем, что в то время оба берега Сурхана, через который они переправлялись на судах, были покрыты густым лесом. В камышом пухе и вате для конопачивания швов лодок недостатка быть не могло. Если принять во внимание большое развитие тогда судоходства на Аму, то кештибананы, игравшие видную роль на транспорте, могли представлять в то время довольно внушительную ремесленную организацию. Возможно, что в уставах артелей-каючки, сообща владевших каюками и работавших на Аму-Дарье в

XIX столетии и отчасти позднее, нашли отражение некоторые пережиточные формы старой цеховой организации кештибананов. Кроме термезских лодочников, в средние века в Мавераннахре пользовались большой известностью лодочники Хорезма и города Нуджкета [соответствующего, по-моему, развалинам Ханабад примерно в 10 км к югу от Ташкента], причем последние обслуживали судоходство по Чирчику и Сыр-Дарье.

В южной же части площади II, но несколько отступая от берега, на большом участке чуть ли не в три-четыре га мелкие отвалы металлических шлаков обозначают место, где был квартал или ряды ремесленников-металлистов. Выграночный шлак говорит за то, что здесь не имели дела с выплавкой руды, а обрабатывали вторичный продукт. Основным материалом служило железо, из которого, очевидно, изготовлялись примитивные сельскохозяйственные орудия и предметы бытового хозяйственного инвентаря. Несомненно, были и оружейники, специальность которых издавна считалась более привилегированной. Если мое определение вещей клада медных предметов, найденных в 1936 году при рытье строительной траншеи, правильно и они действительно принадлежат утильсырью мастерской мисгара, то ряды медников надо искать несколько севернее вышеупомянутого квартала металлостов. Образцы работы термезских мисгаров в виде покрытых орнаментами и изображениями медных сосудов, мелких медных и бронзовых изделий, обнаруженных в разных местах городища, показывают высокий уровень их техники и иногда большие художественные достижения. В XI и XII веках их технике мелкой чеканной работы по металлу подражали термезские керамисты, о чем наглядное представление дает выкопанный внутри старого шахристана глиняный сосуд-мустахара, почти сплошь покрытый изящным тисненым орнаментом. Кое где встречены следы стеклодувного производства, которое, по имеющимся

пока материалам, было здесь довольно скромных размеров, особенно по сравнению с производством глиняной утвари. Ремесленники-керамисты делились на несколько специальностей, и следы их промысла в виде легких керамических шлаков, мелких предметов печного припаса и фрагментов бракованного отхода встречаются в разных пунктах. Среди них были специалисты по изготовлению корчаг-хумов и других крупных предметов, представленных теперь находками целых объектов. Особую отрасль составляло производство глазурованной посуды. Но больше всего на городище Термеза бросается в глаза необычайное обилие фрагментов от так называемых симбокузача или ртутных сосудов. Еще с прошлого столетия

73. Глиняный сосуд „мустахара“ XII века с мелким тисненым орнаментом

упорно держится гипотеза об их назначении в качестве зажигательных снарядов. Известные в специальной литературе под термином сферокопических, они, повидимому, служили тарой для ртути и различных драгоценных жидкостей, ароматических и парфюмерных снадобий. Хумданы

этого производства в особенно большом числе концентрировались в юго-восточной части площади II, хотя встречались и в других местах. Их количество и бесчисленные отвалы производственного брака не только дают возможность ознакомиться с необычайным разнообразием форм и орнаментации этих сосудов, но наводят на мысль, что они изготовлялись не для удовлетворения одного лишь местного потребления, а и для какой-то отрасли химического промысла [может быть, парфюмерии], продукты которой служили предметом вывоза. По письменным источникам известно, что Термез уже в конце X века вел большую торговлю асафетидой, которая добывалась в его районе из корней некоторых видов зонтичных растений семейства *Ferula*. Она рекомендовалась арабской медициной при лечении истерии и всяких нервных судорожных явлений и долгое время была одним из весьма популярных медицинских средств. Обладая резко чесночным запахом и горькая на вкус, асафетида, кроме того, потреблялась Мавераннахром, Ираном, Индией и другими восточными странами в качестве пряности в кушаньях и напитках. Учитывая большие ресурсы дикорастущих *Ferula* соответствующих видов в горах Бабатаг и прилегающего района, даже принимая во внимание повышенный спрос на асафетиду средневековых рынков и масштаб торговли ею в Термезе, нет особой надобности допускать наличие тогда искусственного культивирования на особых полях-плантациях этих крупных зонтичных. Но, поскольку они принадлежат к монокарпическим растениям и урожай их семян в чисто природных условиях подвержен колебаниям, возможно, что на занятых ими горных участках производилось дополнительное искусственное обсеменение. Самый сбор затвердевшего сока растений был, собственно, сельскохозяйственной отраслью, но последующая его обработка, упаковка и экспорт должны были найти соответствующее отражение в промышленной жизни Термеза. Связать это с какой-либо частью площади городища пока трудно.) Легче установить ремесленные кварталы где было сосредоточено мыловарение. Руководящими объектами при опознании его явятся глиняные формы для отливки кускового мыла и его брусков. Тут же можно ожидать встречу ковшей и весел для непрерывного размешивания массы. Мыловарение занимало очень заметное место в термезской городской ремесленной промышленности. Об этом можно судить по дошедшим в письменных источниках указаниям, что мыло служило одним из предметов вывоза из Термеза. Необходимое для него сырье имелося на месте. Жиры поставляли соседние скотоводческие хозяйства турецких кочевников, а щелочными солями служил ишкор, выжигавшийся из некоторых видов песчанолюбивых солянок [*Salicornia*], в изобилии растущих на пухлых солончаках прилегающей волнистой равнины верхней террасы, сложенной солеватыми суглинками. Необходимую известь получали путем пережигания мергелистого известняка из упоминавшихся уже каменоломен. Наконец, поваренную соль могли доставлять месторождения Ходжаикан южной оконечности гор Кугитанг-Тау, в 20 км северо-восточнее Келифа.

В Термезе, конечно, были ремесленники, занимавшиеся выделкой кож, бумажных, шерстяных и шелковых тканей [в том числе и для парусов] и рядом других кустарных промыслов, имевших в основном местное значение. Среди них археологически четко уже выявлено изготовление жженого кирпича. Последний давно вошел в местный обиход, но в XI и XII веках спрос на него особенно возрос в связи с потребностями как общественного [укрепления, культовые здания, дворцы] так и частного строительства²⁰⁹. Район древних кирпичных заводов занимал участок в несколько га к югу от площади III и к западу от башни Зурмала, где сосредоточено около двух десятков а, повидимому, и больше развалин крупных обжигательных печей. На них изготовлялись как стандартные строительные

кирпичи, так и весьма крупные кирпичные плиты специального назначения до 50 см в стороне.

Таким в общих чертах вырастает перед нами город Термез в том виде, как его застало нашествие монголов в начале XIII столетия.

Термез после 1220 года. Нет оснований сомневаться, что в 1220 году, после взятия города войсками Чингизхана и последовавшего затем разгрома, были приведены в негодность и частично разрушены все городские укрепления, в том числе и цитадель. [Это ставилось непременно условием еще при предложении мирной сдачи Термеза]. После того древний город в приамударьинской части быстро шел к упадку. Но вскоре же определенно наметились зародыш нового города к востоку от него, ближе к правому берегу Сурхана, неподалеку от того места, где теперь расположен кишлак Салават или Салихабад. Самое название — „город военного аппарата“ — как будто указывает на его первоначальное военно-феодальное происхождение.

Едва ли можно оправдать основание нового Термеза в этом районе более благоприятным географическим расположением, закономерным передвижением среднеазиатских городов вверх по течению питающих их водных каналов и рядом других общеэкономических соображений. И историк не может пройти мимо того едва-ли случайного совпадения, что именно здесь были родовые клепы термезских сейидов Султан Садат. Данные старых документов, хранившихся в свое время на руках у салаватских шейхов, считавших себя прямыми потомками этих сейидов, определенно указывали, что именно здесь издавна были земли коренной вотчины термезских духовных феодалов и что тут они являлись хозяевами большого количества воды. Их престиж в XI и XII веках заметно подняла политика враждовавших между собою из-за термезского района многочисленных политических конкурентов, особенно во время борьбы хорезмшаха с халифом. Период восстановления при монголах они, повидимому, использовали для усиления своей значимости и экономической мощи. Вот почему такое крупное и выгодное для них мероприятие, как „подтягивание“ нового города к своей родовой вотчине, мне кажется, проходило не без их участия. Первое время новые поселенцы насчитывали, по китайским источникам, лишь несколько сот семей, связанных со скотоводством. Но уже в начале XIV столетия это был „большой город, хорошо отстроенный, снабженный прекрасными базарами“. Одновременно с ним растет материальное благосостояние термезских сейидов, и вскоре мы видим их наравне со светскими феодалами, участвующими в борьбе против Тимура.

На протяжении всего этого времени до начала XV столетия „Старый Термез“ оставался, судя по археологическим данным, почти безлюдным, если не считать следов некоторого оживления у мазара Хакими Термези. Это связано было, очевидно, с эксплуатацией людей, совершавших зиярат. Развалины „Тармизи-кухна“ были вызваны к жизни вновь, хотя лишь частично, в результате борьбы между наследниками Тимура, когда в 1407 году по распоряжению Халил Султана восстановили древнюю цитадель. Целой системой береговых кирпичных устоев, далеко вдававшихся в русло Аму-Дарьи, предотвратили тогда дальнейший размыв берега. Реставрировали крепостные стены и их бурджи. Угловые башни заметно расширили вторичной облицовкой жженым кирпичем по всей выступающей окружности. Прежде наличие ворот цитадели в восточной части оправдывалось прикрытием этого подступа укреплениями шахристана. В XV веке, когда такового уже не было, подобный мотив утратил свое значение, и перенесение главного входа на западный фас можно связать с этой эпохой. Чтобы прикрыть подступы к нему в юго-западном углу

калы. вместо трехчетвертной бурджи создали из жженого кирпича как бы солидный фланкирующий редут. Появление внутри калы в юго-западном и юго-восточном углах огороженных стенами-ретраншементами пространств, относится, повидимому, к последующему времени. Фортификационно их можно оправдать или защитой подступов со стороны двух угловых пристаней, в случае высадки здесь неприятельского десанта, или прикрытием отступления гарнизона к реке для эвакуации на левый берег реки. Последнее было бы целесообразно лишь для армий, по отношению которых область Балха была бы тылом, как это имело место в XVI и XVII веках, а отнюдь не фронтом, как в период борьбы Халил Султана с Шахрухом. Наличие в кладках береговых устоев и стенах крепости, относящихся к моменту реставрации цитадели, сборного кирпича разных размеров и эпох легко объясняется тем, что в дело шел материал, добывавшийся с одновременных развалин древнего Термеза. Так была восстановлена крепость, просуществовавшая еще несколько столетий. Но город не перекочевал на старое место. Около калы сложилось лишь небольшое поселение и местный базар для удовлетворения бытовых нужд ее постоянного гарнизона. Пустующие площади городища давали большой простор для выбора места и мы видим, что под жилье в XV—XVII веках использовались больше всего участки в северной части площади. II и отчасти III, ближе всего расположенные к магистральному арыку.

Археологическим материалом XV—XVII веков насыщены и верхние культурные слои калы. Очевидно, мероприятия мангыта Мухаммед Рахима в середине XVIII столетия по восстановлению Термеза не коснулись приамударьинского городища, и оно вновь замерло до XX столетия.

Присурханской частью городища Термез в 1936 году экспедиция специально не занималась.

Заключение

Положительными результатами работ ТАКЭ 1936 года надо признать не только выявление немалого количества добытого археологического материала и разрешение некоторой суммы тех или иных отдельных вопросов, но и выкристаллизовавшиеся на этом фоне новые задачи, которые имеют, пожалуй, неменьшее значение при дальнейшем изучении истории Термеза.

В свое время, когда археологические исследования Средней Азии находились в самом зачаточном состоянии, В. В. Бартольд, оперируя в силу этого по преимуществу письменными источниками, весьма ограниченными для времени до арабского завоевания, констатировал, что по ним он не видел существенной разницы в жизни Туркестана между IV веком до н. э. и VII веком н. э.²¹⁰ А так как к моменту арабского завоевания в областях Мавераннахра можно видеть ряд признаков феодальных отношений, то невольно создалась тенденция относить их в Средней Азии вглубь тысячелетий. С такого рода положением известные теперь археологические данные, почерпнутые из изучения памятников материальной культуры, отражающих в себе современные их созданию общественные отношения, находились бы, пожалуй, в вопиющем конфликте. Как уже отмечалось, при работах ТАКЭ приходится разделять разные археологические памятники до VIII века н. э. по трем комплексным временным группам или периодам, имеющим некоторые отличия внутри себя. Эти отличия проявляются еще резче при сопоставлении этих памятников с материальными памятниками Средней Азии после VIII века, т. е. относящимися к безусловно разным стадиям феодальной формации. Для последних на протяжении чуть ли не тринадцати веков характерен вообще широко используемый тонкий плоско-плиточный кирпич и, в частности, обожженный, как предельное техническое достижение в области изготовления строительных материалов.

В течение этого же времени высокосортная керамика в наиболее распространенной утвари представлена разными типами глазурованных изделий. Между тем, этим основным группам памятников в I и II периодах до арабского завоевания соответствуют более трудоемкая лощеная керамика и массивные тяжелые сырцовые кирпичи-блоки. При обилии находок, высеченных из камня архитектурных фрагментов сложной профилировки от сооружений первых веков н. э. невольно встает вопрос, почему в местных условиях при наличии хорошего месторождения поделочного камня, годного для тонких скульптурных работ, прекратилось употребление его в рельефных декорациях зданий, возводившихся после VIII века, хотя Термез переживал эпоху развития строительной деятельности в XI—XII веках. Почему измельчал наиболее употребительный тип строительного кирпича? Почему бытовавший уже во II периоде доарабского завоевания скромный черепок зеленой поливы вытеснил затем несколько столетий спустя, навсегда лощеную керамику? Количество, таких вопросов по поводу конкретных археологических и нумизматических объектов сейчас очень велико. Они включают в свою орбиту и такие сложные комплексные памятники, как целые городища. При уровне науки 1914 года В. В. Бартольд был по своему прав, говоря, что „развалин городов и селений, которые относились бы всецело ко времени до арабского завоевания, в Туркестанском крае нет“ ²¹¹. Теперь мы знаем ряд таких городищ до VII в. н. э. и в том числе в Термезском районе, культурные слои которых или совершенно или почти не имеют включений археологических материалов позднейших времен. Некоторые из них как будто заглохли до момента вторжения арабских войск в Мавераннахр и, может быть, в VI столетии. Повидимому, у Сюань-Цзяня было достаточно оснований занести в описание своего маршрута, что в тридцатых годах VII века, пройдя „Железные ворота“, далее вступаешь в пределы древнего царства Тухло, давно уже запустевшего; „все города там в разрушении и заросли дикой травой“. Слова Сюань-Цзяня имеют археологические подтверждения. Вместе с тем, весьма знаменательна отмеченная В. В. Бартольдом в VI веке „перемена в сословиях соседнего Ирана“, которую он ставил в связь с революционным движением Маздака. Именно тогда наравне с появлением „почетного сословия“ светского чиновничества „выступает сословие, которое не упоминается совершенно в священных книгах Зороастра и не получило религиозного освящения, но фактически получило большое значение не только в пределах сасанидского Ирана, но и вне его — это сословие дехкан“ ²¹².

В этом аспекте уместно ставить вопрос, чем вызван этот кризис III периода, который для Термеза окончился благополучнее, чем для некоторых других городских пунктов его района? В каком сочетании последствия вторжения новой волны кочевников [неоднократно и до того наводнявших Мавераннахр] и противоречия производственных отношений внутри тогдашних государственных образований Средней Азии были истинными причинами упомянутого кризиса? Не приходится ли он на грани становления новой формации, когда процесс разложения базиса предшествующей формации, при соответствующем толчке извне, стал проходить с большей интенсивностью? Какова была эта предшествующая формация с ярко выраженным специфическим обликом археологического инвентаря? И, наконец, учитывая слова К. Маркса, что „иногда народ победитель навязывает побежденным свой способ производства“ ²¹³, каково было ее истинное происхождение и когда и как происходило здесь на месте ее развитие?

Все это проблемы крупного значения общенсторического фронта. Их разрешение потребует приложения коллективных усилий со стороны многих историков и, пожалуй, различных организаций. ТАКЭ в этом отношении

по линии освоения археологического материала должна и сумеет внести свою долю в общее дело, ставя эту проблематику основным направлением дальнейшей работы, углубляя изучение самого городища Термеза и одновременно расширяя ареал деятельности экспедиции до охвата на первом этапе хотя бы ближайшего района.

В СССР и, в частности, в УзССР успех начатого дела гарантирован самым положением науки в стране, построившей социализм. Работы ТАКЭ 1936 года встретили живой отклик в самых широких кругах советской общественности. Совет Народных Комиссаров УзССР постановлением от 19 сентября 1936 года за № 1391 отпустил средства для возведения над откопанной аудиторией-залой дворца термезских правителей с его уникальной штукатурной декорацией специального здания-футляра музейного типа. Намечено продолжение работ ТАКЭ в течение ряда лет. А самое приамударьинское городище площадью несколько менее 1000 га тем же постановлением правительства объявлено государственным археологическим заповедником.

Так теперь покончено с дореволюционной недооценкой значимости обширнейших руин Старого Термеза, и повторение уродливых случаев прежнего некультурного подхода к его многообещающим советской науке археологическим памятникам отныне невозможно.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Наименование этого бухарского селения имеет ряд искаженных транскрипций в литературе и на картах, наиболее распространенными из которых являются Патта Хисар, Патта Гиссар, Патта Киссар. Обычно этимологию этого названия объясняют как приграничный город [хисар], в котором у переправлявшихся через Аму путников производился просмотр вещей и оформлялись документы [патта]. По другому варианту, эти документы в знак проверки надрезались [„кесар“, от глагола „кесмак“ — резать]. Как пришлось слышать на месте несколько лет тому назад, селение получило такое название по урочищу, на которое ходили прежде резать в изобилии росшие там деревья „патта“ или туранга [тугайный тополь, *Populus euphratica*, один из главных представителей тугайной растительности в Средней Азии]. Известно, что в Махабхарата в числе даров от саков, тохаров и канка упоминаются ткани из волокон дерева „патта“. См. Массон, М. Е. [197].* Самое селение Паттакесар, по показанию стариков, сложилось в 50-х годах прошлого столетия.

2. А. П. Чайковский, не будучи осведомлен о подлинном значении эпитета Термеза „Мадинат-ур-раджал“ [город мужей], в первом слове усматривал искаженное преломление наименования народа мидян, а самое наличие этого эпитета считал одним из следов пребывания в Бактрии в отдаленном прошлом мидийского населения. См. Чайковский, А. П. [136], стр. 100, прим. 3.

3. Местное произношение названия Термеза отмечено в ряде современных работ.

4. Якут [25].

5. Самани [23], 105 в.

6. Сюань-цзан [8], р. 25.

7. Бартольд, В. В. [36], стр. 23, прим. 1.

8. Chavannes, E. [III], р. 71 и 278.

9. Pelliot, P. [181] I, р. 298.

10. Карта северных и западных владений монголов (30), приложение.

11. Bretschneider, M. D. [119] s. 64 и 275.

12. Pelliot, P. [181], стр. 298; см. также его же [193], р. 105.

13. Моисей Хоренский [7], с. 17.

14. Tomaschek, W [57], с. 91.

15. Впервые эту легенду сообщил Ф. Жуков [62]; переложение ее см. Н. Н. Казанин [64].

16. Табари [10], р. 147. По местному преданию, город Кобадан или Кубадан назван своим обязан некогда царствовавшему там легендарному мелкому правителю Кайки Кувату или Кави Кувату, имя которого будто бы сохранилось также в наименованиях городища и переправы через Аму-Дарью — Тахтакуват.

17. Мнение Г. Вэмбери, что у Термеза была древнейшая переправа через Окс на пути в Индию, надо считать, повидимому, голословным. См. его [49], стр. XXX. Там же ошибочное утверждение, что город Термез потерял свое значение при монголах потому якобы, что Келиф и Ходжа отняли у него значение главной переправы в Афганистан.

* Цифры в скобках обозначают порядковый номер источника в списке цитируемой литературы.

18. Хафиз Абу [36], стр. 23; текст стр. 20; Бартольд, В. В. [184], с. 860—861. По словам Хафиз Абу, в Бурдагуе в древности жили главные лодчики, заведывавшие переправами через Джейхун. Здесь же было место переправы султанов. Поселение было многолюдным и промышленным центром, и переправа тут являлась сильным конкурентом переправы у Термеза. В окрестных же камышевых зарослях водились тигры. Учитывая эту характеристику и принимая во внимание, что Хафиз Абу перечисляет переправы этого района в следующем порядке — Термез — Бурдагуй — Келиф, мне кажется, следует признать, что Бурдагуй нужно искать у современной переправы Чушкагузар, а отнюдь не у созвучного по наименованию городка Бурдальж, который в качестве населенного пункта, как отмечал уже и В. В. Бартольд, встречается в Зафарнаме Шериф ад-дина аш-Шеида.

19. Каштасаб, возможно, искаженное прозвище ахеменидского царя Дария Гистаспа [Внхтаспа]. Местное узбекское население относит ко времени Каштасаба, между прочим, сооружение мощной термезской башни Зурмала.

20. Арриан [4], стр. 138.

21. См., например, Кастальский, Б. Н. [185], № 2, стр. 69.

22. См., например, Григорьев, В. В. [71], стр. 197. Впрочем, В. В. Григорьев оговаривает этот вывод, как результат допущения, что Александр Македонский зиму проводил в Ширабаде. В. Томашек считал, что Петра Сисимитрова соответствует городу Дербенту.

23. Страбон [1], XI, II, 4, стр. 528; Квинт Курций Руф [3], VII, XXX, IX, стр. 190 и след.; Птолемей [5], IV, 3, 29, стр. 235—236.

24. Дройзен, И. Г. [82], примечания, стр. 77—78. Несколько лет тому назад Б. Н. Кастальский, основываясь на топографических данных, почерпнутых из карты двухверстного масштаба, выступал с предложением считать "согдийской скалой" гору Курган-Тайк к северу от Китаба в 12 км и в 9 км от перевала Тахтакарача. В 3 км отсюда к востоку была бывшая почтовая станция Кайнар на тракте Самарканд — Термез.

25. Вехруд или Вех [узбекского историка Себеоса, VII век] соответствует Вахшу [как некогда называлась вся Аму-Дарья, а ныне именуется главный из ее правых притоков] от древне-иранского корня *vakshsh* — "расти", откуда классическое название *Oxus*. Ср. Вахшу [в мифической индусской географической номенклатуре] и Уху или Гуй — шуй, а также Фотсу, Потсу — китайских источников. По Бирони, в первой половине XI века в Хорезме именем Вахш называли духа-покровителя воды вообще и, в частности, реки Джейхуна. Современным своим названием река обязана городу Амударья или Амуя [на месте позднейшего Чарджоу]. Иранцы уже в XIII веке это название произносили просто Аму. Самое слово "Амударья" [как именуется также один из старинных городов Мазандерана — древняя область амардов к югу от Каспийского моря], возможно, эфетическое по своему происхождению.

26. Сюань-цзан [8] 25. Исправление прежнего понимания текста St. Julien'ом и др. приведены P. Pelliot [181] стр. 297. Согласно им и дается изложение содержания соответствующего места из "Записок" Сюань-цзана.

27. Ибн Хордадбех [9] текст 33; франц. перевод, стр. 24. На стр. 39 этот же автор сообщает, что до арабского завоевания князья Термеза носили титул термезшах, а на стр. 37 приводит сумму в 47,100 дирхемов, которая поступила с округа Термезав качестве подати в казну Абдаллаха ибн Тахира в 211/2 г. х. [827 г. н. э.].

28. Кудама [12], стр. арабского текста 211; франц. перевод — 162.

29. Табари [II], II, 1147.

30. Истахри [13] 297. В русском переводе В. В. Бартольда текст приложен к статье И. Т. Пославского [88], стр. 5. Сведения Истахри в сильном искажении были изложены также английским ориенталистом Гюйле Стренджем, в передаче которого получилось, что соборная мечеть Термеза выстроена из сырового кирпича, тогда как базарные здания были выведены из жженого. Le Strange, G. [114], s. 440—441.

31. Иранская версия текста Истахри [14], с. 240.

32. Ибн Хаукаль [17] 349.

33. Худуд-аль-Алем [15], стр. 23а.

34. Макдиси [16], 291. В другом месте Макдиси называет в числе главнейших предметов экспорта из Термеза мыло, лодки и ассафетиду [324, 325].

35. Типичным представителем таких компиляторов можно считать Абу-ль-Феда, автора первой половины XIV века, который описание Термеза в основном базирует на явно анахроничных показаниях Ибн Хаукаля. Абу-ль-Феда [29], с. 227.

36. *برسط جيون بارگاه برآورده چنانكه يك نيمه از بارگاه در آب بود*. Джувейни [рукопись Ленинградской публичной библиотеки, IV, 2, 34] Л. 219. Бартольд, В. В. [105], стр. 378, примечание. В. В. Бартольд переложил содержание этого места в следующих словах: "на берегу Джейхуна был выстроен замок, половина которого находилась уже в волнах реки".

37. *ساكنان بمصحات لشكاه نيمه ازسوران درميان جيون برآورده اند مسافرو بودند*. Так же и по единственной старой рукописи этого сочинения, хранящейся в Государственной публичной библиотеке УССР, с той лишь разницей, что вместо *نيمه* стоит *نيمه* стр. 43а.

38. *قاعه يك نيمه ازسوران جيون برآورده بودند*. Рашид-ад-дин [28], стр. текста 112. И. Н. Березин понял это место в том смысле, что половина стены крепости была выведена из Джейхуна. Ibid., стр. 74.

39. О взятии Термеза войсками Чингизхана см. Raverty [72] p. 1004—1005; Schefér, *Chrestomathie persane*, II. 140; Бартольд, В. В. [105], стр. 461; Говорт, Г. [126], стр. 43.
40. В Bretschneider, M. D. [119]. s. 275. В XV веке Термез посетили китайские путешественники Чен-чэнг [возвратившийся в Китай в 1415 году] и Ли-та, принимавший участие в китайском посольстве к Шахруху 1417 года.
41. В неправильной передаче Г. ле Стренджа получилось, что якобы новый город, по словам Ибн Батуты, был отстроен в 2 милях от покинутых руин старого города. Le Strange, G. [114]. s. 441.
42. Ибн Батута [31] p. 56—57. Ибн Батута также сообщает, что в Термезе имелась виолиби виноград, аява [исключительнейшего качества], мясо и молоко. Между прочим, по его словам, в термезских банях состоятельные люди мыли головы теплым молоком, которое содержалось там владельцами в специальных больших сосудах. Купающиеся получали его в малых сосудах.
43. Шереф-ад-дин [34], стр. 42 [Рукопись без даты; может быть, начала XVI века; по каталогу Е. Калы № 13. См. Калы, Е. [84], стр. 12].
44. Ibid [34], стр. 358.
45. Клавихо, Рюи Гонзалес де [33], стр. 225, 226 и 228.
46. Ибн Арабшах [35] стр. 205. Бартольд, В. В. [134], стр. 73 и в предыдущих цит. работах.
47. Хафиз Абу [36], стр. 23, текст стр. 20.
48. Хафиз Таныш [37], стр. 289.
49. Как подтвердил исследование В. В. Бартольда, в 1646 и 1647 годах во время борьбы за округ Балха между узбеками и принцем Ауренгзебом из династии Великих монголов индийские войска занимали также из времья и Термез, о чем имелось раньше лишь одностороннее показание индийских источников. См. Бартольд, В. В. [146], стр. 202 и 204. Ср. Elliot Dowson, *History of India*, VII, 79 и показание автора Тарихи Мукум хани. См. Мухаммед Юсуф муниш [39] p. 45. Сведения эти приводятся и в рукописных списках этого автора, имеющих в ташкентских рукописохранилищах.
50. Бартольд, В. В. [134], стр. 74; его же [134], s. 862.
51. Encyclopédie ou dictionnaire raisonné [41] p. 217. Между прочим, в 1926 году на территории электростанции по Таджикистанской улице, на месте снесенных теперь развалин, известных по плановым материалам под именем Кишмишхана, был найден клад, заключающий около сотни медных пятаков Екатерины II [1763—1796]. Позднее, по сведениям Г. В. Парфенова, установившего и самый факт находки клада, там же попадались отдельные экземпляры таких пятаков, из которых несколько штук поступили в Термезский окружный музей.
52. Абу-л-Феда [29] стр. 227.
53. Как установил В. В. Бартольд, название библейской реки Гихон было перенесено на Аму-Дарью после завоевания Мавераннахра арабами. Далеко ненаучно: толкование библейских преданий о Гихоне и легендарных сведений других древнейших памятников письменности в сопоставлении с некоторыми географическими феноменами в Средней Азии в дореволюционной историко-археологической литературе нашли отражение в многочисленных работах А. П. Чайковского, начиная с 1873 года и до 1914 года включительно. См. Чайковский, А. П. [52], [55], [73], [89], [116], [136]. Основная гипотеза А. П. Чайковского, бывшего фанатиком идеи о существовании в Средней Азии некогда реки, для которой Аму и Сыр являлись притоками, встречали иногда поддержку в ТКЛА, см. Плавский, И. Т. [123], стр. 3—17. Противоположную оценку с исторической точки зрения см. Бартольд, В. В. [125], стр. 067—068. Как мне известно, А. П. Чайковский проект восстановления библейской реки Гихон вносил в первые годы революции на рассмотрение некоторых высших государственных органов РСФСР.
54. D'Herbelot [38] p. 872. Выписка из этого редкого сочинения я обязан библиотеграфу Е. К. Бетгер, который, как и всегда, оказал мне большую помощь при работе над литературными источниками по Термезу.
55. Petis de la Croix [40] Т. III. p. 202, примечание, а*.
56. Ibid. [40] Т. I, между второй и третьей страницей.
57. D. J. Termed [41] p. 217.
58. Richthofen, F. [56] Tf. 9 после стр. 566.
59. Tomaschek, W. [57]. См карты Кангюя и Мавераннахра эпохи саманидов, приложенные в конце работы.
60. Минаев, И. [65]. Приложение в конце книги.
61. Мушкетов, И. В. [66] стр. 577 и карта в конце книги. Ее неточности повлияли и на искаженные данные карты, опубликованной В. Гейгером в 1887 году в Вене, где развалины Термеза и Миа [у кишлака Джар-Курган] помещены на правом берегу Сурхана, а на левом — обозначены развалины Гульгуля См. Geiger, W. [81].
62. Codrington, O. [113] s. 146. Как пришлось убедиться, в этом труде, в части сведений, относящихся к Средней Азии, допущено вообще много недочетов. Что касается Термеза, то для него, например, совершенно не указан весьма обильный монетный чекан XVI века в период правления династии шейбанидов.

63. Le Strange, G. [114], map IX, после стр. 432. На левом берегу Сурхана показан и город Sarmanji, несомненно, соответствующий Сармангану и в действительности находившийся на правом берегу реки у современного селения Джар-Курган.

64. Zambaur, E. [170], carte IV.

65. Meyendorff, G. [43] p. 162. Позднее А. Борнс, не говоря о развалинах, упоминал только переправу Тирмиз, составлявшую в 30-х годах прошлого столетия западный передел Гиссарского владения. См. Борнс, А. [44] стр. 295.

66. Тизенгаузен, В. [46] стр. 36—37.

67. Wood, I. [50]. Перевод предисловия см. Юль, Г. [53] стр. 18, 66, 67. Русский ориенталист П. Лерх в это же примерно время знал, что древний Термез представлял развалины, называемые Тармисом, и писал, что „около устья Тапалая [искаженное название Тупалаян, как называется теперь один из притоков Сурхана] под 37° с. ш. в окрестностях некогда обширного города Термеза, где в середине века была главная переправа через Аму, эта река начинает принимать направление на СЗ. Лерх, П. [51], стр. 639. См. его же примечания к статье о результатах Гиссарской экспедиции в Russische Revue, Band VII, Heft 8. 1875; извлечения из них — Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник, в V. СПб. 1879, стр. 147.

68. Маев, Н. [54], стр. 174.

69. Tomaschek, W. [57] s. 94.

70. Аналогичную ошибку допустил Н. Н. Каразин. Вообще неточности в ориентировке цитадели Термеза по странам света составлял довольно обычное явление и во многих последующих описаниях. См., например [156], стр. 14, где, вместо северо-восточного угла крепости, надо понимать северо-западный угол.

71. Быков, А. [59] стр. 15.

72. Яворский, И. Л. [60], стр. 3; его же [61], стр. 57.

73. Отчет экспедиции Матвеева опубликован не был. О ней см. Ошанин, В. Ф. [58].

74. О Самарской ученой экспедиции, возглавлявшейся так называемым „ташкентским“ великим князем Николаем Константиновичем, см. Мушкетов, И. В. [66], стр. 267 и 268. Характерно, что при перечислении участников экспедиции не указан Ф. Н. Жуков, состоявший переводчиком при начальнике экспедиции, занимавшийся собиранием распроданных сведений у местного населения, выступивший впоследствии с интересной статьей о поездке и оставивший очень содержательное описание развалин. Многие члены экспедиции (в том числе и Н. Н. Каразин) были обязаны Ф. Н. Жукову получением интересных материалов. Несправедливо забытая его упомянутая статья [69] была использована при составлении дополнений к русскому переводу шестого тома Э. Реклю „Земля и люди“ [102], стр. 454. Однако в ссылке, вместо фамилии Ф. Н. Жукова, искаженно напечатано дважды Юнов.

75. Копии надписей с саганы Хакими Термези, снятые в 1879 году Ляпуновым, не стали в свое время достоянием науки, и, повидимому, их следует признать утраченными. Ср. Р. (озен), В. [76], стр. 146, прим. 1.

76. Повидимому, на цитадели в 1879 году был найден металлический амулет с изображением лягушки. „Медный значок“ с таким же изображением и арабской надписью с благопожеланиями был найден, между прочим, в конце прошлого столетия в окрестностях г. Оша. См. Протокол ГКЛА [95], стр. 15; изображение на вкладном листе. Уточненный разбор надписи, предложенный В. Г. Тизенгаузенем, см. протокол ТКЛА [98], стр. 4. Предмет хранится в коллекции Узбекстанского музея истории и истории революции. У мусульман лягушка считается нечистым животным. Несколько легенд об ее происхождении см. Поляков, Ф. [107], стр. 6—8. Поскольку изображения лягушки известны по археологическому инвентарю из разных мест Средней Азии, очевидно, этот факт надо связать с пережиточными народными представлениями, господствовавшими здесь до завоевания страны арабами. Среди археологических объектов Бухарского музея имеется, между прочим, старинный металлический кунган, в горлышке которого помещена скульптурная фигурка лягушки.

77. Об археологических наблюдениях членов Самарской ученой экспедиции в Термезе см. Жуков, Ф. Н. [69]; Мушкетов, И. В. [66], стр. 577—578; Каразин, Н. Н. [64] № 589 и 590; там же опубликованы рисунки с развалин Термеза; Сорокин И. А. [68], стр. 95; его же [69]. О куске нефрита из развалин Термеза сведения приводятся, кроме того, в труде И. В. Мушкетова (написанном в сотрудничестве с В. В. Бекон, Нефрит и его месторождения. Горный журнал, 1882, № 6; ЗМО, вторая серия, ч. XVIII; собрание сочинений Ивана Васильевича Мушкетова; в I. ЗРГО, по общей географии, т. XXXIX, вып. I, СПб. 1910. В последнем издании глава „Нефрит из развалин Термеза“, стр. 556—558. Специальных трудов Самарской ученой экспедиции, как ошибочно указано у В. В. Масальского [131], стр. 9, не появлялось. Об этом см. также Мушкетов, И. В. [66], стр. 268, прим. I.

78. Зубов, Н. [63], стр. 15.

79. В главное помещение мазара с мраморной саганой Бонвало и его спутник не были допущены шейхом под обычным благовидным предлогом, что ключ якобы унес с собой в степь сын. Как сообщил мне А. А. Семенов, его в 1913 году шейхи мазара так-

же не допустили к осмотру саганы, несмотря даже на уговоры сопровождавшего бухарского чиновника.

80. Давая точные определения относительно назначения тех или иных развалин, Бонвалло не приводит в подтверждение их правильности описания каких-либо конкретных и характерных признаков. Так, о „банях“, находившихся в 100 метрах от минарета, он пишет только, что от них сохранилась лишь „центральная ротонда“ с совершенно разрушенным куполом и двумя-тремя надмогильниками у стен.

81. Bonvalot, G. [70] p. 190—223; работа снабжена иллюстрациями Carus. Содержание этой главы под тем же названием опубликовано также в *Revue d'Archéologie*, 1883, II, p. 385. Данные Г. Бонвалло о развалинах Термеза в сокращенном извлечении использовал W. Geiger. См. его [80], s. 160—161.

82. Bonvalot, G. [79], p. 234; его же [78], отд. отт., стр. 476—477.

83. Из числа более поздних лиц можно указать на Н. Февралева, который ограничился самым кратким упоминанием в три фразы. См. Февралева, Н. [86], стр. 226.

84. Мазов, С. (И) [74] № 18. Ср. [77], TC, т. 397.

85. Петров [73], стр. 88.

86. Покотило [75], стр. 4—5. Развалины, видимо, сильно поразили автора, так как он упоминает их вновь в подробном примечании на стр. 49.

87. М. [аев], Н. [83] № 39.

88. Рожевиц, Р. Ю. [115].

89. Семенов, А. А. [132] отд. отт., стр. 3—4.

90. Урегулирование границ „подаренного“ бухарским правительством треугольника между Аму-Дарьей, устьем Сурхана и северной полосой песков Катта-Кум продолжалось еще в 1909 году. В числе бумаг специальной разграничительной комиссии имеется небезыңтересный документ, написанный 10 августа 1909 года за № 408 окружным инженерным управлением Туркестанского военного округа в адрес Российского политического агентства в Бухаре. В нем сообщается, что классный топограф М. А. Кирхгоф, проводящий съемку земель, опасается затруднений с отведением мазара Хакими Термези в состав русских владений. По согласовании этого вопроса с генерал-губернатором, рекомендовалось провести соответствующее совещание на месте с участием представителя от бухарского правительства. Согласно указаниям генерал-губернатора, желательно было пойти навстречу различным желаниям мусульман, предупредив, что земли эти орошаться не будут. [По копии документа, снятой Г. В. Парфеновым для Сурхан-Дарьинского окружного музея]. Описания М. А. Кирхгофа, с одной стороны, и политика „идти навстречу различным желаниям мусульман“, т. е. шейхам — с другой, очень характерны в смысле отражения взаимоотношений, действительно существовавших между русским колонизационным административным аппаратом и представителями местного духовенства. По мнению Г. В. Парфенова, с деятельностью топографа М. А. Кирхгофа в 1908 году надо связать появление в восточной плоскости саганы Хакими Термези проходящего сквозь мраморную плиту грубого железного костыля, служившего якобы в качестве репера. Отсутствие на его неправильной ромбовидной формы шляпки каких бы то ни было топографических обозначений, тщательная опека шейхами неприкосновенности мазара, наконец, боязливая осторожность русской администрации задевать так или иначе представителей бухарского духовенства как-то не вяжутся с возможностью в то время заложить репер в „святой святых“ мазара. На той же мраморной плите восточной плоскости саганы имеется углубление, получившееся в результате незаконченного сверления еще одного отверстия, может быть, для такого же безобразного штыря.

91. Протокол ТКЛА [90], стр. 16.

92. Пославский, И. Т. [88] отд. отт., стр. 1—17. Статья И. Т. Пославского, снабженная в приложении некоторыми сведениями о Термезе из письменных источников, специально извлеченных для автора В. В. Бартольд, широко вошла в научную литературу. До недавнего времени считалось что Термез лишь однажды был описан именно в ней со сколько-нибудь значительными подробностями. См. [154], стр. 9. Другой автор писал, что „кроме краткого очерка И. Т. Пославского, посвященного этим развалинам, ни в нашей, ни в иностранной литературе не существует обстоятельного описания последних“. См. [132] отд. отт., стр. 3.

93. Протокол ТКЛА [98], стр. 2.

94. Протокол ТКЛА [91], стр. 48; там же изображение этих предметов на вкладном листе. См. также [106], стр. 25, № 12.

95. Протокол ТКЛА [92], стр. 21.

96. Прочтение в 1897 году надписи на сагане Хакими Термези подтвердило вполне те сведения, какие были еще раньше сообщены о нем И. Т. Пославским. Тем не менее, и позднее продолжали еще смешивать это лицо с автором известного сборника хадисов шейхом Абу Иса Мухаммед, бен Иса ал Термези. Ср., напр. (100), стр. 174 и 246, прим. 67.

97. Протокол ТКЛА [97], стр. 5—7. Рисунки с фото там же на вкладном листе. Арабский текст надписи с большими пропусками и неточностями напечатан арабским шрифтом в приложении к упомянутому протоколу на стр. 17. Гейер, И. И. [93], стр. 132—133. Текст о древнем Термезе, основанный в значительной степени на статье И. Т. Пос-

лавского, без изменений повторен и во втором издании путеводителя И. И. Гейера, вышедшего под другим заглавием [94], стр. 216.

98. На штукатурке восточной стены внутреннего помещения мавзолея Хакими Термези имеется надпись: „Охотничья команда 11 Турк. лин. бат. подпоручики Донталь и Литвинов, 29—VIII-1894“, сделанная, судя по почерку, не Б. Литвиновым, а, скорее всего, его спутником. Таким образом, рисунки Б. Литвинова с развалин Термеза отражают их состояние приблизительно в промежутке между 1894 и 1897 годами.

99. Очень возможно, что это была именно та орнаментированная плита из мергелистого известняка с выполненными барельефом завитками в виде сильно рассеченных акатовых листьев, которая позднее была подобрана упомянутым Узкомстариса Г. В. Парфеновым в развалинах прилежащего к мазару Хакими Термези кишлака шейхов. Позднее, повидимому со слов Б. Литвинова, этот „как видно в недавнее время вставленный обломок какого-то мраморного орнамента“ упоминает Д. Н. Логофет [117], стр., 208.

100. Литвинов, Б. [95], стр. 33—55; в тексте три рисунка с архитектурных памятников Термеза. Относительно „вазы, очень похожей на греческие“, следует иметь в виду, что вследствие недостаточной изученности местного средневекового инвентаря в конце прошлого столетия к классическим сосудам относились некоторые глиняные кувшины IX—X веков. Их считал принадлежащими к типу гидрии даже такой видный специалист, как Н. Н. Веселовский.

101. Грулев, М. В. [101], стр. 33—34.

102. Семенов, А. А. [103], стр. 119—121.

103. Семенов, А. А. [132] отд. отт., стр. 4—6. Про „громадный саркофаг“ говорится, что он был облицован резными кирпичами зелено-голубой поливы типа звезд, встречающихся на портале и близких к резным кирпичам саганы из мазара 743 года хиджры в кишлаке Мазаришериф в верховьях Зерафшана.

104. Как говорил мне А. А. Семенов, старый шейх Ходжа Сейид Азиз в конце прошлого столетия являлся ко двору эмира бухарского. В подтверждение своих наследственных прав на земли по арыку Салават, принадлежавшие некогда духовной династии его предков, он предъявлял различные старые документы, в том числе якобы относящиеся еще ко времени саманидов. Эмир будто бы признал законными его домогательства. Однако, по возвращении в Салават, у Сейид Азиза не оказалось уже средств для поднесения соответствующих „подарков“ местному беку и окружавшим его лицам, чтобы практически реализовать решение эмира. Кратко об этом см. Семенов, А. А. [103], стр. 121.

105. Копия плана Б. Н. Кастальского хранится в термезском филиале Узкомстариса. Обзор всего имеющегося картографического материала, захватывающего так или иначе территорию развалин старого Термеза, не входит в задачу настоящего очерка, где попутно отмечаются лишь те из планов и карт, которые более или менее связаны с изучением этого городища.

106. Часть термезских фото Б. Н. Кастальского демонстрировалась осенью 1899 года в Ташкенте. См. Тимаев К. [104], стр. 32 и 52. Несколько позднее фото были смонтированы автором в виде альбома, служившего приложением к его отчету об ирригационных работах в долине Сурхана и изготовленного в нескольких экземплярах. В последние годы некоторые из этих снимков были использованы для иллюстрации статьи Б. Н. Кастальского. [185].

107. Тимаев, К. [104], стр. 35.

108. Как установил Г. В. Парфенов, снимки Н. И. Максимова относятся к 1900 году, а Тельминова — к 1905 году. Фотоотпечатки и диапозитивы последнего хранятся в Сурхан-Дарьинском окружном музее в Термезе. В 1913 году одним коммерческим издательством была выпущена серия открыток с изображением термезских памятников.

109. Протокол ТКЛА [110], стр. 6.

110. В 1903 году в музей ТКЛА поступил медный старообрядческий крест, найденный в развалинах Термеза. Отсутствие следов пребывания в земле привело тогда же к заключению, что предмет этот для развалин городища является случайным и, очевидно, утерян кем-то из русских в недавнее время. См. протокол ТКЛА [112], стр. 9—10.

111. Примеры бессодержательных заметок о древнем Термезе за этот период см. Шапиров, Б. [108], стр. 27—28; Валентин Р. [109] № 64 [ультра-националистического содержания]. Д. Н. Логофет, офицер пограничной стражи, много раз бывавший в Термезе, в одной из своих работ посвятил целую главу этому городу и его прошлому. Компильативная историческая часть отличается несерьезностью и недостоверностью сообщаемых сведений. Описание развалин, при котором автор без указания источника широко использовал статью Б. Литвинова, дано настолько беспорядочно и с таким смещением были и небыли, что оно даже в момент своего появления не могло уже иметь научного значения. См. Логофет, Д. Н. [117], стр. 187—208. Известный зоолог Н. А. Зарудный в дневнике своей экскурсии 1910 года дал описание развалин, целиком со всеми погрешностями заимствованное без указания автора у М. В. Грулева. См. Зарудный, Н. А. [121], стр. 51. Исключительно краткий, хотя и оригинальный, очерк городища Термеза инженера-предпринимателя А. Г. Аваньева носит отражение известной небрежности к памятникам культуры прошлого этого культуртрегера. Минарет на ширбадской дороге 423 г. х. назван им, между прочим, башней Ходжа Ворух. См. Аваньев, А. Г. [124], стр. 18—19.

Некоторые исследователи, в район работ которых входила территория развалин, не находили нужным удалить им даже и кратких очерков. См., например, Неуструев, С. [130], стр. 39. Выходившие в дореволюционное время путеводители или совсем не упоминали о Старом Термезе (например, ряд изданий Дмитриева-Мамонова, «Путеводитель по Туркестану и средне-азиатской железной дороге». Последнее 8 издание, СПб, 1915), или черпали материал из предыдущих описаний (например, Конопка, С. Р. [122], стр. 236, заимствовавший текст без указания источника из путеводителя И. И. Гейера). Краткое компилятивное описание Старого Термеза удачнее всего поднесено в труде Масальского, В. [131], стр. 731—733.

112. Рожевиц, Р. Ю. [115], стр. 644—647.

113. Сталь-Гольштейн, А. [118], стр. 022.

114. Известия Комитета по изучению Средней и Восточной Азии. [127], стр. 60.

115. Сведения о командировке А. А. Захарова приводятся по выдержкам из дел Комитета по изучению Средней и Восточной Азии, любезно предоставленным для использования А. Ю. Якубовским.

116. Раскопки Старого Термеза [128].

117. Осмотр А. А. Семеновым прочих памятников, кроме Султан Садата, был, повидимому, кратковременным. Во всяком случае, личные наблюдения почти не отразились на описании развалин Термеза, опубликованном им в 1925 году и составленном по преимуществу по статье И. Т. Пославского. См. Семенов, А. А. [155], стр. 144—145.

118. Р. Ю. Рожевиц отмечал еще в 1906 году, что фасад замыкающего двор портала в группе мавзолов Султан Садат сильно пострадал: «многие изразцы валяются на земле, а многие были сбиты местными любителями цветных камешков». См. его [115], стр. 54. Известно также, что одно время этот памятник был излюбленным местом, где пришло европейское население устраивало пикники, при которых изразцовые плитки портала служили подгулявшим офицерам мишенью при стрельбе из револьверов.

119. Семенов, А. А. [132]. Работа в основном заключает изложение родословной сейидов по приобретенной автором рукописи.

120. Протокол ТКЛА [139], стр. 57.

121. Протоколы ТКЛА [137] и [138], стр. 58 и 62. Протокол заседания русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии [139].

122. Милованов, В. [143], стр. 1—3.

123. Подлинник письма инженера Эпеля, помещенного 30 мая 1916 года, передал мне несколько лет тому назад, незадолго до своей смерти, А. А. Диваев. К письму был приложен фотоснимок с кирпича, сделанный контролером бухарской железной дороги Е. Н. Левитским. Этот документ передан мной Сурхан-Дарьинскому окружному музею.

124. Бартольд, В. В. [146], стр. 212. В 1920 году, так же как и позднее, в музее не было сведений, где и когда был найден этот намогильный кирпич.

125. Кондрашев, С. А. [142].

126. Довольно характерный возмутительный случай с покупкой под фальшивую и издательскую расписку неким русским «саибом из Паттакесара» древних монет на сумму 150 р. у одного из неграмотных кишлячных жителей приведен А. А. Семеновым. См. его [103], стр. 116.

127. См. Вундтцеттель, Н. Э. [151], стр. 146—147. Как мне известно, в Термезе был приобретен имевшийся в коллекции И. Т. Пославского глиняный сосуд явно эллинистического происхождения с рельефным изображением сложных групповых людских сцен, связанных с культом Вакха.

128. Б. Н. Кастильскому в Термезе, между прочим, удалось в свое время купить терракотовую плиту — кирпич с рельефным изображением мужской фигуры с палицей, которую он условно назвал «бактрийским Геркулесом».

129. Незначительная часть монет из коллекции Запашева в количестве около 500 экз. в 1927 году была приобретена у его наследников нумизматическим отделом бывшего Главного среднеазиатского музея. Основное ядро коллекции было до того вывезено из пределов Средней Азии.

130. Старинные монеты [129]. В заметке с несомненным преувеличением говорится о вывозе Делари «громадного количества» греческих монет. Содержание ее обличает в авторе мало компетентное лицо. Так, он считал нумизматические каталоги Британского музея идентичными каталогам-ценникам торговых нумизматических фирм.

131. Массон, М. Е. [199], стр. 7.

132. Как на курьез, можно указать на надпись, сделанную, очевидно, в шутку на штукатурке одного из помещений памятника Кокильдара в присурханской группе развалин. Текст ее гласит: «1 января 1901 г. Посетила это место археологическая экспедиция во главе с профессором Вольфом». Ниже по этому поводу приписано резкое критическое замечание. Судя по сохранности и применению новой орфографии, надпись от лица мнимой экспедиции сделана уже после 1917 г.

133. Семенов, А. А. [103], стр. 120. Его же [132], стр. 4.

134. Протокол ТКЛА [86], стр. 1—2. Ср. Бартольд, В. В. [134], отд. отт., стр. 12.

135. Кроме сведений о Термезе из арабских источников, предоставленных В. В. Бартольдом в распоряжение И. Т. Пославского и опубликованных еще в 1896 году,

ряд данных об этом городе содержится в нескольких дореволюционных трудах этого академика: [105], стр. 76—78; [134], стр. 72—75.

136. Ленин, В. И. [145], стр. 65.

137. Сведения о деятельности С. А. Кукурышникова собраны и зафиксированы Г. В. Парфеновым.

138. Вячеслов, М. Г. [150], стр. 131—133. Неясно, упоминает ли автор о нахождении монет «бактрийского периода» по литературным данным или на основании собственных наблюдений. Как известно, М. Г. Вячеслов собрал при своей поездке 1922 года путем покупки у населения небольшую нумизматическую коллекцию. Однако, насколько я помню, демонстрируя ее мне тогда в Самарканде, он называл местами их приобретения исключительно пункты, лежавшие в Афганистане.

139. См. Умняков, И. И. [182], стр. 22. В том же 1925 году в Париже в третьей [сентябрьской] книжке *Revue des arts asiatiques* появилась статья И. Кастанье под заглавием *Les ruines de Termez*. В ней автор, бывший много лет членом ТКЛА, дал компилятивный исторический очерк Термеза и описание его развалин, причем последнее от своего имени, как от лица, непосредственно их наблюдавшего, но без указания года посещения. Основным источником [без его упоминания] для исторической части явился набор фантастических сведений о мнимом прошлом города, приведенный в публицистическом очерке Д. Н. Логофета [117]. Совершенно некритически, в погоне за дешевым эффектом, его использовал И. Кастанье. Этим он раскрыл свою малую осведомленность в фактах подлинной истории не только Термеза, но и вообще Средней Азии. Послужил для описания развалин городища было привлечено больше и в том числе статьи *Пославского*, *Бонвалло* и др. Анализ текстов упомянутых пособий и сопоставление их с содержанием статьи, заставляя прийти к убеждению, что И. Кастанье в Термезе, должно быть, никогда не был и при составлении очерка не имел под рукой даже удовлетворительной карты развалин. Этим только и можно объяснить суммированное повторение чужих ошибок, сплошные ляпы с попытками слить военно показания нескольких лиц о различных объектах, курьезы в беспомощных потугах скомпилировать взаимную ориентацию отдельных пунктов развалин и ряд других нелепостей. Эту работу И. Кастанье совершенно нельзя рекомендовать как сколько-нибудь полезный труд для ознакомления с историей Термеза.

140. См. Flury, S. [147] s. 49. Небольшое фото термезского минарета было опубликовано в труде *Sarre, F.* [120] s. 161, Abb. 229. Первой уточненной ссылкой я обязан В. А. Крачковской, любезно предоставившей мне для использования работу S. Flury, безрезультатно отыскивавшуюся мной до того во многих книгохранилищах.

141. Денике, В. П. [156], стр. 9—18.

142. Згура, В. [В] [158], стр. 19—26. При статье дан схематический набросок плана Кырк-Кыз, который везде именуется Кыр-Кызом.

143. Исследования 1926 года имели предварительный характер и не всегда сопровождались точными измерениями. В частности, ошибочно указаны размеры сырцовых кирпичей, из которых сложен памятник Зурмала. Толщина их колеблется не от 4,5 до 5 см., а от 11 до 13 см., а боковые стороны варьируют от 30 до 34 см. Не совсем точно и наблюдение, будто «почва вокруг описываемого сооружения совершенно лишена каких бы то ни было керамических остатков».

144. См. Сборник МВК, Культура Востока [1], М. 1927. В приложении дано 15 снимков памятников Термеза.

145. Каменная база была обнаружена случайно при полевых оросительных работах и перевезена в Термез местным жителем Бухариным в 1927 году, что и отмечено на ней самой. В настоящее время база эта хранится в Сурхандарьинском окружном музее.

146. Замечания о датировке термезского минарета, см. Массон, М. Е. [191], стр. 5, прим. 10.

147. Результаты работы экспедиции МВК 1927 года опубликованы в ряде работ ее участников. См. Денике, В. П. [162], стр. 3—16; его же [163], стр. 208—223; его же [164], стр. 61—65. Засыпкин, Б. Н. [165], стр. 17—40; его же [170], стр. 272—282; отл. отт., стр. 67—78, его же—Кирпич в архитектурных сооружениях Средней Азии домонгольского периода [IX—XIII века]. Строительная промышленность, 1928, № 5, стр. 307—312. Кроме того, заметка в *La Géographie*, 1927, № 5—6 [168]. Все статьи, посвященные второй экспедиции МВК, по сравнению с отчетами первой экспедиции, несут следы более тщательного отношения к вопросам транскрипции местных терминов и собственных имен. Все же еще встречаются такие мало приемлемые варианты, как «каля», вместо кала, «медресе», вместо медресе, «худжры» вместо хужды и т. д.

148. Умняков, И. И. [182], стр. 24.

149. Умняков, И. И. [169], стр. 272—273.

150. Результаты третьей экспедиции МВК отражены в работах следующих авторов: Денике, В. П., [174], стр. 81—85; его же [175], стр. 41—44; его же—Прикладное искусство Средней Азии. Художественная культура советского Востока. Сборник статей. Академия. Л.—М. 1931, стр. 53—75 [отд. замечания]; Веймарн, Б. В. [173], стр. 104—113; Корнилов, П. Е. [177], стр. 178—180; его же [178], стр. 3—10; Troitsky, V. [180]; Засыпкин, Б. Н. [176], стр. 21—49. Результаты работ В. Л. Вяткина в Термезе за

1927 и 1928 года в печати не появлялись. Известно, что часть собранного им подъемного археологического материала с городища Термез была украдена у него в поезде на обратном пути. Возможно, что среди бумаг его личного архива, приобретенного в 1936 году у вдовы покойного Сурхан-дарьинским окружным музеем в Термезе, окажется кое-что, относящееся к его деятельности по линии совместных экспедиций с МВК.

151. Кастальский, Б. Н. [185]. В статье приведен новый геревод текста напlisi на тыльной стороне саганы Хакими Термези, сделанный А. А. Семеновым и несколько отличающийся от перевода В. В. Бартольда.

152. В 1930 году Центральный государственный музей Узбекистана в Самарканде и музей восточных культур в Москве проявляли стремление продолжать археологические раскопки в Термезе, но практически это реализовано не было.

153. Массон, М. Е. [192].

154. О результатах работ Айртамской экспедиции 1933 года см. Массон, М. Е. [193], стр. 129—134. Первый абзац в статье не принадлежит автору и введен редакцией журнала без согласования с ним взамен опущенного краткого предисловия.

155. Результаты работ Г. В. Парфенова в качестве Термезского уполномоченного Узкомстариса нашли отчасти отражение в статьях всех членов ТАКЭ.

156. О некоторых монетных находках в Термезе, см. Массон, М. Е. [179], стр. 285; его же [186], стр. 82, 83 и 89; его же [194], стр. 6—9, 10.

157. Показателем редкости монет греко-бактрийского чекана может служить отмеченный в 1928 году Б. Н. Кастальским факт, что при неоднократных посещениях Термеза ему почти за 30 лет не удалось добыть там хотя бы одну греко-бактрийскую монету [Кастальский, Б. Н. [185] № 3, стр. 11]. В 1929 году ему удалось, наконец, приобрести у шейхов мазара Хакими Термези обол Дмитрия [около 200 г. до н. э.], медную монету Евкратиды [около 200—150 г. до н. э.], и крупную монету Гелиокла [около 150 г. до н. э.].

158. Зограф, А. Н. [201]. Упомянутый в работе Зографа экземпляр тетрадрахмы Герая, поступившей в Центральный государственный музей в Самарканде, как дополнительно сообщая мне Г. В. Парфенов, по наведенным им справкам найден в 1926—1927 годах в 10—15 м к западу от мазара Хакими Термези.

159. Herzfeld, E. [153] s. 35—51.

160. Bataille, G. [172] p. 19—35.

161. Кастальский, Б. Н. [185] № 3, стр. 11. Автор считает эту монету или тохарско-й или эфталитской. Описание монеты см. Массон, М. Е. 186, стр. 3.

162. Массон, М. Е. 179, стр. 53—68.

163. См., например, Вейсмарн, Б. В. 173, стр. 105.

164. Надо допустить, что в самую цифру даты, приведенной во втором Сборнике Музея восточных культур, вкралась, повидимому, опечатка и вместо 689 года в тексте указан 589 год.

165. Термез [171], стр. 542.

166. Идриси [22] Г. 1, р. 473.

167. Гардизи [19], 15.

168. Herzfeld, E. [152].

169. Штуковая панель на Афрасиабе обнаружена в 1912 году. Во время индивидуальных поисков на городище поставщик древностей Абду Вахит при пробивке галлерей через один из бугров встретил кладку стены из сырового кирпича. Разобрав ее по ширине своего хода, он натолкнулся на заднюю сторону алебастровой штукатурки, разбив которую, обнаружил, что с другой стороны она несет резной орнамент. Куски штукатурки были доставлены В. Л. Вяткину, который во время раскопок 1913 года произвел в этом месте небольшую разведку и установил, что фрагменты принадлежат панели. В 1919 году, по постановлению Комитета самаркандской областной выставки, мной была произведена раскопка этого помещения, оказавшегося большой продолговатой залой [около 13,5 × 6,5 м²] с тремя дверями в одной из продольных стен и двумя дверными проемами в коротких боковых сторонах. Высота панели около 1,2 м. Выше стены были покрыты гладкой штукатуркой и только под потолком, судя по многочисленным фрагментам, имелся резной рельефный гребастовый бордюр, а пространство между ним и перекрытием было покрыто росписью клевыми красками. Реставрация панели в музее произведена под моим руководством художником М. В. Столяровым. Отчет о раскопке залы опубликован не был.

170. О разработке в Средней Азии месторождений лазурита и использовании его для приготовления краски, см. Массон, М. Е. [196], стр. 16—30.

171. О магических свойствах бирюзы, см. Массон, М. Е. [196], стр. 67—68.

172. Вяткин, В. Л. [161], стр. 17.

173. Листовое стекло в Средней Азии получило широкое распространение, только в XIX веке, хотя употребление стеклянной утвари здесь насчитывает не менее 2000 лет. Замирание местного стеклодувного производства относится к последним векам. По данным Н. Муравьева, относящимся к 1820 году, в то время жители Хорезма не имели даже понятия о составе стекла и многие его никогда не видели, почему оно там ценилось очень дорого. См. Муравьев, Н. [42], стр. 90.

174. Н а с и р и Хусрау [18], стр. 93. См. также Крымский, А [141], стр. 50; перевод 35 и 36 стр. персидского текста.

175. Веннамин Тудельский, [24] еврейский текст, стр. 61—63; перевод стр. 60—62.

176. В 1936 году в группе зданий у мавзолея Хакими Термези Узкомстарис произвел некоторые ремонтно-реставрационные работы. У самого мазара была переложена и подперта контрфорсом наружная часть западной стены, несущей с внутренней стороны резной аебастровый штурк IX—X века. В большом купольном помещении, принимаемом то за ханак, то за халимхана, были разобраны позднейшего происхождения очаги. Подложены кирпичем выкрошившиеся низы стен. Снаружи памятник с северной и восточной сторон частично освобожден от толщи позднейших культурных наслоений, скопившихся вокруг него по преимуществу в виде строительного мусора в результате процесса разрушения здания и многократных случаев сооружения погребальных склепов и устройства могил. Для поддержания северной стены установлено несколько контрфорсов.

177. Засыпки, Б. Н. [165], стр. 20.

178. Засыпки, Б. Н. [165], стр. 19.

179. Орбели, И. А. и Тревер, К. В. [200], стр. XXXIII и стр. XLI, табл. 20.

180. Быть может, пережитком древнего конструктивного приема „гофрированных“ стен в более современной местной архитектуре допустимо считать подобные же гофрированные бордюры на лицевых сторонах балочных пролетов между колоннами террас в частных домах и мечетях. Как мне пришлось наблюдать, при сооружении зданий из жженого кирпича европейского образца в ангреском, ходжентском и др. районах еще сравнительно недавно самым обычным украшением столбов и пилястр являлись квадратные и прямоугольные филленки. Слегка утопленные в стене, они состоят из вертикальных, поставленных на ребро кирпичей, наружные стороны которых, затесанные в виде полуколодок, образуют гофрированную поверхность.

181. Джувеини [27] стр. 97, 112. Хамдаллах Казвини называет провозглашенного халифом сейда Имад-ад-дин термези. Хамдаллах Казвини [32] стр. 496, см. также Barthold, W. [184].

182. Ибн Батута [31], р. 54 и 57.

183. Бартольд, В. В. [144], стр. 7.

184. Маркс, К [48], стр. 399.

185. Массон, М. Е. [202].

186. См., например, Засыпки, Б. Н. [170], стр. 137—138.

187. Чепелев, В. Н. [187], стр. 95.

188. Существует мнение, что крупные жженные кирпичи $40 \times 40 \times 7$ см³, иногда и больших размеров, специфичны как строительный материал для времени, предшествующего арабскому завоеванию. Судя по археологическим наблюдениям, такие крупные кирпичи изготовлялись и в средние века для специальных архитектурных надобностей в сооружениях, декорированных или сплошь выложенных из жженого кирпича. Ср., например, кирпичи над угловыми трехчетвертными колоннами в мавзолее Исмаила саманида в Бухаре (имеющие в стороне свыше 60 см).

189. Массон, М. Е. [192], стр. 15.

190. Кизерицкий, Г. [87], стр. 181—183.

191. Бартольд, В. В. [149], стр. 366.

192. Самое раннее изображение бактрийского буддийского ступа относится ко II веку до н. э. и помещено на реверсах монет грекобактрийского царя Агафокла. О распространении его монет см. Массон, М. Е. [189].

193. Чепелев, В. В. [187], стр. 89—90.

194. Бартольд, В. В. [160], стр. 43.

195. Денике, Б. П. [162], стр. 4, 8—9.

196. К моменту подведения итогов работ ТАКЭ за 1936 год и подготовки материалов для печати в распоряжение Узкомстариса ни один из участников отряда Эрмитажа не представил научных статей о результатах своей работы. В силу этого автор в своей сводке мог воспользоваться лишь данными весьма кратких полевых отчетов с некоторыми последующими коррективами. Своевременно не поступили, а потому и не могли быть также использованы письменные отчеты от Г. Б. Парфенова.

197. Историко-топографический очерк Термезского района намечено дать в следующей публикации материалов ТАКЭ.

198. В одном из китайских источников конца III—начала IV в. приводится рассказ о прибытии в Китай во II году н. э. посла от юэчжей, который устно сообщил текст нескольких буддийских сутр. Однако достоверность этого известия у исследователей вызывает сомнение [Бартольд, В. В. [110], стр. 10—11], хотя распространение буддизма в государстве юэчжей в это время можно считать вполне допустимым.

199. Засыпки, Б. Н. [165], стр. 17.

200. Наршахи [21], стр. 35.

201. Бодэ, К. [45], стр. 207—208. По данным, сообщенным в одном из докладов в Средазкомстарисе, на Кизыл-Алане жженный кирпич встречается нескольких размеров:

1 арш. × 1 арш. × 4—5 верш.; 6 × 6 × 1 см³; „продолговатый, близкий к современному европейскому“.

202. Обнаружение россыпи медных монет на южном фасе цитадели Термеза принадлежит сотруднику Эрмитажа В. Н. Кесаеву. Об определении по ним местоположения монетного двора, см. Информация ТАСС, лист № 3. Л. 4—VIII—1936. Виденная мной отсюда медная монета принадлежит фельсу конца II—начала III в. х. Тут же был поднят В. А. Ш и ш ки н ы м серебряный дирхем газневидского чекана XI века с именем Махмуда.

203. Денике, Б. П. [156], стр. 16.

204. Засыпкин, Б. Н. [165], стр. 24.

205. Якубовский, А. Ю. [195], стр. 5.

206. О ремесленном производстве в средние века на мусульманском Востоке, см. Якубовский, А. Ю. [162] и [190].

207. Шереф-ад-дин [34]: 358 Абдулла Намз [37]. 289.

208. Благодаря систематическому размыву берега его прежнюю конфигурацию и место древней набережной сейчас определить невозможно. Позднее в XV веке пристань как будто была к западу от цитадели.

209. Обилие на поверхности приамурьинского городища битого и отчасти целого жженого кирпича, отмечавшееся еще с конца прошлого столетия, привело даже при работах экспедиции 1927 года к выводу, что в средневеком Термезе большинство построек было выполнено из него, что значительно отличает руины этого города от известных нам руин Афрасиаба, Мерва и Анау*. [165], стр. 17. В данном случае очень разительное внешнее впечатление привело к некоторой переоценке самого факта, так как в действительности жженный кирпич являлся строительным материалом не для большинства, а для значительного меньшинства термезских зданий. Кроме того, необходимо учесть, что при проведении Закаспийской железной дороги и возникновении в полосе отчуждения разных крупных сооружений кирпич на постройки брался в больших количествах в течение длительного периода с древних развалин Мерва и Анау, прежде представлявших ту же картину, что и городище Термеза вблизи калы. С городища Старого Самарканда, Афрасиаб, жженный кирпич исчез при постепенном росте города с середины прошлого столетия. Еще на моей памяти, лет 30 тому назад, его поверхность была густо усеяна строительным кирпичем, кусками резных терракотовых плит и фрагментами глиняной и стеклянной утвари, среди которых завзятые потребители анаши и кукнара отыскивали для продажи коллекционерам разные антики, создав себе из этого специальный промысел.

210. Бартольд, В. В. [148], стр. 9; его же [160], стр. 20—21 и др.

211. Бартольд, В. В. [135], стр. 10.

212. Бартольд, В. В. [183], стр. 110—111.

213. Маркс, К [47], стр. 29.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ, ЦИТИРУЕМОЙ В СТАТЬЕ М. Е. МАССОНА

Как и в некоторых предыдущих своих работах, при составлении списка цитируемой литературы мной применен и в данном случае принцип хронологической последовательности при расположении материала. Неотъемлемым преимуществом такого принципа во всякого рода исторических трудах является известная историческая перспектива. Первоисточники следуют под точными датами путешествия, составления или приблизительных пределов времени, когда они могли быть написаны. Если в издании того или иного первоисточника используются данные не его самого, а текст вступлений, примечаний и других дополнений издателей, редакторов и комментаторов, то самый труд поставлен в списке под годом выхода из печати. [Например, Wood, J. A journey to the source of the river Oxus, хотя путешествие и относится к тридцатым годам XIX века, стоит под 1872 годом, т. е. под датой появления нового издания в свет, поскольку в этой книге использовано только предисловие Г. Ю ля]. Наконец, все пособия, т. е. работы, не имеющие прямого отношения к непосредственному изучению развалин Термеза или описанию этого города теми или иными современниками, проставлены под годом опубликования. Внутри одного и того же года материал расположен в алфавитном порядке авторов, причем издания с коллективным автором помещены в самый конец. Порядковый номер проставлен справа от текста.

I век до н. э.

Страбон. География Страбона в семнадцати книгах. Пер. с греч. Ф. Г. Мищенко. М. 1879.

История Старшего дома Хань. Иакинф. Собрание сведений, о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Ч. III. СПб. 1851.

1

2

- I век н. э. Квинт Курций Руф. История об Александре Великом, царе Македонском. С дополнениями Фрейнегейма. Пер. С. Крашенинников. Т. II. СПб. 1813. 3
- II век Арриан. Анабасис Александра. Пер. с прим. Н. Кореньков. Т. 1912. 4
Полиен. Стратегемы Полиена. Пер. с греч. Д. Паппадопуло. СПб. 1842. 5
- IV век Фа-хиан. Foe-koue-ki ou Relations des Royaumes Bouddhiques; voyage dans la Tartarie, dans l'Afghanistan et dans l'Inde, exécuté à la fin du IV siècle par Chy-Fa-Hian. Traduit du chinois et com. par Ab. Rémusat, Paris, 1836. 6
- V век Моисей Хоренский. Marquart, I. Eranschahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenaci. Abhandlungen der Kön. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, phil. hist. Klasse. Neue Folge. Band III, No. 2, Berlin, 1901. 7
- VII век Сюань-цзан. Stanislas Julien. Mémoires sur les contrées occidentales par Hiouen Tchang. Vol. I, Paris, 1857. 8
- IX век Ибн Хордадбех كتاب المسالك و الممالك BGA., v. VI, Lugduni Batavorum, 1889. 9
- X век. Табари. Chronique de Tabari. Traduite sur la version persane de Bel'ami par M. Hermann. Zotenberg, II, Paris, 1874. 10
Табари. Annales, quos scripsit Abu Djafar... at-Tabari. Cum aliis edidit M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, II. 11
[928] Кудама. В одном томе с текстом Ибн Хордадбека. В. G. A., v. VI. 12
[930—933] Истахри. كتاب مسالك الممالك BGA., v. I. Lugduni Batavorum, 1870. 13
[930—933] Истахри [Иранская версия] Ouseley, W. The oriental Geography of Ebn Haukal, London, 1800. (В действительности иранская версия сочинения Истахри كتاب مسالك الممالك ошибочно приписанная Аузли Ибн Хаукалю.) 14
[982] Худуд-ал-Алем. Рукопись Туманского. Перс. текст изд. под ред. и с пред. В. В. Бартольда. Л. 1930. 15
[985] Макдиси. كتاب احسن التقاسيم في معرفة الاقاليم BGA., v. III, Lugduni Batavorum, 1906. 16
[987] [8] Ибн Хаукаль. كتاب المسالك و الممالك BGA., v. II, Lugduni Batavorum, 1873, 17
- XI век [1045] Насири Хусрау. Сафар намэ. Книга путешествий. Пер. Е. Э. Бертельса. Academia. М. — Л. 1933. 18
[1050] Гардизи. زين الامار. Выдержки в труде В. В. Бартольда. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. I. Тексты. СПб. 1898. 19
- X—XII Наршахи. مى تاريخ ترشخى [Бухарское литографированное издание]. Новая Бухара, 1322 г. х. 20
Наршахи. История Бухары. Пер. с перс. Н. [С.] Лыкошин. Под ред. В. В. Бартольда. Т. 1897. 21
- XII век [1155]. Идриси, Абу Абдаллах Мухаммед. Géographie d'Edrisi. Traduite de l'arabe en français par P. Amédée Jaubert. T. I, Paris, 1836. 22
[1166] Сам'ани. The Kitab al Ansab of Abd al Karim ibn Muhammed al Sam'ani, with an introduction by D. S. Margoliouth. GMS., v. XX, Leyden — London, 1912. 23
[1160—1173] Вениамин Тудельский. Путешествие р. Вениамина Тудельского. Три еврейские путешественника XI и XII ст. Пер. и прим. П. [В.] Марголина. СПб. 1881. 24
- XIII век Якут. كتاب مجمع البلدان Jacut's geographisches Wörterbuch. Erster Band, Leipzig, 1866. 25
[1222] Чэн-чунь. Палладий. Описание путешествия даосского монаха Чан-чуня на запад. Пер. с прим. Труды членов российской духовной миссии в Пекине. Т. IV. СПб. 1866. 26

	[1283]		
	Джувейни. كتاب تاريخ جهانگشای GMS., v. XVI. Leyden — London, I, 1912; II, 1916.		27
Конек XIII — начало XIV в.	Рашид-ад-дин. Сборник летописей. История монголов. ТВО РАО, ч. XV. СПб. 1880.		28
XIV век [1321].	Абу-л-Фела. Géographie d' Aboulféda traduite de l'arabe en français accompagnée de notes par M. Stanislas Guyard. T. II, seconde partie. Paris. 1883.		29
	Карта северо-западных и западных владений монголов [1329—1331]. Приложение к Трудам членов российской духовной миссии в Пекине. Т. IV. СПб. 1866. [1330—1332].		30
	Ибн Батута. Voyages d' Ibn Batoutah. Texte arabe accompagné d'une traduction par C. Defrémery et le Dr. B. R. Sanguinetti. Tome troisième. Paris, MDCCCLV. [1339].		31
	Хамдаллах Казвини. The Tarikh-i-Cuzida of Hamdullah Mustawfi of Qazwin. GMS., v. XIV. Leyden — London. Part I, 1910.		32
XV век [1403—1406].	Клавихо, Рюи Гонзалес де. Жизнь и деятельность великого Тимерлана. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1406—1406 гг. Пер. с прим. И. И. Срезневского. Сборник отд. рус. яз. и слов. АН. XXVIII, № 1. СПб. 1881. [1425].		33
	Шереф-ад-дин Али Иезди. ظرافت. Рукопись. Гос. публ. библиотеки УзССР. Инв. № 1514; по каталогу Е. [Ф.] Каля № 13.		34
	Ибн Арабшах. Каирское издание, 1285 г.		35
	Хафиз Абу. Бартольд, В. В. Хафиз Абу и его сочинения. المظفرية. Сборник статей учеников профессора бар. В. В. Розена. СПб. 1897. Есть отд. отт.		36
XVI век	Хафиз Таныш. شرق نامه شامی [Абдулла Намэ]. Рукопись XVI века. Гос. публ. библиотеки УзССР. Инв. № 2207. Из коллекции Шереф Джан Махзума		37
VII век [1697]	Herbelot, d'. Bibliothèque Orientale ou Dictionnaire universel contenant généralement tout ce qui regarde la connoissance des peuples de l' Orient. Paris MDCCXCVIII.		38
XVII—XVIII	Мухаммед Юсуф-муни бен Ходжа Бек. تاريخ مقیم خانی Senkowski, J. Supplément à l'histoire générale des Huns, des Turks et des Mogoles. St. Pétersbourg, 1824.		39
XVIII век [1723].	Pétis de la Croix. Histoire de Timurbec. T. I et T. III. A Delft, MDCCXXII. [1781]		40
	Encyclopédie ou dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. Par une société de Gens de lettres. Tome 33. Berne et Lausanne. MDCCCLXXXI.		41
XIX век [1819—1920]	Муравьев, Н. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 гг. Ч. II. М. 1822.		42
	Meuendorff, G. Voyage d' Orenbourg à Boukhara fait en 1820. Paris, 1826. [1832]		43
	Борнс, А. Путешествие в Бухару. Ч. III. М. 1849.		44
	Бодэ, К. О туркменских поколениях: ямудах и гокланах [писано в 1842 г.] ЗРГО. 1849, ч. II. [1853]		45
	Тизенгаузен. В. Г. О монетах саманидов. ЗАО, т. VI, отд. I. СПб. 1853 [1859]		46
	Маркс, К. К критике политической экономии. М. 1932. [1867]		47
	Его же. Капитал. СПб. I. [1872]		48
	Вамбери, Г. История Бухары или Трансоксании с древнейших времен до настоящего. Пер. А. И. Павловского. Ч. I. СПб. 1873.		49
	Wood, J. A journey to the source of the river Oxus. New edition, edited by his son. London, 1872.		50
	[1873]		
	Л [ерх], П. Аму-Дарья. Русский энциклопедический словарь. Изд. И. Н. Березина. Т. I. СПб. 1873.		51
	Чайковский, А. П. По поводу поворота Аму-Дарьи в Аральское море. ТВ. 1873. № 30.		52
	Юль, Г. Очерк географии и истории верховьев Аму-Дарьи. Пер. О. А. Федченко. СПб. 1873.		53

- [1874] Маев, Н [А]. Очерки Гиссарского края. Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник, в. V. СПб. 1879. 54
- [1875] Чайковский, А. П. Опыт решения вопроса о причине, изменившей течение Аму-Дарьи. ТВ. 1875, №№ 39—40. 55
- [1877] Richthofen, F. China. Ergebnisse eigener Reisen und darauf gegründeter Studien. Erster Band, Berlin, 1877. 56
- Tomaschek, W. Centralasiatische Studien. Sogdiana. Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch historische Klasse. B. LXXXVII, Wien, 1877. 57
- [1878] Ошанин, В. Ф. Ученые экспедиции, занимавшиеся исследованием Туркестанского края в 1878 г. Т. 1879. 58
- Быков А. Очерк переправ через р. Аму-Дарью. Т. 1879. 59
- [Яворский, И. Л.]. По Бухаре и Афганистану. Газета „Голос“, т 1879, № 38. 60
- Яворский, И. Л. Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878—1879 гг. Т. II. СПб. 1883. 61 +
- [1879] Жуков, Ф. [Н]. Верхнее течение Аму-Дарьи. ТВ. 1880, № 17. 62
- Зубов, Н. [Н]. Верхнее и среднее течение судоходной Аму. Гидрометрические и гидрографические исследования, произведенные в 1879 г. ЗРГО, по общей географии, т. XV, № 4, СПб. 1886. 63 +
- Каразин, Н. Н. Самарская ученая экспедиция. Всемирная иллюстрация, 1880, № 590. 64
- [1879] Минаяев, И. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи [по 1878 г.] СПб. 1879. 65
- Мушкетов, И. В. Туркестан. Геологическое и орографическое описание по данным, собранным во время путешествий с 1874 по 1880 г. Т. I. СПб. 1886. 66
- Мушкетов, И. В. Нефрит и его месторождения. Собрание сочинений Ивана Васильевича Мушкетова, в. I, ЗРГО, по общей географии, т. XXXIX, в. I. СПб. 1910 67
- Сорокин, Н. А. Путешествие в Среднюю Азию и Францию в 1878 и 1879 гг. Отчет, представленный в физ.-мат. факультет Казанского университета. Казань. 1881. 68
- Сорокин, Н. А. Очерки из путешествия по Средней Азии. Публичная лекция, читанная 14 февраля 1881 г. Казань, 1881. 69
- [1881] Bonvalot, G. Les ruines de la vallée du Sourkhane. En Asie Centrale. De Moscou en Bactriane. Paris, 1884. 70
- Григорьев, В. В. Поход Александра Македонского в Западный Туркестан. Журнал Мин. нар. просв., 1881, октябрь. 71
- [1881] Raverty. The Tabakat-i-Nasiri. London, 1881. 72
- [1884] Чайковский, А. П. Туркестан и его река по Библии и Геродоту. Владимир, 1884. 73
- [1886] Мазов, С [И]. Восточная Бухара, Бадахшан и Северный Афганистан. Русское дело, 1886 г., № 18. 74
- Покотило, В. В. Отчет о поездке в пределы Центральной и Восточной Бухары в 1886 г. Т. 1888. 75
- Р[озен], В. Рецензия на труд И. В. Мушкетова, Туркестан. ЗВО, т. I, в. II. СПб. 1886. 76
- Интересный азиатский гость в Москве — С. И. Мазов и его бухарское поместье. Новое время, 1886, № 3786. ТС, т. 397. 77
- [1887] Bonvalot, G. Voyage dans l' Asie Centrale et au Pamir. Communication adressée à la Société de Géographie dans son assemblée générale extraordinaire tenue à Sorbonne la 14 Janvier, 1888. Отд. от. Soc. de Géogr. 4 Trimestre, 1890. 78
- [1887] Bonvalot, G. Du Caucase aux Indes à travers le Pamir. Paris, 1889. 79 +
- [1887] Geiger, W. Die Pamir Gebiete. Eine geographische Monographie. Geographische Abhandlungen herausgegeben von A. Penck in Wien. Band II, Heft I, Wien, 1887. 80

[1889]	К а л ь, Е. [Ф]. Персидские, арабские и тюркские рукописи Туркестанской публичной библиотеки. Т. 1889.	81
[1891]	Д р о й з е н, И. Г. История эллинизма. Т. I. М. 1891.	82
	М [аев], Н. Е. Ф. К а л ь [некролог]. ТВ, 1891, № 39.	83
[1894]	Жуковский, В. А. Древности Закаспийского края. Развалины старого Мерва. Материалы по археологии России, № 16. СПб. 1894.	84
[1895]	Февралев, Н. Правобережная полоса Пянджа и Аму-Дарьи. От Кала Ванч до Керки. Военный сборник, 18:5, № 9.	85
	Протокол ТКЛА от 11 декабря 1895 г. Т. 1896.	86
[1896]	Кизерицкий, Г. Хотанские древности из собрания Н. Ф. Петровского. ЗВО, т. IX. СПб. 1896.	87
	Пославский, И. Т. О развалинах Термеза. Путевой очерк. Среднеазиатский вестник. Т. 1896, декабрь. Есть отд. отт.	88
	Чайковский, А. П. Далекое прошлое Туркестана. СПб. 1896.	89
	ТКЛА. Протокол от 26 февраля 1896 г. Т. 1896.	90
	ТКЛА. Протокол от 28 октября 1896 г. Т. 1896.	91
	ТКЛА. Протокол от 11 декабря 1896 г. Т. 1896.	92
[1897]	Гейер, И. И. Путеводитель по Туркестану. Издание I. Т.; 1901.	93
	Его же. Туркестан. Издание II. Т. 1909.	94
[1897]	Литвинов, Б. Долина р. Сурхана. Изборник Разведчика. СПб. 1898, IX.	95
	ТКЛА. Протокол от 17 февраля 1897 г. [Ошибочно напечатано 1896 г.]. Т. 1897	96
	ТКЛА. Протокол от 29 августа 1897 г. Т. 1897.	97
	ТКЛА. Протокол от 10 ноября 1897 г. Т. 1897.	98
[1898]	Бартольд, В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. I. Тексты. СПб. 1898.	99
	Вяткин, В. Л. "Самария", описание древностей и мусульманских святынь Самарканда Абу-Тахир-Ходжа. Справочная книжка Самаркандской области 1898 г., в VI. Самарканд, 1899.	100
	Грулев, М. В. Некоторые географико-статистические данные, относящиеся к участку Аму-Дарьи между Чарджуем и Патта-Гиссаром. ИТОРГО, т. II. в. I. Т. 1900.	101
	Реклю, Э. Земля и люди. Всеобщая география. Ки. IV, т. 6 [с дополнениями к русскому изданию]. СПб. 1898.	102
	Семенов, А. А. По границам Бухары и Афганистана. Путевые очерки 1898. Исторический вестник, 1902, № 4.	103
[1899]	Тимаев, К. Первая Туркестанская фотографическая выставка 19—26 сентября 1899 г. Т. 1899.	104
✓ XX век	[1900]	
	Бартольд, В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. II. СПб. 1900	105
	Остроумов, Н. П. и Аничков, Н. В. Описание археологической и нумизматической коллекций, принадлежащих Ташкентскому музею и Туркестанскому археологическому кружку. Т. 1900.	106
	Полярков, Ф. Каракиргизские легенды, сказки и верования. Памятная книжка и адрес календарь Семиреченской области на 1900 г. Верный, 1900.	107
	Шапиров, Б. Наши пограничные окраины в Средней Азии. Путевые наброски. СПб. 1901.	108
	[1901]	
	Валентин Р. От Самарканда до Термеза. Заметки сапера. ТВ. 1901, № 61.	109
	[1902]	
	ТКЛА. Протокол от 1 мая 1902 г. Протоколы ТКЛА, год VIII, Т. 1902.	110
	[1903]	
	Chavannes, E. Documents sur les Tou-kiue occidentaux. Сборник трудов Орхонской экспедиции. VI. СПб. 1903.	111
	ТКЛА. Протокол от 22 сентября 1903 г. Протоколы ТКЛА, год VIII, Т. 1903.	112
	[1904]	
	Codrington, O. A manual of Muselman numismatics. Asiatic Society monographs. Vol. VII. London, 1904.	113
	[1905]	
	Le Strange, G. The lands of the Eastern Caliphate. Camoridge, 1905 (1930).	114

[1906]	Рожевиц, Р. Ю. Поездка в Южную и Среднюю Бухару в 1906 г. ИРГО, т. XLIV, в. IX. СПб. 1908.	115
[1908]	Чайковский, А. П. Важная нивелировка в Туркестане. М. 1908.	116
[1909]	Логофет, Д. Н. Русско-Афганская граница. На границах Средней Азии. Книга II. СПб. 1909.	117
	Сталь Гольстейн, А. Сюань-Дзан и результаты современных археологических исследований ЗВО, т. XX, в. I. СПб. 1911	118
[1910]	Bretschneider, M. D. Mediaeval researches from Eastern Asiatic Sources. Vol. II, London, 1910	119
	Sarre, Fr. Denkmäler der Persischen Baukunst. Berlin, 1910.	120
	Зарудный, Н. А. Летняя экскурсия по Бухарским владениям 1910. ИТОРГО, т. XIII, в. I. Т. 1917.	121
	Конопка, С. Р. Туркестанский край. Т. 1910.	122
	Пославский, И. Т. О восстановлении библейской реки Гихон. Протоколы ТКЛА, ч. XIV. Т. 1910.	123
[1911]	Ананьев, А. Г. Орошение Ширабадской долины водами реки Сурхана. Т. 1911.	124
	Бартольд, В. В. Рецензия на Протоколы ТКЛА, ч. XIV. ЗВО, т. XX, в. I. СПб. 1911.	125
	Говарт, Г. Чингиз-хан [из его книги History of the Mongols from the 9th to the 19th century. Part II]. Т. 1911]	126
	Известия Комитета по изучению Средней и Восточной Азии. Серия 2, № 1. СПб. 1911	127
	Раскопки старого Термеза. ТВ. 1911. № 232 от 20-X.	128
	Старинные монеты. ТВ. 1911, № 240 от 29-X.	129
[1912]	Неуструев, С. Путешествие в Южную Бухару и исследование Ширабадской долины [отиск из невышедшего номера ИРГО, т. XLVIII, в. VI, 1912 г.], П. 1915.	130
[1913]	Масальский, В. Туркестанский край. Россия. Полное географическое описание нашего отечества, т. XIX. СПб. [1913].	131
	Семенов, А. А. Происхождение Термезских сейидов и их древняя усыпальница „Султан-садат“. Протоколы ТКЛА, год XIX [ошибочно напечатано XVIII]. Т. 1914. Есть отд. отт.	132
	ТКЛА протокол от 11 декабря 1913 г. Протоколы ТКЛА, год XIX. Т. 1914	133
[1914]	Бартольд, В. В. К истории орошения Туркестана. СПб. [1914].	134
	Его же. Задачи русского востоковедения в Туркестане. Отд. отт. из Отчета о деятельности Академии наук по физ.-мат. и истор.-филол. отд. за 1914 г. П. 1915.	135
	Чайковский, А. П. Родина народов арийской расы, где она была и отчего покинула. М. 1914.	136
	ТКЛА Протокол от 12 февраля 1914 г. Протоколы ТКЛА, год XIX. Т. 1914.	137
	То же от 17 марта 1914 г. Протоколы ТКЛА, год XIX. Т. 1914.	138
	Протокол заседания Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии от 24 марта 1914 г.	139
[1915]	Бартольд, В. В. К истории персидского эпоса. ЗВО, т. XXII, в. III—IV. П. 1915.	140
	Крымский, А. История Персии и ее литературы. Т. I, в. 4. М. 1915.	141
[1916]	Кондрашев, С. К. Водопользование Ширабадской и Сурханской долин Бухарского ханства. Материалы работ гидроподульной части отдела земельных улучшений. В. 14. 1918.	142
	Милованов, В. Памяти Николая Ивановича Нехорошева. ИТОРГО, т. XIII, в. I. Т. 1917.	143
[1918]	Бартольд, В. В. Улугбек и его время. ЗРАН, VIII серия. По истор.-филол. отд., т. XIII, № 5. ИЛ 1918.	144

- [1919] Ленин, В. И. Успехи и трудности советской власти. Собр. соч., изд. III, т. XXIV. Л. 1936. 145
- [1920] Бартольд, В. В. Отчет о командировке в Туркестан. Август — декабрь 1920. ИАН, серия V, т. XV, Л. 1921. 146
- ✓ Flury, S. Islamische Schriftbänder. Amida-Diarbekir XI Jahrhundert. Anhang Kai-tuan, Mayu'at'iqin, Tirmidh. Basel — Paris, 1920. 147
- [1922] Бартольд, В. В. История Туркестана. Труды туркестанского государственного университета, в. 2. Т. 1922. 148
- Его же. Восточно-Иранский вопрос. Известия ГАИМК, т. II. Л. 1922. 149
- Вячеслов, М. Г. Археологические памятники в Афганистане. Афганистан. Сборник статей Всероссийской научной ассоциации востоковедения. М. 1924. 150
- [1923] Вундцеттель, Н. Э. Интересная гемма из коллекции Туркестанского восточного института. *الإسكندرية* Сборник Туркестанского восточного института в честь профессора А. Э. Шмидта. Т. 1923. 151
- Herzfeld, E. Der Wandschmuck der Bauten von Samarra und seine Ornamentik, Berlin, 1923. 152
- [1924] Herzfeld, A. Paikuli. Monument and Inscription of the early history of the Sasanian empire. I, Berlin, 1924. 153
- [1925] ↓ Castagné, I. Les Ruines de Termez. Revue des arts asiatiques. Paris, 1925, No. 3. 154
- Семенов А. А. Материальные памятники арийской культуры. Таджикистан. Сборник статей. Т. 1925. 155
- [1926] Денике, Б. П. Экспедиция Музея восточных культур в Термезе. Предварительный отчет. Культура востока. Сборник МВК [1]. М. 1927. 156
- Засыпкин, Б. Н. Памятники архитектуры в Средней Азии и их реставрация. Вопросы реставрации [в. II]. М. 1926. 157
- Згура, В. [и др.]. Развалины дворца около Термеза. Культура востока. Сборник МВК [II]. М. 1927. 158
- Массон, М. Е. Монетный клад XIX века из Термеза. Бюллетень САГУ, в. 18. Т. 1927. Отд. отд. № 7. 159
- [1927] Бартольд, В. В. История культурной жизни Туркестана. АН КЕПС. Л. 1927. 160
- Вяткин, В. Л. Афрасиаб — городище бывшего Самарканда. Самарканд—Ташкент [1927]. 161
- Денике, Б. П. Экспедиция МВК в Среднюю Азию 1927 года. Культура Востока. Сборник МВК, II. М. 1928. 162
- Его же. Термез. Журнал Новый Восток. № 22. М. 1928. 163
- Его же. Резная штукатурная стенная декорация в Термезе. Труды секции искусствознания РАНИОН, в. III. М. 1928. 164
- Засыпкин, Б. П. Памятники архитектуры Термезского района. Культура Востока. Сборник МВК, II. М. 1928. 165
- Его же. Архитектурные памятники Средней Азии. Проблемы исследования и реставрации. [Глава—Памятники древнего Термеза]. Вопросы реставрации, т. II. М. 1928. Есть отд. отд. 166
- Его же. Кирпич в архитектурных сооружениях Средней Азии домонгольского периода [IX—XIII вв.]. Строительная промышленность, 1928. № 4. 167
- [Заметка о работе экспедиции МВК в Среднюю Азию] La Géographie, 1927, № 5—6. 168
- Умняков, И. И. Археологическая и ремонтно-реставрационная работа Среднеазиатского музея в 1927 году. Известия Среднеазиатского музея, в. III. Т. 1928. 169
- Zambaur, E. de. Manuel de généalogie et de chronologie pour l'histoire de l'Islam. Tableaux et cartes. Hannover, 1927. 170
- Термез. Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат, т. 41, ч. VII. М. 1928. 171
- [1928] Bataille, G. Notes sur la numismatique des Koushans et des Koushan-shahs sassanides. Arethuse, Fascicule 18, Paris, 1928. 172
- Веймари, Б. В. Орнаментация дворца XII века в древнем Термезе. Из открытий советского востоковедения. Искусство, 1934, № 6. 173
- Денике, Б. П. Изображения фантастических зверей в термезской резной декорации. Искусство Средней Азии. РАНИОН. М. 1930. 174

- [1928] Его же. La décoration en stuc sculpté de Termez. Les nouvelles découvertes au Turkestan. Cahiers d'art. Paris, 1930, No. 1. 175
- Засыпкин, Б. Н. Памятники монументального искусства советского востока. Сборник. Художественная культура советского востока. М. 1931. 176
- Корнилов, П. Е. Термез и Сарай. Вестник научного общества татароведения. Казань. 1930, № 9—10. 177
- Корнилов, П. Е. Изучение искусства Средней Азии. Материалы Центрального Музея ТССР. Казань, 1929, № 2. Есть отд. отт. 178
- Массон, М. Е. Монетные находки в Средней Азии. 1917—1927 гг. Известия Среднеазиатского музея, в. III. Т. 1928. 179
- Troitsky, V. Expéditions scientifiques soviétiques. Fouilles dans l'Asie Centrale. Revue des arts asiatiques. Paris, 1930, No. 1. 180
- [1929] Pelliot, P. Termez dans les textes chinois et tibétains. ДАН, серия В. Л. 1929, № 16. 181
- Умляков, И. И. Архитектурные памятники Средней Азии. Исследование. Ремонт. Реставрация. 1920—1928 гг. Т. 1929. 182
- [1930] Бартольд, В. В. К вопросу о феодализме в Иране. Новый Восток № 28. М. 1930. 183
- Его же. Tirmidh. Enzyklopaedie des Islam. Lieferung Mbis. Leiden—Leipzig. 1930. 184
- Кастальский, Б. Н. Историко-географический обзор Сурханской и Ширабадской долин. Вестник ирригации. Т. 1930, №№ 3 и 4. 185
- Массон, М. Е. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за 1928 и 1929 гг. Научная мысль. Ташкент—Самарканд, 1930, № 1. 186
- Чепелев, В. Н. Очерк архитектуры Средней Азии до караханидов. Искусство Средней Азии. РАНИОН. М. 1930. 187
- [1931] Якубовский, А. Ю. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая Берке. Известия ГАИМК, т. VIII, в. 2—3, Л. 1931. 188
- [1932] Массон, М. Е. Из записок древней металлургии Афганистана. За недра Средней Азии. Т. 1932, № 2. 189
- Якубовский, А. Ю. Феодализм на Востоке. Столица Золотой Орды—Сарай Берке. Государственный Эрмитаж. Л. 1932. 190
- [1933] Массон, М. Е. Краткая историческая справка о средне-азиатских минаретах. Материалы Узкомстариса, в. 2—3. Т. 1933. 191
- Его же. Находка фрагмента скульптурного карниза первых веков н. э. Материалы Узкомстариса, в. I. Т. 1933. 192
- Его же. Скульптура Аиртама. Искусство, 1935, № 2. 193
- Его же. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии в 1930 и 1931 гг. Материалы Узкомстариса, в. 5. Т. 1933. 194
- Якубовский, А. [Ю]. Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв. Труды ИАИ и ИВАН. Материалы по истории народов СССР, в. 3. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской СССР, ч. I. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI—XVII вв. Л. 1933. 195
- [1934] Массон, М. Е. Из истории горной промышленности Таджикистана. Былая разработка полезных ископаемых. Труды Таджикско-Памирской экспедиции, в. XX. АН СССР. Л.—М. 1934. 196
- Его же. Древние технические растения. Блок-нот археолога натуралиста. ПВ. 1934, № 274. 197
- Pelliot, P. Tokharien et Koutchéen. Journal Asiatique. Tome CCXXIV, No. 1, Paris, 1934. 198
- [1935] Массон, М. Е. Проблема изучения цистерн-сардоба. Материалы Узкомстариса, в. 8. Т. 1935. 199
- [1935] Орбели, И. А. и Тревер, К. В. Сасанидский металл. Художественные предметы из золота, серебра и бронзы. М.—Л. 1935. 200
- Зограф, А. Н. Монеты Герая. Изд. Узкомстариса. Т. 1936. 201

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ

- BGA. — Bibliotheca Geographorum Arabicorum.
 ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры имени Н. Я. Марра.
 GMS. — Gibb Memorial Series.
 ДАН — Доклады Академии наук СССР.
 ЗВО — Записки восточного отделения Русского археологического общества.
 ЗМО — Записки Минералогического общества.
 ЗРАН — Записки Российской Академии наук.
 ЗРАО — Записки Русского археологического общества.
 ЗРГО — Записки Русского географического общества.
 ИРГО — Известия Русского географического общества.
 ИТОРГО — Известия Туркестанского отдела Русского географического общества.
 КЕПС — Комиссия по изучению естественных производительных сил СССР при Академии наук СССР.
 МВК — Музей восточных культур в Москве.
 ПВ — Газета Правда Востока, Ташкент.
 РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук, Москва.
 САГУ — Среднеазиатский государственный университет.
 СОНАТ — Социалистическая наука и техника. Орган Комитета наук УзССР.
 Т — Ташкент.
 ТВ — Газета Туркестанские ведомости. Ташкент.
 ТВО — Труды Восточного отделения Русского археологического общества.
 ТКЛА — Туркестанский кружок любителей археологии. Ташкент.
 ТС — Туркестанский сборник сочинений и статей, относящихся к Средней Азии вообще и Туркестанскому краю, в особенности, составившийся В. И. Межовым [с 1868 г.].
-

К ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ СТАРОГО ТЕРМЕЗА

ВВЕДЕНИЕ

Город является важной составной частью социального организма классового общества, неизменно играющей большую роль в его хозяйственной, политической и культурной жизни. Организация городской территории, размеры и населенность, характер промышленной и торговой деятельности, находящие отражение в планировке и структуре города, взаимоотношения его административно-политического, торгового, ремесленного, культурного и религиозного центров, равно как и связь с тяготеющей к городу округой, областью, будучи надежно установленными, являются первоклассными и ценными первоисточниками для разрешения и интерпретации большого круга вопросов, стоящих перед историками.

Особенно большую значимость материалы исторической топографии приобретают в том случае, когда они относятся к периодам истории, слабо освещенным письменными источниками. К таким периодам можно отнести в истории народов Средней Азии все, что предшествует VIII—IX векам н. э. Здесь мы не имеем ничего, кроме скудных, иногда очень неясных, иногда путаных указаний китайских, античных и армянских писателей. Самый процесс становления феодализма, сменившего существовавшие ранее формы производственных отношений, неоднородные в разных частях Средней Азии и у разных народов, ее населявших, не поддается пока надежной и более или менее точной хронологической локализации. В решении этого кардинального в истории среднеазиатских народов вопроса весьма существенную помощь может оказать также историческая топография города. Классовый облик его в разные исторические эпохи не был одним и тем же, что неизменно отражалось и на самой топографической организации города. Выявление характера, с одной стороны, дофеодального города и, с другой, — города феодального периода, изучение изменений, происшедших при этой перемене, и датировка такого рода изменений при помощи археологического материала поможет разрешить этот достаточно трудный и одновременно крайне важный вопрос.

Немало ценных материалов дает изучение городской территории и для других более поздних времен, относительно хорошо известных нам по письменным источникам. Такого рода источники всегда страдают односторонностью и тенденциозностью. Среда и факты воспринимаются ими в преломлении через призму индивидуальности автора и того класса, к которому он принадлежал. Грамотность при феодализме была связана неизбежно с принадлежностью к правящим классам, главным образом клерикальной его части, с двором хана и эмира. Отсюда понятной стано-

вится еще большая односторонность этой литературы. Нельзя при этих условиях переоценить значения археологического материала, требующего только внимательного изучения и правильной интерпретации на основе марксистско-ленинского понимания исторического процесса.

Работы по исторической топографии древнего Термеза имеют окончательной своей задачей выявление топографической структуры города, которая соответствует по существу его экономической и классовой структуре в различные периоды его существования. Задача эта обширна и требует для своего выполнения много времени и длительной вдумчивой работы коллектива археологов.

Поэтому предлагаемая работа никоим образом не может претендовать на полное разрешение указанных выше проблем. Ее задачей являлась фиксация археологического рельефа и отдельных руин, сохранившихся на поверхности земли. Предлагаемые в этой статье выводы нужно рассматривать как предварительные рабочие гипотезы, требующие в дальнейшем проверки и уточнения.

Большую роль для правильного понимания структуры города должно сыграть не начатое еще археологическое изучение всей области, тяготеющей к Термезу, в целом.

Работы по изучению исторической топографии Термеза в полевой период 1936 года были возложены на специальный отряд ТАКЭ*. В продолжение летнего периода 1936 года нами был составлен с помощью мензульной и глазомерной съемок археологический план части городища Старого Термеза, находящейся в излучине Аму-Дарьи, к западу от современного г. Термеза, и являющейся местом древнейшего города. Одновременно производился попутный сбор подъемного материала, обильно рассыпанного по всей территории городища и позволяющего при известной осторожности в выводах датировать тот или иной участок городища. Также регистрировались сохранившиеся на поверхности остатки построек и разного рода сооружений¹.

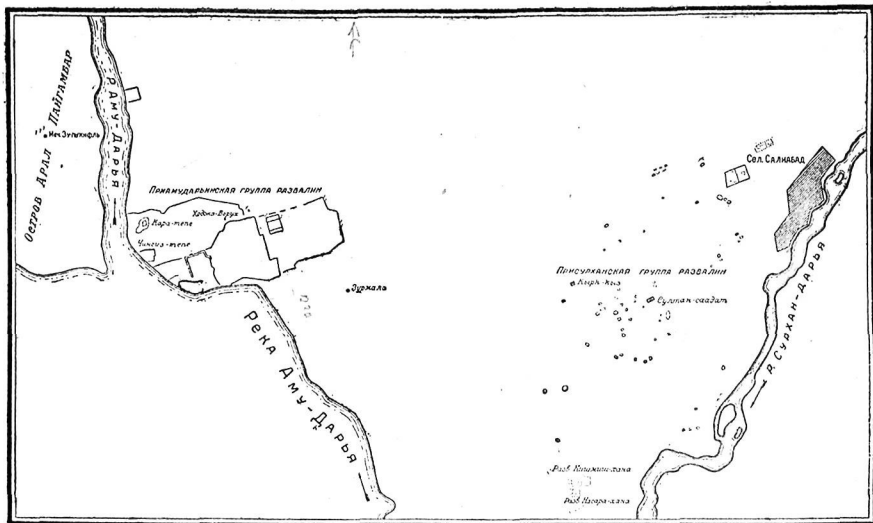
Некоторые находки, сделанные на территории городища, позволяя предположить, что здесь жил человек доклассового общества.

Развитие классового рабовладельческого общества и последовавшая затем феодализация социально-производственных отношений, что связано было здесь с частыми и сильными экономическими и социальными сдвигами, народными восстаниями и разрушительными завоеваниями, обусловили весьма значительные изменения, которые претерпел древний город. Изменялись не только его величина и конфигурация занимаемой им площади, но и самое его местоположение. В треугольнике, образуемом излучиной Аму-Дарьи, расположено в сущности три разновременных Термеза.

Древнейший из них занимал наиболее западное положение на самом берегу реки, в том месте, где она круто поворачивает на север. Здесь высятся цитадель, остатки зданий и стен, разбросанные на территории около тысячи гектаров и получившие в своей совокупности наименование „приамударьинской группы развалин“. Изучение их производилось экспедицией 1936 года.

Вторая группа „присурхандарьинская“ находится в 7—8 км восточнее первой, ближе к реке Сурхан, которая всегда служила главным источником городского водоснабжения.² Это остатки города, построенного в XIII—XIV вв., после разрушения древнего города монгольскими войсками³. Клавихо, посетивший город в 1404 году,⁴ описывает его как „большой и очень

* В составе научного сотрудника Эрмитажа В. Н. Кесаева и автора предлагаемой статьи. Работа по окраинным частям городища была возложена на В. Н. Кесаева, а средняя его часть, включающая старую цитадель (кала) и два участка, обнесенные стенами к северо-востоку от нее, — на меня.

74. Общий план расположения развалин Старого Термеза

населенный*. Послы все время ехали „по площадям и многолюдным улицам, где продавали разные разности“. Город „не был окружен никакой оградой и вокруг него было много садов и воды“.⁵ В современном своем виде остатки города состоят из очень большого количества развалин построек, главным образом, жилых домов, которые построены были почти исключительно из сырцового кирпича. В основной своей массе они относятся, надо полагать, к сравнительно недавнему, времени — XVI и XVII векам. Однако среди них есть сооружения и более древние. Из них следует упомянуть сложный ансамбль мавзолеев и мечетей, носящий название Султан-Садат⁶ и относящийся в древнейшей своей части к XI веку, а также огромное сооружение первоначального пока назначения и времени — Кырк-Кыз⁷. В полном соответствии с сообщением Клавихо, в присурханской группе развалин нет никаких следов городских стен.

Наконец, третий Термез — современный город, центр Сурхан-Дарьинского округа, сложившийся первоначально близ русского укрепления в конце прошлого столетия, расположен к югу от присурханской группы развалин.

Множество развалин более мелких поселений, отдельных зданий и замков, разбросанных в окрестностях Термеза, указывает на бывшее значение и населенность этого района, опустевшего в конце семнадцатого и в восемнадцатом веках. На прилагаемой схеме следует отметить необследованные еще экспедицией развалины древнего прямоугольного укрепления, связанного, повидимому, с переправой через реку и расположенного на самом берегу против острова Арал-Пайгамбар, а также старинную мечеть Зулъ-Кифля, находящуюся на самом острове*.

Кала

Так называемая древняя „цитадель“ или кала возвышается в виде большого мощного холма над самым берегом Аму-Дарьи, в том месте, где скалистый берег, сложенный из песчаников и плотных мерделей выступает слабо выраженным мысом в сторону реки.⁹ В общем холм калы имеет отчасти характер естественного возвышения, отчасти насыпного, искусственного. Не исследовавшиеся еще, правда, никем толщи культурных отложений на этом холме должны быть весьма значительны по своей мощности. С западной и восточной сторон холм цитадели ограничен небольшими спускающимися к реке ложинами.

Русло реки против цитадели несколько сужено, а течение в этом месте стремительно и бурно. Это последнее обстоятельство имеет известное значение для определения, как это увидим ниже, места стоянки тех „кораблей“, о которых неоднократно упоминают историки. На всем берегу, примыкающем к городищу, в настоящее время нет никаких намеков на сколько-нибудь удобную бухту или затон, пригодный для этой цели.

Кала в плане имеет форму неправильного прямоугольника, вытянутого

* Для удобства описания и ссылок отдельным районам приамударьинской группы развалин присвоены соответствующие номера римскими цифрами I, II, III и литеры заглавными буквами „А“, „Б“, „В“, показанные на приложенной схеме. Для точного обозначения места того или иного здания или находки вся территория городища, объявленного теперь постановлением правительства УзССР археологическим заповедником, разбита нами на рабочем плане на квадратную сетку со стороной квадрата, равной 100 метрам (каждый квадрат равняется, следовательно, одному гектару) с координатной системой их нумерации: горизонтальные ряды обозначены римскими, вертикальные — арабскими цифрами.

Пользуясь случаем отметим, что как первоначальное ознакомление с городищем, так и дальнейшая работа проходили под руководством начальника экспедиции М. Е. Массона, которому я обязан многими и ценными указаниями.

с запада на восток и прилегающего южной длинной стороной непосредственно к берегу реки. С трех сторон: западной, северной и восточной по верхнему краю холма цитадели идут валы — остатки стен и башен, отмечавшихся теперь небольшими холмиками-возвышениями на стене. Они отчетливее заметны на северной стороне, где их, считая вместе с угловыми, насчитывается одиннадцать. Довольно глубокая выбоина, имеющаяся в стене около северо-западного угла позволяет установить, что последняя многократно ремонтировалась и восстанавливалась. Здесь заметны следы кладки как из крупного древнего кирпича, так и из относительно позднего мелкого. Кирпич сырцовый. Следы кладки из такого же сырцового кирпича ясно заметны и в северо-западной угловой башне. Верхних частей стен в настоящее время нигде не сохранилось, но, судя по значительным осыпям осколков, они, возможно, сложены были из жженого кирпича¹⁰ на глиняном растворе. Уцелевшая частично северо-западная башня была облицована жженым кирпичем разных размеров (от $28 \times 28 \times 4,5 \text{ см}^3$ до $25 \times 25 \times 4 \text{ см}^3$).

В середине северной стороны, между шестым и седьмым выступами башен, считая с запада, стена делает довольно сильный изгиб внутрь, в сторону цитадели. Внутри цитадели к изгибу примыкает углубление — впадина с отлогими скатами.

Западная стена, направляясь от северо-западной башни прямо к югу, делает затем уступ внутрь. На некотором расстоянии дальше, дойдя до башенного выступа, она понижается и переходит в невысокую стенку из крупного сырцового кирпича. В этой стенке имеется перерыв, соответствующий, несомненно, находившимся здесь воротам — въезду в цитадель. Юго-западный угол калы отмечен сильно выдвинутой вперед башней из жженого кирпича, остатки которой довольно хорошо сохранились.

Южная сторона калы, примыкающая к берегу реки, по своему верхнему краю не имеет никаких следов стен и характеризуется только крутым, иногда почти отвесным обрывом к реке.

На восточной стороне по верхнему краю калы идет вал, представляющий собой остатки стены, вполне сходный с таким же валом северной стороны. Он делает в своей южной половине легкий изгиб к востоку. Юго-восточный угол имеет закругленную форму. Около самого юго-восточного угла можно усмотреть в конфигурации стены, в рельефе поверхности самой цитадели и в наклонно опускающемся вниз небольшом уступе склона следы еще одного въезда в калу снаружи.

Мощность укреплений холма, защищенного с одной стороны бурными стремнинами реки, а с трех других массивными стенами с правильно расположенными башнями, говорит о том, что этой древней кале придавалось большое значение и что она была по своему времени важным стратегическим пунктом. Это подтверждается вполне имеющимися историческими сведениями.

Главный въезд в калу, как отмечено выше, находится у юго-западного угла. Это устанавливается совершенно точно по имеющимся на месте остаткам. Кроме этого въезда, вероятно, был также въезд [или вход, по крайней мере] из юго-восточном углу. Есть все основания предполагать наличие какого-то хода, может быть, второстепенного значения, в середине северной стены. Иначе трудно было бы объяснить упомянутый изгиб ее внутрь. На самом склоне калы имеется в этом месте дорожка, спускающаяся в обе стороны вниз. Она была использована несколько лет назад для сбора и вывоза кирпичного щебня, собиравшегося на городище для целей нового строительства, и была тогда выровнена и расширена. Однако, по словам Г. В. Парфенова, она существовала и раньше. Таким образом кала имела, надо полагать, три входа.

Поверхность калы внутри, в соответствии с общим рельефом местности постепенно понижается с северной стороны к югу. В северной части поверхность относительно ровна, за исключением той впадины перед изгибом стены, о которой говорилось выше. На этом пространстве много кирпичного щебня, встречаются в большом количестве осколки керамики [преимущественно поздней, до XVII — XVIII веков включительно] и заметны слабые следы бывших здесь построек.

Более разнообразна по рельефу и сохранившимся археологическим остаткам южная половина калы. Оба угла, прилегающие к южной стороне, а также западной и восточной, обнесены двумя дополнительными внутренними стенами, отгораживающими каждая в отдельности пространство несколько больше гектара. Площадь внутри этих оград значительно ниже остальной части калы, представляя собой отлогие и довольно широкие ложины. Это обстоятельство не дает возможности согласиться с предположением И. Т. Пославского, правда, неуверенно им высказанным, что назначение этих двух дворов, было служить „ретраншементами“¹¹ в случае взятия крепости неприятелем. Тем более сомнительно это мнение, что окружающие части калы командовали над этими низинами.

76. Кал'а. Северо-западный угол

Ограда в юго-западном углу непосредственно связана с воротами. Она имеет неправильную многоугольную форму. Стена ограды с следами трех буржей [крепостных башен] выражена в настоящее время невысоким валом, состоящим, главным образом, из кирпичного щебня. На западной стороне огороженного пространства можно проследить остатки каких-то построек, примыкающих с восточной стороны к юго-западной башне. Одна из этих построек, прямоугольник которой ясно прослеживается, находилась у самых ворот. Интересно отметить, что в юго-западном углу этой ограды заметен довольно ясно выраженный и теперь спуск к реке.

Ограда в юго-восточном углу по своему характеру сходна с только что описанной. С севера она замыкается таким же валом, состоящим из кирпичного щебня. Этот вал, начинаясь от башни на восточной стене, идет в юго-западном направлении. В стене есть небольшой перерыв, возможно, бывшие здесь ворота. За перерывом вал стены становится более мощным и снабжен двумя выступами — башнями. Западный конец огоро-

женного пространства замыкается остатками довольно крупного прямоугольного здания. В середине его намечается прямоугольный дворик, вокруг которого были расположены комнаты помещений. Это здание довольно заметно возвышается и командует почти над всей калой.

Юго-восточный угол калы и, следовательно, этого второго огороженного участка занимают остатки крайне интересного здания. Оно слабо прослеживается сверху, но хорошо видно в обрыве цитадели со стороны реки в виде глухой, без всяких отверстий стены, сложенной из массивного сырцового кирпича [в размере в среднем $35 \times 35 \times 14 \text{ см}^3$]¹². Формат кирпича такой же, как и в раскопанном экспедицией 1936 года здании на Чингизтепе, относящемся к дофеодалному времени, и несколько более крупный, чем на таких зданиях, как Зурмала, сырцовое здание у минарета 423 г. х. и остатки других древнейших зданий Старого Термеза. Здание носит следы многочисленных поправок, ремонтов и достроек, в которых использован самый разнообразный материал: битая глина, сырцовый кирпич размером $30 \times 30 \times 7 \text{ см}^3$ и более мелкий, наконец, жженный кирпич $25 \times 25 \times 4 \text{ см}^3$ и $28 \times 28 \times 4,5 \text{ см}^3$, т. е. такой же, какой использован для облицовки северо-западной и юго-западной угловых башен калы. У обоих углов этого здания, по южной стороне, имеются башневидные выступы из жженого кирпича, причем восточный выступ непосредственно связан с самим зданием, а выступ у западного угла в настоящее время отделен от здания как будто бы каким-то бывшим здесь проходом.

Пространство между этим зданием и остатками здания, замыкающего западный конец ограды, представляет собою ложбинку, понижающуюся к южной стороне и отделенную от берега валом. Из конфигурации и рельефа остатков построек и сооружений здесь можно предполагать особенно прочно и надежно защищенный ход вниз, к реке.

Таким образом обе ограды как в юго-западном, так и в юго-восточном углу калы связаны, надо полагать, с существовавшими здесь воротами или входами и спусками к реке. Это объясняет и назначение оград — усилить оборону подходов как с суши, так и со стороны реки и дать возможность обороняющимся держаться в цитадели и после прорыва осаждающих через ворота. В общем эти ограды благодаря командующим над ними укреплениям и стенам становились ловушкой для врага.

К зданию на западном конце юго-восточной ограды, с западной стороны, примыкают остатки еще двух ясно прослеживаемых в плане построек, состоящих каждая из дворика посредине и нескольких помещений вокруг него. Много остатков, видимо, более мелких зданий разбросано и в других частях калы, но контуры их прослеживаются очень неясно или совсем исчезают.

Обрыв холма калы к реке сложен, как упомянуто выше, из чередующихся пластов третичного песчаника и сероватого плотного мергеля, образующих местами почти отвесные стенки, изрытые естественными углублениями и пещерами. Одна из пещер, находящаяся почти в середине южного фаса калы, выбита искусственно. Ее верх обработан в виде отлогого стрельчатого свода с своеобразно нависающими пятами. Пещера сохранилась, надо полагать, не во всю свою длину: вход и передняя часть ее разрушены временем, выветриванием и, вероятно, размывом рекой. Мною сделана была небольшая расчистка передней части пещеры от скопившегося в ней мусора. Он содержит много гумуса, а в верхних частях не перепревшего еще навоза, золы и углей от кострищ, кости и черепки. Самые нижние слои у пола содержат черепки, которые датируются XII—XIII веками н. э. На песчаниковом полу пещеры сохранились остатки настила из кирпича разного размера [со сторонами от 28 до 25 см].

Более отлогие части прибрежного южного склона густо усеяны черепками, среди которых немало встречается типичной керамики, покрытой красной ангобой с частичным лощением.

Под обрывом калы, омываемая водами реки, находится так называемая „набережная“*. „Набережная“ эта состоит из неширокой кирпичной стенки [в том состоянии, как она сохранилась теперь] одинаковой примерно высоты на всем своем протяжении, укрепленной расставленными на приблизительно равных расстояниях полукруглыми выступами в сторону реки. Значительная часть этого сооружения в настоящее время разрушена. Особенно сильному разрушению подвергся, видимо, ее западный конец и середина, где (см. план) имеется значительный входящий изгиб берега, свидетельствующий о довольно интенсивном процессе размыва песчаника. Набережная сложена из жженого кирпича таких же разных размеров, как и кладка облицовки угловых башен и здания близ юго-восточного угла калы. Такое разнообразие размеров использованного кирпича заставляет предположить, что кирпич не заготавливался для этих построек, а был извлечен из других более ранних, к тому времени разрушившихся. Подтверждается это и тем, что в кладке стены и выступов обнаружено несколько шестиугольных плиток, употребившихся специально для настила полов. В отличие от угловых башен калы и здания у юго-восточного угла, сложенных довольно небрежно на глиняном растворе, „набережная“ построена очень аккуратно и тщательно на серовато-белом растворе. В нем заметна примесь мелких угольков и золы. По внешнему виду раствор совершенно однороден с так называемым „киром“ — известковым раствором с примесью камышевой золы, обладающим до некоторой степени гидравлическими свойствами. Такого типа раствор употребляется еще и до сего времени среднеазиатскими мастерами в тех случаях, когда необходимо предохранить сооружение от размыва водой: при кладке водоемов в банях, закрытых водопроводов-каналов, канализационных сооружений и т. д.¹⁴

Восточный конец сооружения как раз против описанного здания близ юго-восточного угла цитадели заканчивается большим, широким выступом, судя по сохранившимся остаткам кладки, также полукруглым [теперь его южный конец разрушен]. Он в несколько раз больше других выступов набережной и далеко вдавался в воды реки, представляя собою как бы защитный водорез — мол. Ниже (западнее) этого выступа в кладке всего сооружения имеется небольшой прямоугольный входящий уступ, образующий как бы небольшую бухточку. В древности в ней могли поместиться только одна-две небольшие лодки. К бухточке вел, повидимому, спуск из юго-восточной угловой ограды, которая описана выше.

Другому спуску к реке из калы, из юго-западной угловой ограды, соответствовало в древности другое сооружение: рядом с самым крайним западным из сохранившихся до наших дней полукруглым выступом находится другой выступ, от которого осталось теперь очень мало. Он был разрушен, так как представлял опасность для каюков.

Судя по прежним фотографиям, этот выступ представлял собой некогда длинный мол. Он далеко вдавался в реку и образовывал, надо полагать, защищенное от стремительного течения реки место у берега под юго-западным углом калы. Оно было прикрыто некогда, как мы это уже видели, сильно выступающей вперед угловой башней, которая на И. Т. Пославского произвела впечатление „самого безопасного места для всего, что подлежало спасению, и последнего убежища для коменданта и его сподвижников“.¹⁵

* Довольно подробно описана в статье И. Т. Пославского¹⁵.

Кроме описанных частей набережной, несколько в стороне, западнее и восточнее соответствующих углов калы, приблизительно в 60 м от них, сохранились два массивных круглых выступа, по характеру материала и кладки сходные с другими частями этого сооружения. Между западным из этих выступов и углом калы заметны какие-то сглаженные теперь и идущие уступами ряды кирпичной кладки, может быть, остатки лестницы или пандуса, спускавшегося к гавани, защищенной упомянутым выступом — молотом.

Предположение, что все эти сооружения имели назначение служить пристанями подтверждается косвенно неоднократными упоминаниями историков о „кораблях“, важной пристанью для которых служит Старый Термез¹⁶.

Этой целью служить пристанью для судов вряд ли исчерпывалось назначение сооружения. Выше отмечалось, что южный край калы не сохранил никаких следов стены наверху. Наиболее вероятно, что южная стена именно и была построена на этой „набережной“, которая служила ей основанием. Самая стена, надо полагать, была построена более небрежно, скорее всего просто на глиняном растворе и совершенно разрушилась. Сохранилось только основание, сложенное гораздо более прочно на крепком, не размываемом водой растворе. Основаниями оборонительных башен служили, вероятно, также и два отдельных выступа у углов калы.

Возможно предположить еще одно назначение этого сооружения: своей мощной, сопротивляющейся напору воды кирпичной кладкой эта стена должна была предохранить южный склон калы от размыва быстрым течением Аму-Дарьи. Правда, песчаник и мергель размываются не очень легко, тем не менее вода производит довольно сильные разрушения. Обследование „набережной“ осенью, при низком стоянии воды, с полной наглядностью показало, что размыванию подвергается не кирпичная кладка, а порода, на которой эта кладка возведена. Все сооружение подмыто снизу и в значительной своей части нависает над водой¹⁷. Обвалившиеся куски кладки долгое время лежат крепкими большими глыбами.

Кала являлась одной из древнейших частей города, была, быть может (это покажут будущие работы), местом древнейшего поселения, из которого вырос сам город. В то же время она, как крепость у важной в экономическом и стратегическом отношениях переправы через Аму-Дарью, жила дольше, чем другие части города, разрушенного и опустошенного монголами в 1220 году, когда термезская крепость выдержала 11 дней осады со стороны сильного врага. После разрушения она была вновь восстановлена в XV веке¹⁸. Может быть, к этому времени частично относятся те сооружения, остатки которых сохранились до нашего времени: кладка и облицовка угловых башен, ремонт и достройка здания у юго-восточного угла. Скорее всего, все это не было построено вновь, а только капитально отремонтировано, достроено и перестроено. При этом был использован материал разрушенных построек города, чем можно объяснить разнообразие и случайность использованного в этих постройках жженого кирпича.

Когда была заброшена кала как крепость, установить пока не удалось. К подъемному материалу в виде, главным образом, осколков керамики приходится относиться с большой осторожностью, так как рядом с цитаделью, у его северо-западного угла, при мазаре Абу-Абдулла Хакими Термези существовало поселение, опустевшее всего несколько лет назад. Оно часто посещалось паломниками, приходившими на мазар. При этом возможен был случайный занос на площадь калы и в большом к тому же количестве керамики и прочих остатков уже после того, как крепость опустела.

Отмечу еще, что интенсивное разрушение стен калы и остатков сохранившихся в ней зданий относится, повидимому, ко времени постройки русского Термеза в начале XX века. В пейзаже, изображающем калу Термеза, нарисованном Н. Н. Каразиным в 1879 году, видны еще мощные стены, от которых теперь не осталось ничего.¹⁹

Площадь I

Вторая обследованная мною в период полевых работ 1936 года территория расположена к северу, северо-востоку и востоку от калы, охватывая почти всю ее восточную половину. Эта территория обозначена нами условно как участок I. Она имеет форму неправильной фигуры, приближающейся к прямоугольнику, вытянутому в направлении с северо-запада на юго-восток.

Почти на всем протяжении границ этого участка имеются остатки или следы ограждавших его глинобитных стен, в некоторых частях довольно хорошо сохранившихся. Стены этой части города имели весьма существенную особенность: они были двойные, т. е. состояли из двух параллельных стен с промежутком между ними шириной в 7—8 м. Внутренняя стена массивнее и лучше сохранилась; внешняя ниже и превратилась уже почти на всем протяжении в довольно пологий вал. В большей части восточной стороны стена имеет другой характер. Двойных стен здесь нет, сохранился только слабо выраженный вал, доходящий до берега реки. Высота остатков стен на северной стороне, где они лучше всего сохранились, по моему схематическому замеру достигает: внутренней—пяти с небольшим метров, внешней—до четырех с половиной.

Хронологическое определение стен без постановки специальных археологических работ представляет очень большие трудности. Стены много раз ремонтировались и достраивались, а наиболее древние части их оплыли и покрылись новыми наслоениями. Поэтому единственный вывод, который можно сделать на основании внешнего осмотра стен, что они восстанавливались последний раз, судя по вкрапленным в глинобитную кладку черепкам и проч., в конце XII или в начале XIII века, незадолго до разрушения города монголами. Позднее стены уже не ремонтировались и не восстанавливались, так же как и другие стены городища.

Внутренняя и внешняя стены производят впечатление разновременных построек. Из них более древняя—внешняя стена, гораздо более оплывшая, хуже сохранившаяся. Местами она превратилась уже в вал и потеряла характер стены. К такому же выводу приводит и обследование кладки стен в тех немногих местах, где это доступно без производства раскопочных работ.²⁰ В общем именно эту стену приходится считать древней стеной описываемого участка городища, охватывающей его западную, северную и восточную стороны. Западная часть стены не примыкает непосредственно к кале. Между ней и стеной проходит довольно широкая лощина, возможно, следы рва, окружавшего калу. В западной части площади I, вдоль этой лощины, замечен на небольшом протяжении остаток стены, поворачивающей затем круто по направлению NNW. Отсюда стена идет по прямой линии до северо-западного угла этого участка. На углу она закругляется, выдаваясь несколько во внешнюю сторону. В своей южной части эта стена имеет вид едва заметного вала, который дальше принимает все более определенную и четкую форму, переходя в северной своей части в довольно крутой и высокий вал, сохранивший кое-где характер стены с бурджами-выступами. От северо-западного угла стена поворачивает почти под прямым углом к NOO и идет снова по прямой линии до северо-восточного угла, также закругленного и выступающего наружу.

От этого северо-восточного угла стена доходит ломаной линией до самого берега реки. В северной части она относительно хорошо сохранилась, имеет несколько четко выступающих бурджей. Затем она исчезает совсем, незаметно сливаясь с направлением второй внутренней стены и тянется в виде сглаженного вала по западной стороне длинной неширокой ложины, спускающейся в сторону реки.

Остатки внутренней стены, следующей все время параллельно внешней, прослеживаются далеко не на всем протяжении. Она довольно хорошо сохранилась в северной части западного фаса, на северной стороне и в северной же части восточной стороны. Благодаря лучшей сохранности довольно хорошо можно проследить способ ее постройки, пользуясь имеющимися в стене многочисленными проломами. Стена сложена из пахсы

77. Остатки двойной стены, окружавшей 1-й участок. Северо-западный угол.

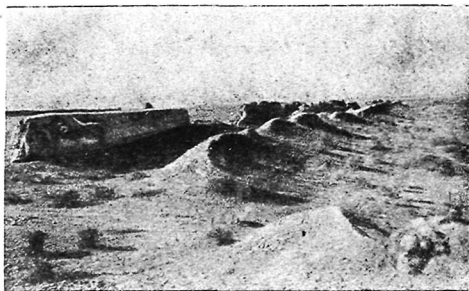
[глинобитные слои, накладываемые один на другой] мощностью в 1,0—0,9 м; сохранилось до 4 слоев. Между слоями пахсы иногда имеются швы толщиной до 10 см, заполненные более рыхлой земляной массой. Как в самих слоях пахсы, так и в швах много щебня — осколков кирпича, кусков мергелистого известняка, черепков от посуды, стекла и гальки. В самых нижних частях стены есть черепки, которые можно отнести к времени не старше XI века, что, по моему мнению, и определяет *terminus post quem* этой стены. В верхних частях — следы репараций и закладок более поздних. Здесь встречаются осколки керамики до конца XII или начала XIII века включительно.

На северо-западном и северо-восточном углах стены сохранились остатки крупных фланкирующих башен, сложенных частью из жженого, а частью из сырцового, плоского, разных размеров кирпича. Кладка довольно небрежная.

Несколько ворот в стене ясно прослеживаются на восточной стороне. Самые северные из них сохранили остатки своих башен, сложенных из пахсы с прокладкой между слоями пахсы одного-двух рядов жженого кирпича; прием постройки, как мы это увидим дальше, чрезвычайно распространенный в Термезе. Внешняя стена перед этими воротами делает

небольшой изгиб наружу, благодаря которому междустенное пространство в этом месте несколько расширяется.

Весьма отчетливо прослеживается также местонахождение двух ворот южнее. Эти ворота ясно обозначаются повышением вала стены, изгибами этого вала и остатками надворотных и предворотных сооружений. Возможны места ворот в этой же стене еще южнее, но вал стены здесь сохранился настолько слабо, что следов ворот обнаружить не удалось.

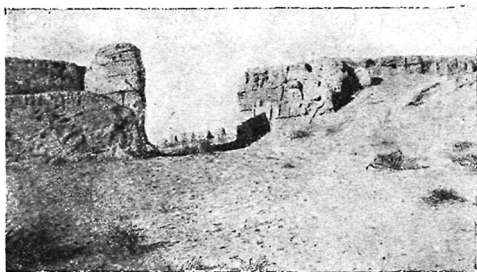
78. Остатки двойной стены; окружавшей I-й участок. Северная сторона.

Значительно труднее обстоит дело с определением места ворот на западной стороне. Здесь имеются довольно значительные промежутки — проломы в стене, но какой из них является остатками ворот, заключить также трудно, так как не сохранилось никаких следов сооружений. Гораздо увереннее можно предположить наличие ворот ближе к кале, где они могли находиться на дороге (улице), ведущей в сторону мазара Хаки-ми-Термези.

Совершенно не замечено каких-нибудь следов ворот в северной стене этого участка. Здесь кстати следует упомянуть, что мимо северной стены, параллельно ей, проходит русло канала-арыка, омывающего участки III, II и I, северную стену уч. „Б“ и впадающего в Аму-Дарью южнее Чингиз-тепе. Возможно, что это сбросовый канал, служивший одновременно рвом для всей северной стены. Однако, благодаря своему относительно высокому положению, арык мог служить и для водоснабжения некоторых частей города.

Значительную часть площади участка, расположенную к северу от северо-восточного угла калы, занимает довольно высокий холм, называемый теперь Дуния-тепе.²¹ Этот холм очень неправильной формы, имеет естественное происхождение и образован такими же выходами песчаников и мергелей, как холм цитадели. Местность к востоку от цитадели также имеет вид холма, но более низкого. На обоих этих холмах заметны следы старого, вероятно мусульманского, кладбища, а на втором из них довольно ясно видны остатки какого-то крупного здания, несомненно, старше VII—VIII веков н. э., не нанесенного на план, так как границы и контуры его проследить было очень трудно. Отличительная особенность этих двух

холмов состоит в том, что именно на них чаще всего встречается и в массовом к тому же количестве древняя керамика. Среди нее много образцов „бокальчиков“, кувшинчиков и другой утвари, покрытых красной ангобой с частичным лощением, а также архитектурных фрагментов из мергелистого известняка. На этих холмах В. Л. Вяткин производил разведочные раскопки. Поэтому эти фрагменты представляют интерес не только как подъемный материал, всегда внушающий некоторое сомнение в отношении своего происхождения²², но и как добытый из самой толщи куль-

79. Остатки ворот в восточной стене участка I

турных отложений. На холме Дунья-тепе было найдено также несколько фрагментов керамики еще более архаичного типа — вылепленной вручную без гончарного круга со светлой ангобой и росписью красновато-коричневой краской, приближающейся по типу к расписной керамике Анау²³. Это последнее обстоятельство заставляет предполагать, очень большую давность пребывания человека на Дунья-тепе, восходящую еще, быть может, к доклассовому обществу.

Северная часть участка вообще отличается более сложным и сглаженным рельефом. Обращает на себя внимание еще и то, что при исследовании сохранившегося подъемного материала здесь почти не найдено керамики, которую можно было бы датировать древнее XI—XIII века. Южные части участка I изобилуют более старой керамикой.

Из сохранившихся и прослеживаемых в настоящее время остатков зданий следует в первую очередь отметить следы очень большого сооружения, расположенного в западной части участка I. Оно состоит из двух частей.

Первая из них — большая, почти прямоугольная, вытянутая с севера на юг несколько углубленная площадка, окруженная со всех сторон отлогими широкими валами, в которых можно в некоторых местах проследить углубления и повышения, соответствующие помещениям и их стенам. Вторая часть сооружения почти квадратная такая же площадка, окруженная валами, примыкающая к первой с северной стороны. Эти две площадки отделены одна от другой низеньким, нешироким относительно валом. В юго-восточном углу первой, южной части сооружения имеются очень характерные круглые ямы — углубления, окруженные кольцевидным валом. Все сооружение занимает площадь около двух гектаров. Относительно назначения

сооружения до постановки специальных археологических работ вряд ли можно будет сказать что-нибудь утвердительно. Одно несомненно: такая крупная постройка, выделяющаяся своей величиной на всей территории городища²⁴, могла быть только общественным сооружением.

На участке I сохранились в виде невысоких холмиков следы еще нескольких зданий. Все они представляют разной величины варианты одного и того же типа: прямоугольная или квадратная углубленная площадка в середине и отлогие плоские валы вокруг этой площадки, что следует расшифровывать как двор, окруженный со всех сторон жилыми и хозяйственными помещениями.

В северо-западном углу участка имеется кладбище, на котором погребения совершаются и до настоящего времени. При рытье могил из земли выбрасывается много керамики разного времени: от древней с красной ангобой и лощением до относительно поздней — поливной XII или начала XIII века. В середине кладбища находится холм — остатки бывшего здесь строения, на поверхности которого встречается много гончарного шлака; один из могильных холмиков сложен почти целиком из крупных кусков такого шлака. Однако считать бывшей гончарной мастерской здание нет оснований, так как никаких признаков гончарного брака или вспомогательных приспособлений, употребляющихся при обжиге (трехножки „се-по-я“, штыри), здесь не обнаружено.

При внимательном изучении рельефа удалось выявить более или менее точно направление нескольких улиц, прорезавших этот квартал города. Одна из них прослеживается наиболее ясно: начинаясь у юго-западного угла описанного выше большого здания, она проходила вдоль его западного фасада, по западной стороне другого крупного здания, расположенного севернее, и затем вдоль восточной стены участка к северным воротам. Продолжение этой улицы на юг от большого здания прослеживается по направлению к северо-восточному углу калы. Вторая улица пересекает ее почти под прямым углом у того же юго-западного угла большого здания, проходя между этим зданием и другим, находящимся южнее его, затем прорезает холм Дуния-тепе. Здесь на месте этой улицы осталась ясно заметная ложинка и следы зданий по сторонам. Далее улица проходила через предполагаемые южные ворота западной стены и за пределами участка I шла по направлению к мазару Хакими-Термези.

На северной стороне холма Дуния-тепе имеется относительно ровная площадка, несколько пониженная по сравнению с своими краями, где также прослеживаются остатки зданий. Здесь была, повидимому, небольшая площадь. Внутри этой площадки имеется прямоугольная по форме впадина, в которой можно предположить бывший здесь хауз.

Значительно с меньшей уверенностью прослеживается улица, показанная на плане в северной половине участка I, в направлении к северо-востоку на юго-запад. Она являлась продолжением данной магистрали, проходившей через всю северную часть участка II. У западной стены участка I, южнее упомянутого кладбища, эта улица расширяется в небольшую площадку.

Других улиц внутри описываемого участка пока установить не удалось, за исключением небольшого отрезка, подводящего ко вторым с севера воротам восточной стены, и трех улиц, отходящих в восточном и юго-восточном направлении от северо-восточного угла калы. Поэтому материал для суждения в целом о планировке участка I несколько недостаточен. Однако все же ясно чувствуется зависимость планировки этой части города от калы. Планировочный центр довольно ясно устанавливается у юго-восточного склона холма Дуния-тепе, между углом калы и большим зданием, откуда расходится несколько улиц.

Совсем другой характер планировки и самой конфигурации территории имеет участок II. Он был распланирован, насколько можно судить по сохранившимся следам улиц, переулков и площадей, довольно правильной сетью улиц, пересекающихся взаимно почти под прямым углом. В организации городской территории здесь не чувствуется радиальной центричности, свойственной некоторым феодальным городам вообще и средне-азиатским, в частности, где от центра — обыкновенно главного базара — расходятся радиусами улицы, переходящие затем в важнейшие дороги районного и межрайонного значения.²⁶

Как видно из приложенного плана, в той части города, которая сохранила до сего времени следы планировки, мы можем проследить прежде всего две магистральные улицы, пересекающие одна другую. Одна из них, начинаясь от северных ворот восточной стены участка I, проходит по относительно прямой линии через всю эту часть городища до северных же ворот в восточной стене участка II. Продолжение улицы на восток прослеживается с трудом лишь на очень небольшом расстоянии.

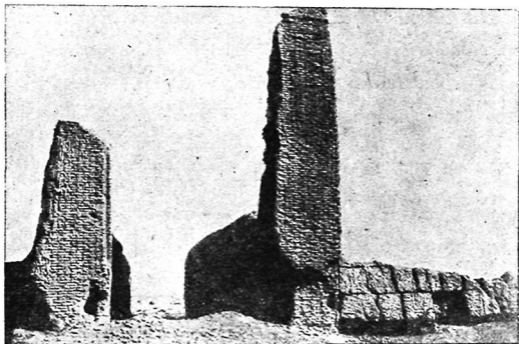
Вторая улица, начинаясь у ворот, находившихся почти в середине северной стены, шла на юг, отклоняясь несколько к востоку, и проходила, повидимому, также через весь участок II. Однако теперь, вследствие солончаков, сгладивших рельеф в его приречной части, эта магистраль не может быть прослежена на всем своем протяжении и исчезает, немного не дойдя до южной стены.

Перекресток, образованный пересечением двух главных из сохранившихся улиц, имел, повидимому, значение важного центра. Именно здесь сохранились, как это будет видно из дальнейшего описания, остатки нескольких крупных зданий, выделяющихся на плане своей величиной.

Своеобразное раздвоение магистрали, идущей от ворот северной стены в ее южном конце на две параллельные, близко проходящие друг к другу улицы, заставляет предположить, что здесь стояли нежилые дома: для них был бы слишком узким промежуток между параллельными улицами, а нечто другое — скорее всего, базар с лавочками и мастерскими ремесленников. Место для базара здесь было бы весьма подходящим, так как находится оно в середине участка и было связано прямыми улицами с северными воротами и воротами восточной стены участка I. Эти улицы не прослеживаются настолько ясно, чтобы иметь возможность нанести их на план. Однако об их существовании свидетельствует наличие ворот, от которых не могли не отходить улицы, и общее направление тех отрезков улиц, которые удалось более или менее точно установить. Приложенный план дает возможность разобраться в их направлении. Отметим здесь только следующее: археологический рельеф с следами зданий, улиц и проч. гораздо лучше сохранился в северной, более высокой части и несравненно хуже в южной, ближе к берегу реки. Здесь местность несколько всхолмлена, а поверхность земли покрыта налетом соли и переходит к южной окраине участка в характерные пухлые солончаки с рыхлой, распыленной поверхностью, что привело к быстрому сглаживанию мелкого, имеющего для нас наиболее существенное значение, рельефа. Именно этим объясняется, что сетка улиц и остатки зданий пятнами сохранились только в северной и северо-восточной части, которая находится дальше от берега. Правда, здесь, надо полагать, имеется налицо и еще одно явление: северо-восточный угол участка был, судя по целому ряду наблюдений археологического порядка, населен в более поздние времена, чем его южная и юго-западная части, раньше брошенные жителями. Вполне естественно, что следы распланировки городской террито-

рии и характер застройки значительно лучше сохранились в северо-восточной части²⁶.

Из некоторых частных случаев планировки описываемого района города нужно упомянуть следующее. В юго западном углу, у северных ворот восточной стены участка 1, расположена довольно большая площадь. Некоторое подобие площади намечается также и в противоположном юго-восточном углу, где ясно заметен четырехугольник, окруженный небольшой стеной, часть которой фрагментарно сохранилась на южной стороне. Северо-восточный угол территории занят тремя крупными участками — четырехугольниками, некогда обнесенными стенами, от которых теперь сохранились лишь отлоги и небольшие, нередко слабо заметные валики. Два из этих участков, расположенные южнее, не сохранили на своей площади никаких следов более или менее крупных построек. Вообще можно считать, что весь северо-восточный угол участка был слабо застроен и что территории, обнесенные стенами, являлись в свое время усадьбами-садами, подобно тому, как в последнее время такими садами был занят северо-восточный угол Бухары (гузар Дилькушой-дарун). В северном же участке в углу, образуемом городскими стенами, имеются развалины нескольких построек. С южной стороны этот участок ограничен глинобитной стеной; в середине ее сохранились остатки высокого портала из сырцового кирпича $25 \times 25 \times 4,5$ см³. Арка портала обрушилась, и в настоящее время только слабо намечаются пяты на восточном устое, который лучше сохранился. Кладка очень тщательная, на глиняном растворе с соблюдением правильной перевязи кирпича. Высота восточного устоя в современном состоянии около 9 м²⁷, пролет арки — 4 м. При

80. Тешик-пештак

мысленной реконструкции портала создается впечатление чрезвычайно стройной и смелой его конструкции. От щипцовой стены сохранились лишь небольшие куски; проем второй арки [или вообще двери] в щипцовой стене был около 3 м шириной. Следует отметить еще, что в кладку

устоев портала, по крайней мере в ее нижней части, закладывались деревянные связи, теперь отсутствующие, — от них остались только соответствующей формы пустоты.

Непосредственно за порталом незаметно следов какого-нибудь здания, но к его правому, восточному устью пристроена стена высотой несколько больше 2,5 м. Длина ее около 17 м при наибольшей толщине в 1,5 м. Эта стена очень интересна по технике ее постройки. На слой пахсы положено 4 ряда сырцового кирпича, затем идет снова слой пахсы вышиной 62 см и 8 рядов кирпича, слой пахсы — 92 см и 11 рядов кирпича, выше — разрушенный почти совершенно слой пахсы.

С восточной стороны этой стены примыкает к ней узкий продолговатый холмик — обрушившаяся часть строения. В верхней части стены имеется несколько выбоин, свидетельствующих о том, что в нее закладывались балки перекрытия.

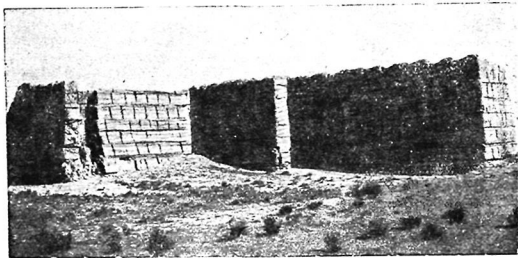
Юго-западный угол участка, входом в который служит описанное здание, носящее у местных жителей ничего не говорящее название Тешик-пештак (разрушенный портал), занят также остатками каких-то сооружений, очень плохо сохранившихся. Но все же здесь можно усмотреть продолговатую постройку с несколькими расположенными в один ряд небольшими помещениями.

Назначение постройки (портала и стены) пока совершенно не ясно, так же как и его датировка. Из обследования кирпича, швов и глинобитной стены, в которых вкраплено довольно много черепков, можно вывести пока лишь заключение, что это здание не могло быть построено раньше конца XII или начала XIII века, так как черепки, которые можно с несомненностью датировать этим временем, встречены внутри самой кладки в довольно большом количестве.

Внутри самого участка сохранились также остатки построек: небольшое сырцовое сооружение, вероятно позднее, быть может, возведенное пастухами в относительно недавнее время; несколько большее сооружение, но такого же типа; наконец, своеобразное, довольно сложное по плану строение находится на другом конце участка у северной городской стены. Оно расположено примерно (не строго) на одной оси с порталом „Тешик-пештак“, являясь, повидимому, частью одного с ним архитектурного ансамбля. Построено здание из сырцового кирпича размером 25 (26) × 25 (26) × 4,5 см³ на глиняном растворе. В 1 м 14—15 рядов кладки. В настоящее время здание засыпано песком и вся его северная часть скрыта совершенно под песчаным барханом; в южной же части видны два небольших помещения, приблизительно 5 × 5 м², восьмиугольные в плане, расположенные рядом, с проходом между ними в 3,5 м. Входы в оба помещения были устроены, надо полагать, из этого среднего прохода и были расположены один против другого. Внутри помещения сохранились остатки нижних частей (парусов) перекрытия, несомненно, купольного. Кроме того, были еще помещения в северной части, засыпанные, как сказано, песком и разрушившиеся на южной стороне. Одно из последних, находившихся в юго-западном углу здания, прослеживается благодаря сохранившемуся куску южной стены, сложенной так же, как и стена у описанного выше Тешик-пештака, чередующимися прослойками битой глины и нескольких рядов кирпича, но в другом варианте: снизу идет слой глинобитный, на нем — три ряда кирпича, выше — два слоя битой глины, два ряда кирпича, снова два глинобитных слоя и три ряда кирпича и, наконец, наверху два глинобитных слоя. Между этой стеной и стеной западного из восьмиугольных купольных помещений находилось помещение площадью 5 × 3 м².

Таким образом в этом участке мы имеем, надо думать, фрагменты целого архитектурного комплекса, искаженного позднейшими перестройками и пока еще не выясненного назначения.

Из сохранившихся в настоящее время фрагментов зданий следует вкратце также отметить сырцовую постройку из крупного квадратного кирпича, варьирующего в своих размерах от $33 \times 33 \times 10 \text{ см}^3$ до $30 \times 30 \times 8 \text{ см}^3$ в северной части участка II, западнее Тешик-пештака. Это прямоугольное в плане здание, повидимому, было многоэтажным. В сохранившемся (нижнем?) этаже ясно прослеживается его планировка. Все здание прорезал неширокий коридор, по обе стороны от которого были расположены, по пять с каждой стороны, продолговатые помещения, перекрытые стрельчатой формы сводами из того же кирпича. Из комнат наружу были пробиты небольшие окна. Полукруглые выступы между этими окнами, отчасти сохранившиеся на восточной стороне и совсем почти исчезнувшие на западной, дали повод описавшему это здание Б. Н. Засыпкину назвать его „гофрированным зданием“²⁹. У местных жителей это здание носит название „Чор-сутун“ (четыре столба, колонны) или „Чор-сутуни-шари“ а („четыре столба шарията“). Название несколько загадочное. Возможно, что на это здание распространено название мечети, которая находилась рядом с ним и от которой в настоящее время не сохранилось почти никаких следов. Назначение сырцового здания вызвало много довольно противоречивых мнений: Б. Н. Засыпкин был склонен считать это здание древней хонокой или медресе. В. Л. Вяткин считал это здание зинданом (тюрьмой)*. По мнению М. Е. Массона, вполне разделяемому мной, это здание имеет характер дофеодалного кешка — замка. Судя по крупному кирпичу, характеру кладки и конструкций, оно должно представлять собой древнюю постройку, которая в позднейшее время, конечно, могла быть использована самыми различными способами.

81. Развалины Чор-Ислам

С западной стороны от этого здания находилась мечеть и при ней минарет, который был датирован надписью на нем же—423 годом хиджры (1032 г. н. э.). Эта крайне интересная и важная для истории средне-азиатской архитектуры постройка в настоящее время не существует, так же как и мечеть, разрушенная еще раньше. Минарет и развалины мечети

*. Как передавал М. Е. Массон.

были неоднократно описаны и зарисованы³⁰. Последний раз минарет был исследован с составлением схематических его обмеров Б. Н. Засыпкиным³¹.

В настоящее время от этих сооружений остался лишь довольно неправильной формы холм, засыпанный колодец и остатки основания минарета.

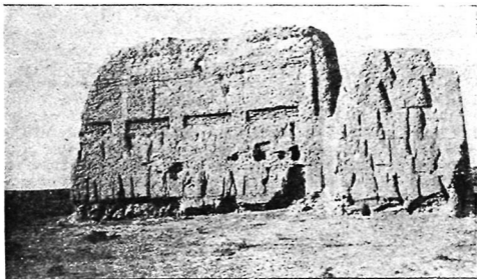
К юго-востоку от здания Чор-сутун расположены развалины довольно крупной постройки, именуемой Чор-Ислам³². Эти развалины заключаются в большом прямоугольнике, окруженном глиняными стенами, часть которых на северной, восточной и южной сторонах сохранилась. Стена западной стороны исчезла, но зато уцелели остатки небольшого сооружения из сырцового кирпича $26 \times 26 \times 4,5$ см³ в виде двух устоев бывшего здесь порталчика — ворот. На южной стороне прямоугольника, выступая из него наружу, сохранились стены здания, сложенного из битой глины и сырцового кирпича такого же, как и порталчик. Нижняя часть стен выложена из сырцового кирпича. В настоящее время можно видеть над поверхностью земли до 9 рядов кладки. Над этой кладкой — толстый слой, сложенный, как мне кажется, из сырцового, но не высушенного кирпича, слившегося в одну массу, но сохранившего все же в известной мере структуру кирпичной кладки, причем кладка производилась не сразу по всей стене, а отдельными кусками, кубами. Места стыка этих отдельных кусков ясно выражены в некоторых местах четкими правильными вертикальными швами. Над первым пластом такой кладки проложены три ряда высушенного на солнце кирпича, выше — слой такой же сырцовой кладки, а на этом слое новый слой, украшенный совершенно своеобразным приемом. В нижней его части заложены сырцовые кирпичи по два один на другом и примерно на равном расстоянии. Сверху — еще три слоя сырцовой глиняной кладки, причем прокладок кирпича между слоями уже нет. Необходимо отметить еще очень любопытный строительный прием: в углах здания, в каждом слое пахсы, подложено столбиком несколько кирпичей (3—4), что должно было, видимо, укрепить постройку, а может быть, имело назначением дать еще и орнаментально-декоративный эффект.

В здании сохранились остатки трех помещений, довольно значительных по площади, расположенных в ряд с запада на восток. Никаких следов северной стены этих помещений незаметно, что при большой высоте стен кажется несколько странным, так как для простого навеса — айвана они были бы слишком высоки и массивны. Завал внутри помещений от обрушившихся строений относительно невелик. Это позволяет высказать предположение, что перекрытие здания не было сводчатым, так как обрушившиеся своды должны были дать несравненно большее количество земли и строительного мусора. Никаких следов внутренней отделки в этом здании незаметно.

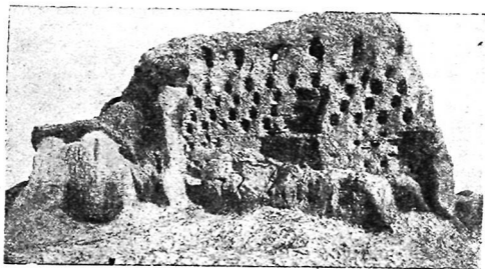
Вообще описываемая прямоугольная площадь вместе со стенами и зданием на его южной стороне не производит впечатления очень древней. Возможно, что все эти сооружения относятся к времени более позднему, чем город, разрушенный в 1220 году³.

К югу от здания Тешик-пештак сохранились остатки еще одного здания из сырцового кирпича, от которого в настоящее время уцелела только одна стена (южная), слабые остатки стен восточной и северной и остатки помещений с юго-восточной и восточной сторон. Сохранившаяся южная стена интересна своей декоративной обработкой по внешней южной поверхности. Юго-восточный угол обработан в виде трехчетвертной колонки, фигурно выложенной из кирпичиков. Сама поверхность стены, лишенная каких бы то ни было проемов, делится на несколько горизонтальных полос: снизу цоколь — глинобитный, плохо сохранивший свою наружную

поверхность. Над ним проложено два горизонтальных ряда сырцового кирпича. Выше идет глинобитный слой, разделенный на правильные прямоугольники, причем в каждом прямоугольнике сохранились следы простого геометрического орнамента в виде ромбических шашек, вырезанных на глиняной штукатурке. Выше этого слоя идет кирпичная кладка, в южной части которой сохранились четыре прямоугольные, вытянутые в горизонтальном направлении, слабо углубленные ниши. Все эти декоратив-

82. Развалины здания на II территории

83. Развалины здания на II территории

ные элементы по самому свойству материала — глина и сырцовый кирпич — плохо сохранились: оплыли и выветрились. Но в свое время они должны были создавать богатую игру светотени, разбивавшую плоскость стены. Это роднит описанное здание с известными нам памятниками XI—XII веков в Средней Азии, памятниками Газны и др. Очень интересна также внутренняя сторона этой стены. Она вся почти покрыта правильно чередующимися в шахматном порядке небольшими нишами-ячейками, довольно сильно углубленными. Название этого здания у местных жителей выяснить пока не удалось.

Остатки довольно большого здания с частью уцелевших стен сохранились еще южнее. Развалины здания занимают значительную площадь. Здесь прослеживается по рельефу холма нечто в роде коридора и помещений по сторонам. В южной половине уцелела часть стены, сложенной из высушенного кирпича $27 \times 27 \times 4,5$ (5) см³. Она является одной из внутренних стен с примыкающими к ней кусками других стен; высота сохранившейся части около 4 м. В стене небольшое отверстие—проем в виде окна. Следы от заделки балок заставляют предположить бывшее здесь некогда балочное перекрытие.

Все остальные здания, следы которых сохранились настолько, что дают возможность установить их схематический план, являются различными по величине, ориентировке и отчасти форме вариантами того типа, который отмечен уже в участке I. Схема этого типа—прямоугольный двор, окруженный со всех или некоторых сторон помещениями разного назначения. Трудно установить даже примерно, когда появился этот тип постройки, доживший в своих поздних формах почти до нашего времени в виде многочисленных медресе, каравансараев, гурхона и т. п. Раскопки здания на Чингиз-тепе, производившиеся отрядом Эрмитажа в 1936 году, заставляют предполагать появление построек такого типа задолго до прихода в Среднюю Азию арабов. При большом внешнем сходстве мечетей, медресе и каравансараев этого типа, судить о назначении той или иной из построек, развалины которых обнаружены на территории II участка, совершенно невозможно. Весьма вероятно, что среди них есть и те, и другие, и третьи; кроме того, часть из них была, весьма возможно, просто жилыми домами.

Из всех этих построек выделяются своей величиной и мощностью две группы: одна по улице, ведущей от ворот в северной стене и перекрестка главных улиц, вторая—в центре участка. В первой группе интересно отметить два здания, поставленные прямо одно против другого по одной оси. Может быть, здесь мы имеем попытку разрешения архитектурного ансамбля, что так часто практиковалось среднеазиатскими зодчими в позднейшие века (ансамбли Кош-медресе, двух медресе—Заргори и Улугбека, ансамбль Диванбеги и др. в Бухаре, Регистан в Самарканде и многие другие примеры). Такое архитектурно согласованное сочетание групп зданий также, собственно говоря, не ново, повидимому, в среднеазиатской архитектуре. Это доказывает хотя бы группа трех расположенных по одной оси зданий безусловно доарабского происхождения в Термезе, на южном склоне Чингиз-тепе.

В двух зданиях первой группы сохранились остатки сырцового кладки: в одном из них—нижней части устоев небольшого портала из сырцового кирпича 26 (28) \times 26 (28) \times $4,5$ см³, в другом—остатки северной стены также из сырцового кирпича, но другого размера: 33 (34) \times 33 (34) \times 5 см³.

В нескольких местах описываемой части городища нами встречены явные следы ремесленных производств, располагающихся большими группами, целыми районами, что характерно вообще для цехового феодального ремесла. Наибольший, пожалуй, интерес представляет местность в юго-западном углу участка, покрытая холмиками—следами, очевидно, небольших построек, сильно разрушенных засолением почвы. Здесь находятся многочисленные бугры, состоящие почти сплошь из золы с примесью черепков и значительного количества металлических шлаков, говорящих о довольно значительном производстве здесь каких-то металлических изделий. Самых изделий на поверхности земли пока не обнаружено и изучение этого района—дело будущего. Среди черепков, найденных мною в этих кучах-холмиках, встречаются самые разнообразные типы от относящихся к первой половине первого тысячелетия н. э., до позд-

нейших, датирующихся XII—XIII веками. Этот район доходит до разделения улицы, пересекающей участок II с севера на юг, где, как сказано выше, предположено место базара. На холмиках вдоль южной части этой улицы также нередки находки металлового шлака. Здесь же найдено несколько кусков стекловидной спекшейся массы, которые могут считаться отбросами стекольного производства, сильно развитого в феодальной Средней Азии.

Вся юго-восточная часть участка была занята гончарными мастерскими, производившими, главным образом, так наз. „сфероконические сосуды“, пользовавшиеся чрезвычайно большим распространением. Вопрос о назначении этих сосудов служил предметом споров и вызвал в свое время целую литературу²⁶. Обширная площадь покрыта шлаками, осколками сосудов, иногда щедро украшенных штампованным орнаментом, деформированных сосудов и больших кусков из нескольких спекшихся сосудов. Кроме „сфероконических“ сосудов, в этом районе нам удалось обнаружить деформированную и бракованную посуду других типов: кувшинов, тарелочек и т. п., из той же глины и того же обжига, что и „сфероконические“.

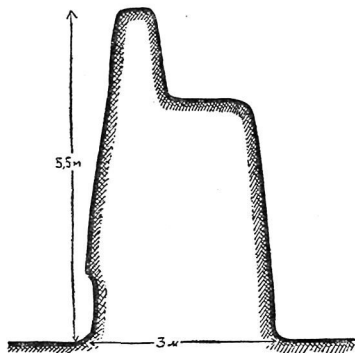
Значительный по своей величине район изготовления гончарных изделий находился также у большой улицы, с северной стороны от нее, между зданиями Тешик-пештак и Чор-ислам. Здесь также лежит на поверхности земли много шлаков, деформированной посуды, треножек („се-поя“) и штырей, употребляющихся при складывании посуды для обжига в хумдон. Посуда, главным образом плоские чашки и тарелки, покрыта голубой поливой с черным линейным рисунком не старше XIII века. Это служит ярким доказательством того, что после взятия города войсками Чингизхана и полного разгрома, о котором говорят историки, в этой его части еще продолжалась жизнь.

Некоторые места производственного значения находятся вне участка II, но они территориально связаны с ним. Поэтому уместно упомянуть их здесь. Следы гончарных мастерских обнаружены к северу от северо-западного угла описываемого участка. Здесь мастерские более старые, чем те, что находятся в окрестностях Тешик-пештак и, судя по остаткам посуды, относятся, возможно, еще к IX—X векам. Вторая местность—обширный район, расположенный к востоку от юго-восточного угла участка, южнее стены участка III, занят многочисленными кирпичными заводами. Мне удалось отметить и нанести на план семнадцать напольных печей. В действительности их, надо полагать, было больше. Случайный разрез одной кирпичной напольной печи, сделанный при проведении дороги, показал интересный факт, что печь заброшена была до окончания обжига и разгрузки, так как она наполнена полуобожженным кирпичем. Это обстоятельство невольно наталкивает на мысль о катастрофе, заставившей внезапно оставить производство. Не лишено вероятия, что это связано было с монгольским нашествием или каким-нибудь другим нападением врага, когда хозяину и его подручным пришлось спастись, не окончив начатой работы. Кирпич, встречающийся в районе этих заводов, имеет, главным образом, размеры $25 \times 25 \times 4,5$ см³; однако, встречены и большие квадратные плиты $50 \times 50 \times 6$ см³. Среди кирпичных заводов имеются также и следы гончарных мастерских. Посуда здесь—XII—XIII веков.

Места размещения многих других видов ремесленных производств пока не обнаружены, так как ни их продукция, ни орудия производства не могли сохраниться на поверхности земли по самому свойству материала, из которого они изготовлялись.

Стена, окружающая участок II, на северной стороне сохранилась в некоторых местах относительно хорошо, но по большей части превратилась

уже в вал. В этой части стены обнаружены два места, где были возможные ворота: одно из них, уже упоминавшееся при описании магистральной улицы, проходящей в направлении с севера на юг, находится как раз в ее северном конце. Оно отмечено седловинкой в вале с расширением самого вала на север. Второе возможное место ворот — у здания Чор-сугун по улице, которая проходила мимо минарета 423 года и мимо порталчика группы Чор-ислам.

84. Профиль восточной части стены
II-го участка

Лучше сохранились остатки почти всей восточной стены с ее характерными выступами, уступами и башнями-бурджами. В этой стене определенно и ясно прослеживаются двое ворот: северные из них на основной магистрали, проходящей мимо здания Тешик-пештак, в северной части города; вторые — на улице, которая также, вероятно, перерезала центр города, но теперь может быть установлена только на небольшом расстоянии. Улица, выходя из города, направляется мимо холмов — остатков зданий по направлению к дворцовому комплексу, расположенному в уч. III. Здесь ворота лучше всего сохранили свою форму.

Можно только предполагать наличие ворот ближе к юго-восточному углу, по направлению к кирпичным за-

дам. Нельзя установить этого точно, так как в этом месте стена сильно разрушена.

Хуже всего сохранилась южная часть стены. На большей части своего протяжения она превратилась уже в сглаженный, а в западном конце слабо заметный и потом совсем исчезающий вал. Здесь, надо полагать, сыграла роль засоленность грунта на всей южной половине участка II.

Стены участка II датировать без постановки специальных работ и раскопок очень трудно. Это относится, главным образом, к северной и отчасти южной стенам. Что же касается восточной стены, сохранившейся кое-где на высоту до 5—6 м при толщине внизу около 3—3½ м с ступенькой и парапетом наверху, исследование ее, конечно, гораздо легче. Поэтому мы имеем возможность дать ее краткое описание. Сложена стена была из слоев битой глины толщиной в 65—70 см. Масса глины настолько тверда, что с трудом поддается ножу. В глине, и притом в самых нижних слоях, в тех местах, где есть разрушения и пробойны, позволявшие добраться до середины кладки, обнаружено довольно значительное количество черепков, которые можно отнести по их поливе и расцветке к XI—XII векам. По строению стены можно заметить, что она подвергалась неоднократным ремонтам и перестройкам.

О водоснабжении этого участка по сохранившимся остаткам оросительных каналов судить очень трудно. Можно только отметить следы арыка, входившего в него с восточной стороны рядом с северными воротами

восточной стены и еще одного южнее. Можно предположить, что некоторая часть распределительной сети внутри участка представляла собою закрытые сводчатые каналы-водопроводы, остатки которых были пересечены прорытой через городище канавой. Эта же канава прорезала четыре колодца. Колодцы имеются также и в других частях городища. В городе имела примитивная канализация, о чем свидетельствуют остатки дренажных сооружений, прорезанных той же канавой.

Пригороды

Необходимо остановиться вкратце на общем и суммарном описании других районов приамударьинской группы развалин.

К востоку от участка II, как это видно из схемы, расположен еще один участок, также обнесенный стеной, имеющей форму вытянутого прямоугольника и отмеченного на плане цифрой III. В пределах его, ближе к его юго-восточному углу, находится большая группа развалин, условно именуемая „архитектурным комплексом дворцовых сооружений“³³. Между этой группой и стеной участка II, по дороге, отходящей от ворот участка II, имеются остатки разновременных строений из сырцового кирпича. Одно из них — небольшое строение из битой глины с прослойками крупного кирпича. По этому последнему признаку оно может быть отнесено ко второй половине первого тысячелетия н. э. Прочие разрушенные постройки в этом месте значительно более поздние.

В северо-западном углу участка имеется большой, очень правильно разбитый прямоугольник, обнесенный глинобитной стеной. Прямоугольник разделен внутренними стенами на три части. Внутри поверхность этого прямоугольного участка представляет собой площадку, на которой находится много черепков, главным образом поздних, до XVI—XVIII веков включительно. Никаких следов построек здесь нет. С восточной стороны к прямоугольнику примыкает небольшое позднее селение, от которого уцелели кое-какие остатки стен и построек глинобитных или из сырцового кирпича. Прямоугольник и селение относятся к временам значительно более поздним, чем XIII век. Отметим еще следы небольшого гончарного завода между прямоугольником и северной стеной участка, следы каких-то сооружений в северо-восточном углу, где можно заметить также остатки гончарной мастерской, изготовлявшей крупные сосуды — хумы, и два — три холмика, возможно, — кирпичные заводы в юго-западном углу.

Этим перечнем ограничиваются имеющиеся на этом участке в настоящее время следы построек. Поверхность всего участка ровная; на ней почти нет тех валов, возвышений и впадин, которые так характерны для рельефа участков I и II. Все это производит весьма определенное впечатление, что этот участок был слабо застроен. Собственно городской территорией его, пожалуй, нельзя назвать. Скорее всего, это была пригородная местность, занятая садами, может быть, дачами состоятельных и правящих кругов. Стеной она обнесена была, возможно, потому, что здесь находился загородный дворец правителя или какого-нибудь другого влиятельного феодала. Остатками этого дворца являются руины „дворцового комплекса“. Предположение, что участок III был участком преимущественно садовым находит себе косвенное подтверждение также и в том, что он расположен выше города по магистральным арыкам, служившим главными артериями водоснабжения. С восточной стороны в город входят два больших канала; один из них в северо-восточном углу участка и проходит вдоль северной стены; другой — ответвление его — снаружи, с северной стороны стен участка III, II и I, выполняло роль рва. Второй канал входит в участок III несколько южнее первого³⁹.

Значительная площадь восточнее участка III, ровная и не имеющая следов каких-либо построек и сооружений, на очень большое пространство (до двух километров) почти сплошь покрыта черепками, мелкими шлаками и т. п. Черепки самого разнообразного времени: от древних до VI—VII веков н. э., встречающихся очень редко, и до самых позднейших включительно. Здесь нередки случаи находок архитектурных деталей из мергелистого известняка; здесь же был обнаружен фрагмент статуи [горельеф] из того же материала. Находки этого рода были сделаны также и на территории участка III. Несколько севернее „дворцового комплекса“ Г. В. Парфенов нашел ноги небольшой статуи.

К ЮВ от участка III сохранились остатки большой башни, сложенной из крупного [33 × 32 × 12 см³] сырцового кирпича. Назначение этой башни, называемой Зурмала, нельзя пока считать окончательно выясненным, хотя некоторые исследователи Термезского городища и высказали предположение, что в ней мы имеем остатки буддийского ступа⁴⁰.

Следует упомянуть еще об остатках, вернее следах, нескольких старых доарабских зданий, обнаруженных к северу от восточного района городища, вдоль его границы.

У северо-западного угла калы, как это уже упоминалось выше, находится мазар, где погребен, судя по надписи на надгробии, Абу-Абдулла Мухамад б. Али Хаким ат-Тармизи, умерший в 255 году хиджры. Это древнее здание, самые старые части которого, судя по сохранившейся на внутренних стенах мавзолея резной алебастровой штукатурке, могут быть отнесены к IX—X векам,⁴¹ стоит на довольно правильной формы холме. Некогда вместе с небольшим участком, примыкающим к берегу реки, он был обнесен стеной, от которой сохранились теперь только слабые следы. При мазаре до недавнего времени существовало небольшое селение, жившее за счет паломников. Дома селения были целиком построены из жженого кирпича, полученного от разборки строений, находившихся на городище. Этот особый небольшой район обозначен на схеме литерой „А“.

Севернее расположен участок „Б“. Поверхность его довольно ровная, но сохранила неясные следы многих построек, разбросанных по его территории. Этот участок особенно интересен по подъемному материалу: здесь найдено много статуэток, фигурок животных, керамики как доарабской, так и типичной для IX—X веков. Именно на этом участке, между мавзолеем Хакими Термези и участком I, был найден кусок чаши из мергелистого известняка с остатками надписи, высеченной почерком карошти и датированной М. Е. Массоном временем около начала нашей эры.

Наконец, еще севернее проходит мощный вал, начинающийся от берега реки и направляющийся отсюда слегка изломанной линией к востоку, отклоняясь немного на север. Затем вал круто поворачивает на юг и исчезает, немного не дойдя до северной стены участка II. Этот вал ограничивает большую территорию, обозначенную на схеме литерой „В“. К северу от вала простирается на значительное расстояние голая степь, на которой незаметно никаких следов культурной жизни, не считая развалин довольно крупного здания и прямоугольника стен, который находится против острова Арал-Пайгамбар и является в сущности уже особым городищем.

Внутри территории „В“ разбросаны довольно редко остатки построек, видимо, очень древних, а ближе к берегу реки имеются две естественные возвышенности. Северная из них носит название Кара-тепе. Это невысокий плоский холм, сложенный тем же песчаником, что и холм калы. В холме выбито несколько крайне интересных пещер, из которых теперь не все доступны для осмотра, так как они засыпаны песком. Некоторые

из пещер состоят из нескольких помещений; верх их обработан в виде сводов, стены сохранили местами и следы штукатурки и окраски красной краской. На стенах одной из пещер грубо нацарапаны изображения каких-то сооружений, сходных с буддийскими ступа. Есть все основания предполагать, что здесь находился пещерный буддийский монастырь, подобный знаменитым монастырям Бамиана, но значительно меньшего размера.

Южнее Кара-тепе расположен второй, более высокий холм Чингиз-тепе, имеющий вид острого продолговатого гребня, наверху которого заметны остатки стен из крупного сырцового кирпича. Эти стены спускаются вниз, доходят до лощины, по которой проходил описанный выше сбросовый канал, а затем по берегу этого канала до берега реки. Внутри этого пространства имеются следы нескольких построек. Никаких следов поселения, относящегося ко времени после арабского завоевания, в этом районе пока не было обнаружено. Назначение зданий пока не выяснено, но все же есть возможность высказать предположение, что здесь находился тоже один из буддийских монастырей. Самый характер местности, незначительная глубина культурных наслоений, редко разбросанные остатки зданий не дают возможности предположить здесь какую-либо часть городской территории.

Остатки довольно крупного здания из крупного сушеного кирпича имеются также на берегу реки. Интересно также место на берегу реки близ этого здания, густо усеянное мелкими осколками мергелистого известняка, происходившего из окрестностей Термеза. В дофеодальный период этот материал широко применялся для изготовления всевозможных архитектурных деталей: карнизов, баз, архивольтов и т. п., а также статуй и рельефов, что доказывается многочисленными находками фрагментов этих поделок. Возможно высказать предположение, что именно здесь привозимые по реке блоки мергелистого известняка выгружались на берег и тут же подвергались первичной обработке⁴².

Заключение

Какова же была территория города в разные периоды его существования? Многое остается еще пока неясным, но уже теперь можно наметить, хотя бы предположительно, некоторые главные этапы в развитии города.

Наиболее определенно решается вопрос о территории города начала XIII века. Термез, согласно показаниям историков, был в 1220 году разрушен и опустошен. Монголы обосновались дальше на восток, у берега Сурхана, где построили новый город — соответствующий современной присурханской группе развалин. Несмотря на то, что некоторые части Термеза продолжали еще жить и после его разрушения и население не сразу исчезло на всей его территории, город в целом уже больше не возрождался и не восстанавливался. Даже и те остатки жизни, которые еще держались в нем, постепенно исчезали. К четырнадцатому — пятнадцатому векам, судя по археологическим материалам, город опустел, за исключением калы, как военного сооружения, небольшого поселения у мазара Хакими Термези и селения негородского типа на участке III, в которых жизнь была и в более поздние времена. При таких условиях на обширной территории города не могло произойти сколько-нибудь существенных изменений. Поэтому в основном в приамударынской группе развалин, в части, сохранившейся на поверхности земли, мы имеем город времени монгольского завоевания.

Термез, до разрушения его монголами, состоял из обширной крепости на берегу реки [кала], собственно города, делившегося на две замк-

нутые, окруженные стенами территории [участки I и II] и пригородного района, который также был окружен стенами [участок III]. Район, находившийся вне стен этих участков к северу и западу, надо полагать, пуствовал.

Большие размеры города, множество крупных зданий, значительные площади, занятые отбросами некоторых производств, говорят о том, насколько важным пунктом был в то время Термез. Несомненно, что город в начале XIII века достиг наибольшего своего роста, который был обусловлен развитием ремесел и внутреннего и внешнего обмена. В значительной мере, вероятно, он был обязан своим значением наличию в нем большой крепости, охранявшей одну из важнейших переправ через Аму-Дарью.

В более ранние времена город был значительно меньше. В седьмом веке, в момент завоевания арабами, картина Термеза была совершенно другой. К этому времени Термез вместе с ближайшими окрестностями был обнесен длинной стеной, начинавшейся у берегов Аму-Дарьи, севернее Кара-тепе. Эта стена представляет собой один из многочисленных примеров таких стен, окружавших крупнейшие среднеазиатские города: Балх, Бухару, Самарканд, Мерв и др. Внутри пространства, окруженного стеной, были разбросаны отдельные здания и группы зданий. Среди них следует отметить возможные буддийские монастыри на Кара-тепе и Чингиз-тепе. На большом канале, снабжавшем город водой из Сурхана, по обе его стороны, и внутри и вне длинной стены, находился ряд крупных и мелких зданий.

По свидетельству Сюань-цзана, посетившего Термез в VII веке н. э., в городе было много монастырей и ступа⁴³. Окружность его равнялась приблизительно 20 ли⁴⁴. Это несколько меньше фактической окружности всей территории, если ее считать в границах указанной внешней стены.

Таковы два пока нам известных этапа в развитии городской территории. Промежуточные звенья устанавливаются с большим трудом, несмотря на то, что арабские географы оставили несколько кратких описаний Термеза X века. Без сложных и требующих большого времени археологических работ вряд ли возможно с большей или меньшей точностью реконструировать город этого времени; можно лишь дать только рабочую гипотезу.

На примере таких крупных городских центров того времени, как Бухара, Балх и другие, игравших значительно большую роль и в политической и, что особенно важно, в экономической жизни страны, чем Термез можно видеть, что города VIII—X веков еще не были велики⁴⁵. Они далеко не достигли того развития, какое мы наблюдаем на несколько столетий позднее. Уже поэтому трудно предположить, чтобы Термез был очень велик. О том, что он не выделялся своими размерами среди окрестных городов, можно судить хотя бы по заявлению Истахри: „Саганиан больше, чем Термез, но Термез превосходит его по населенности и богатству“⁴⁶.

Истахри же дает и наиболее подробное описание города X века: он состоял из цитадели [кала], в которой находился дворец правителя, собственно города [мадина или шахристан], где были базары, соборная мечеть и тюрьма и, наконец, предместья [рабад], также окруженного стеной. В рабаде находилась праздничная мечеть [ар. мусалла; -ир-намазгах]⁴⁷. Макдиси дополняет эти сведения тем, что в цитадели были одни ворота, а шахристан имел трое ворот⁴⁸. Шахристаном в то время называлась обычно территория, которую занимал еще дофеодальный город, поэтому „собственно город“, в соответствии с той гипотезой, которая высказана выше

относительно территории Термеза до VIII века н. э., должен был вмещать весь в пределах холма, условно называемого кала. Величина этого холма вполне допускает такое предположение, тем более, что постоянные подмывы рекой должны были уменьшить его за истекшее тысячелетие. В таком случае трое ворот „калы“ могли бы соответствовать трем входам, о которых говорит Макдиси. Гораздо труднее предположить, чтобы весь этот холм был занят „кухендизом“ X века. Он был бы в таком случае неимоверно велик, если сравнивать его с развалинами древних цитаделей таких крупных городов, как Бухара, Самарканд, Балх, не достигающих и одной пятой величины термезской „калы“.

Предмestья — рабады — мы должны определить в границах участка I, прибавив к нему, быть может, пустовавший, как мы видели, в XII веке участок „Б“. Район Кара-тепе и Чингиз-тепе уже тогда был заброшен и оставлен жителями.

Позднее увеличение ремесленно-производственной и торговой роли города, а также положение его на границе, соперничавших и одновременно находившихся в экономической взаимозависимости, крупных государственных образований обеспечило Термезу значение важной крепости и значительной гавани на Аму-Дарье и вызвало интенсивный рост города на протяжении последующих столетий.

Этот период отмечается заселением новых районов, окружаемых городской стеной (участки II и III), при одновременном запустении районов, расположенных западнее: участок „В“, „Б“ и, может быть, „А“. Такое движение города вверх по течению снабжавших его водой каналов является вполне естественным для условий Средней Азии. Объясняется он, по крайней мере в данном случае, чрезмерным углублением русла каналов по сравнению с городской территорией, уровень которой повышался вследствие нараставших культурных наслоений.

Следовательно, наибольший рост города можно датировать периодом IX—X веков, когда у прежней ячеи „шахристана“ вырос рабад, и XI веком, когда была построена стена участка II. Установление новых и уточнение приводимых нами датировок — дело будущего.

В заключение отметим, что как бы мы ни решали вопрос о величине и местоположении города в то или иное время продолжительной исторической его жизни, можно считать несомненным следующие положения:

1. Завоевание арабами Средней Азии, которое датируется VII—VIII веками нашей эры, застало Термез давно существовавшим, но небольшим городским поселением, тяготевшим по своим связям к Балху, древней Бактрии.⁴⁹

2. В IX, X и XI веках, на основе изменившегося социально-экономического базиса, город интенсивно развивается, передвигаясь отчасти вверх по орошавшим его каналам — арыкам. В процессе этого роста меняется не только величина города и его положение, но и самый внешний его облик, характер застройки, бытовая обстановка городских жителей. Преобладающее экономическое значение переходит к новым частям города, где сосредоточиваются крупные здания, базары и ремесленно-производственные кварталы.

3. После монгольского завоевания, в начале XIII века, город передвинулся еще дальше вверх по оросительным каналам, ближе к берегу Сурхана. Территория древнего города была заброшена и опустела совершенно в течение ближайшего времени, за исключением калы, сохранившей еще свое военное значение и восстанавливавшейся в XV веке, и небольшого района рядом с ней, у мазара „Хакими Термези“. Этому мазару в

тимуридские времена придавалось большое значение, о чем свидетельствует возведенное тогда прекрасное надгробие из белого мрамора.

Таковы те основные выводы⁵⁰, которые можно было сделать из основания первого года работ по изучению городища Старого Термеза, представляющего собою, как это видно из его описания, огромный, сложный и трудный объект археологического изучения, который потребует много времени и много труда в последующие годы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Изучение исторической топографии Термеза ставилось одной из задач экспедиций Московского музея восточных культур в 1926—28 г. (Б. П. Денике, Экспедиция музея восточных культур в Термез. „Культура Востока“, М. 1927, стр. 10). Членами экспедиции были произведены некоторые работы по топографической съемке городища.

2. Истахри, В. G. A. 1, 298.

3. Ибн Батута, Collection d'ouvrages orientaux, publiée par la Société Asiatique, III, p. 25 et 36. Может быть, здесь находилась ханская ставка Сали-сарай, как заставляет предполагать название существующего здесь селения—Сали-Абад. В. И. Бартольд (Улугбек и его время. Петроград, 1918, стр. 12) считает, что эта ставка находилась у кишлака Сарай.

4. Жизнь и деяния великого Тамерлана. Перевод И. И. Срезневского. СПб, 1881, стр. 226, Ибн Батута, op. cit. p. 36.

5. Там же, стр. 228. Ибн Батута, op. cit. p. 36.

6. А. А. Семенов. Происхождение термезских сейдов и их усыпальница „Султан Салат“. Протоколы ТКЛА, год восемнадцатый. Ташкент, 1914, стр. 3—7; Б. Н. Засыпкин. Памятники архитектуры термезского района, „Культура Востока“, в. II, М. 1929, стр. 33—35.

7. В. (В.) Згура. Развалины дворца около Термеза „Культура Востока“, (в. I) М. 1928.— Б. П. Засыпкин. Памятники архитектуры Термезского района, стр. 28—32.

8. Сохраняю здесь условно это ставшее традиционным название, не отождествляя, однако, этой части городища с цитаделью („арком“ или „кухендином“) арабских географов.

9. У Ибн-Хоразбега (В. G. A. VI, 24): „Город построен на скале, на берегу реки, омывающей его стены“.

10. В настоящее время эти осыпи значительно уменьшились, так как шебень был использован для нужд строительства, но по старым описаниям можно судить об их больших размерах. И. Т. Пославский. О развалинах Термеза. Средне-Азиатский Вестник, 1896, декабрь, стр. 89.

11. И. Т. Пославский. Цит. ст., стр. 90 „Ретраншемент“—старый термин, относящийся к фортификации. Здесь И. Т. Пославским оно употреблено в смысле последнего убежища, в котором обороняются осажденные после занятия крепости неприятелем.

12. Этот тип квадратного сырцового кирпича вообще характерен для Термеза. В других местах Средней Азии—коренных областях Согда—Самарканда и Бухаре мне пришлось обычно встречать кирпич неквадратный (размер $45 \times 30 \times 12$ см³ и меньше). См. В. Д. Жуков. Кирпич из развалин Старого Термеза.

13. Цит. ст., стр. 91—92.

14. Такого рода раствор применялся несколько лет назад, например, при ремонте бань Саррафав в Бухаре.

15. Цит., ст., стр. 90.

16. В. В. Бартольд. Туркестан, II, стр. 292; Истахри, В. G. A. I, 298; Макдиси, В. G. A. III, 291.

17. Фотографию части „набережной“ см. „Культура Востока“ 1, табл. 1.

18. Халиль-Султаном в 1407 г. В. В. Бартольд. Улугбек и его время. Петроград, 1918, стр. 60.

19. Гравюра „Развалины Термеза на берегу Аму близ устья Сурхана“, „Всемирная Иллюстрация“, 1880 г. № 607, стр. 157—153.

20. Например, в кв. XI—14.

21. Название сообщил Г. В. Парфенов, основывающийся на показаниях местных жителей.

22. Результаты археологических работ В. Л. Вяткина в Термезе в 1923 году опубликованы не были.

23. Отнесение этой керамики к доклассовому обществу пока можно считать лишь условным.

24. По занимаемой этим сооружением площади с ним соперничают только описываемые дальше здания „Чор-Ислам“ (со стенами, окружающими двор) и комплекс дворцовых построек в участке III.

25. Такова планировка Самарканда, Ташкента, Бухары. Из феодальных городов Европы можно назвать хотя бы Москву и Париж.

26. То обстоятельство, что в северо-восточном углу участка II жизнь держалась дольше, вряд ли могло повлиять на старую планировку этого района в смысле ее изменения.

27. Высота определена подсчетом рядов кирпича. Замеры в этом и других случаях, о которых говорится дальше, производились схематично и даются нами в круглых числах.

28. Цит. ст., 18 и след. Имеется схематический план здания.

29. Цит. ст., 19.

30. См. протокол ТКЛА от 20 августа 1897 г. где приложен рисунок с фотографии минарета с сохранившимися тогда еще остатками мечети; рисунок минарета у Б. Литвинова («Изборник разведчика», IX за 1899 г., стр. 48); фотография минарета—«Культура Востока», 1, табл. 5.

31. Б. Н. Засыпкин. Цит. ст. 19—22. Дата минарета имелась на самом здании (см. фотографию в указанной статье, стр. 20).

32. «Четыре Ислама», где вторую половину названия следует рассматривать как личное имя.

33. По мнению В. Л. Вяткина, переданному мне М. Е. Массоном, это сооружение вместе с двором являлось базаром.

34. Жилые дома Средней Азии (особенно четко это выражено в городских домах Бухары) являются разновидностью этого же типа. В них всегда обязательны прямоугольный двор, окруженный с двух, трех или со всех сторон жилыми помещениями и службами.

35. См., например, В. Л. Вяткин. Афрасиаб—городище бывшего Самарканда. Самарканд, 1926., стр. 60—63.

36. В. Л. Вяткин. Цит. ст., стр. 57—60. Автор излагает некоторые существующие по этому вопросу мнения. Сам В. Л. Вяткин считал эти сосуды «бомбами» для метания «греческого огня». Не считая возможным здесь углубляться в решение вопроса о назначении этого типа сосудов, я сохраняю за ними традиционное название — «сферокопические сосуды».

38. См. помещаемую статью В. Д. Жукова.

39. Дальше на восток к Сурхану эти каналы тянутся в виде мощных двойных валов.

40. Мнение это оспаривается Б. Н. Кастальским. См. его Историко-географический обзор Сурханской и Ширабадской долин. «Вестник ирригации», 1930, № 3, стр. 7.

41. Описание мазара у Б. Н. Засыпкина, цит. ст., стр. 22—24.

42. О мергелистом известняке см. справку Н. Л. Николаева, приложенную к работе М. Е. Массона—Находка фрагмента скульптурного карниза первых веков н. э. Материалы Узкомстариса, вып. 1. Ташкент, 1933, стр. 16.

43. *Memoires sur les contrées occidentales par Hiouen Tshang*. Перев. Ст. Жульена. Paris v. 1, 25.

44. Считая величину ли за $\frac{1}{2}$ версты (В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, стр. 20), окружность города, по Сюань-цзану, получим около 7 км. Если признавать ли равным полуверсте, то окружность Термеза в VI в. могла равняться около 10 км.

45. В. В. Бартольд. История культ. жизни Туркестана, стр. 20.

46. В. Г. А. I, стр. 298.

47. Там же.

48. В. Г. А. III, стр. 291.

49. В. В. Бартольд, Таджики. Сборн. «Таджикистан». Ташкент, 1925 г., стр. 97.

50. Иная трактовка в понимании истории развития Термеза дана в статье М. Е. Массона. Ред.

КРАТКИЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ СООБРАЖЕНИЯ О ВОДОСНАБЖЕНИИ И ИРРИГАЦИИ СТАРОГО ТЕРМЕЗА И ЕГО РАЙОНА

Вопрос об орошении древних оазисов по правобережью Сурхана, где до наших дней сохранились три группы памятников разных эпох: Джар-Курганская, Анхорская и Термезская, возник еще во времена деятельности так называемого Ширабадского акционерного общества, начавшего функционировать с 1912 года.

До того по правобережью Сурхана, в его среднем течении, существовал небольшой арык, орошавший Джар-Курганский район. Местный бек приходившийся дядей бухарскому эмиру, решил ограничить деятельность Ширабадского общества, права которого распространялись только на пустующие неорошаемые земли. При помощи натуральной повинности за один год было орошено около 3—4 тысяч десятин в хвостовых районах Ширабадского веера, для чего был использован один из древних ирригационных каналов. Впоследствии этого канал, взятый от Джар-Курганского арыка у кишлака Занга, русскими ирригаторами был расширен. Головная (его часть на Сурхане была укреплена сипаями, и вся система получила название Джар-Курган-Зангской системы. Пропускная способность Зангского канала была доведена до 14 кубометров в секунду*. Канал имеет длину около 50 км и в концевой части разделяется на три ветви, из которых одна подходит к Анхорской группе развалин. История Джар-Курганского канала, сообщенная ниже Куртиковым — старейшим термезским ирригатором, — представляет интерес в том отношении, что для новейшего орошения была использована магистраль какой-то древней оросительной сети. Тов. Крутиков лично прослеживал в Катта-Кумских песках отдельную ветку от этой магистрали по направлению к современному Термезскому каналу.

Таким образом древние магистрали в средней части Сурханского правобережья тянутся к голове Джар-Курганского канала, орошающего и теперь по Зангу хвостовые земли ширабадского веера, который имел ответвление к термезскому треугольнику. По литературным данным, голова древнего канала, орошавшего некогда термезский треугольник, определяется где-то в голове термезского треугольника. В. Н. Кастальский считал, что ее нужно искать между кишлаками Арпа-Пая и Ак-Курганом**. А. Б. Ананьев считал, что голова древнего канала была в 3 верстах ниже

* По материалам к тексту для сельскохозяйственного атласа, хранящимся в Комитете наук УзССР.

** См. статью В. Н. Кастальского „Историко-археологический обзор Сурханской и Ширабадской долин“. Вестник ирригации, 1930 г., № 3.

кишлака Арпа-Пая*. С. К. Кандрашев ссылался на мнение некоторых исследователей, считающих, что древний канал, ныне уже не существующий, брал воду в нижнем течении притока Сурхана—Халкаджар-Дарья, выходящего из гор около кишлака Карлюк**.

Для верхней части Сурханской долины некоторые исследователи определяют голову древнего канала у кишлака Сары-Джуй на Туполанг-Дарье, где прослеживаются на отдельных участках следы древнего крупного русла арыка.

Возникает вопрос, что заставляло древних ирригаторов забираться так высоко при отводе воды из Сурхана за 50 и даже свыше чем за 120 км от устья реки? Казалось бы, огромные потери на фильтрацию и испарение в холостых частях каналов не оправдывают такую большую их длину. Потери на фильтрацию особенно должны быть велики при прохождении канала по косогорам в верхней части долины Сурхана, где еще приходится строить к тому же дорогостоящие акведуки через боковые овраги (следы этих акведуков сохранились по правобережью Сурхана). Все эти соображения и были высказаны руководителем экспедиции М. Е. Массоном, предполагавшим, что голову древнего канала нужно искать где-либо ниже, учитывая, кроме того, процесс заглупления русла Сурхана на протяжении исторического периода.

Чтобы осветить поставленный вопрос, необходимо выяснить режим самой реки. Можно определенно сказать, что этот режим, как и другие природные условия, в Сурханской долине слагались для древнего ирригатора исключительно неблагоприятно.

Начать хотя бы с наносов, достаточно хорошо изученных Системным управлением в Термезе.

Режим наносов для реки Сурхана характерен тем, что они влекутся, главным образом, не по дну, как в других реках, а передвигаются общемо массой по всему живому сечению во взмученном, взвихренном состоянии. При попадании воды из реки в канал, вследствие изменения скоростей, наносы начинают быстро отлагаться в головной части. К речным наносам приплюсовываются еще наносы, увлекаемые в канал из-за несовершенства головных сооружений. Все это вместе взятое создает чрезвычайно трудные условия для борьбы с заилинием каналов. Последнее является бичом и для Термезского канала, имеющего к тому же сравнительно малый уклон. Борьба с заилинием при помощи устройства отстойников прежде не давала существенных результатов. С 1904 года было устроено 8 отстойных бассейнов, но каждый из них занялся примерно через 3 года. В настоящее время борьба с заилинием ведется путем применения особых отстойников и основана на принципе промывки малыми скоростями свежее отложившихся, еще не уплотнившихся наносов. В то время как в одной секции наносы промываются, остальные секции работают на заилиение. Промывка малыми скоростями выгодна еще в том отношении, что позволяет обходиться без дорогостоящего крепления бассейна (например, его бетонирование). Это показывает, насколько борьба с заилинием сложна даже для современной техники. Само собою понятно, что для древнего ирригатора борьба с заилинием путем постройки отстойников была не под силу (следов от них мы нигде и не находим). Заилившиеся каналы в эту эпоху попросту бросали и прокапывали новые каналы.

Другим неблагоприятным условием в нижнем течении Сурхана является подвижность самого русла и разрушение верхней террасы, на которой

* См. Ананьев, Ширабадская долина*.

** См. его статью „Водопользование Ширабадской и Сурханской долин, в Материалах работ гидромодульной части ОЗУ, вып. 14.

расположены орошаемые земли. Динамическая ось главного потока в реке постоянно перемещается. Поэтому для направления потока в желательном направлении требуются колоссальные усилия и большие расходы. Следы прорывов сипайных сооружений из камня и камыша можно наблюдать по всему головному участку. И этот дорогостоящий способ борьбы с рекою был, конечно, не под силу древнему ирригатору. Он в этом случае пассивал перед наступающей рекою и выбирал новые места для головы канала. На участке Сурхана между Тали-Тагора-тепе и Чакыштугом можно наблюдать на обрывах террасы ясные следы отмытых каналов. Самые головы каналов, находившиеся на нижней пойменной террасе, совершенно смыты рекою, а остались только отдельные небольшие участки от магистралей, уцелевшие в разных местах на второй террасе. Разрушительная деятельность реки неблагоприятна для ирригатора не только в том случае, когда она размывает головные участки, но и в случае наинения поймы. Такие наиненные тугаи с отступившей рекой к противоположному берегу можно наблюдать на том же участке Чакыштуга и выше у Карышак-тепе.

Таковы главнейшие неблагоприятные условия в режиме реки Сурхана, которые заставляли древнего ирригатора закладывать головы оросительных каналов возможно дальше вверх по течению. Нужно было получить большие уклоны для создания незаляемых скоростей. Нужно было заложить головы в более или менее фиксированных участках реки.

Необходимо еще отметить, что повсеместно на головных участках оросительных каналов мы находим специальные сооружения для их охраны — так называемые „тепе“, что указывает на большую ценность выведенной воды (Тали-Тагора-тепе, Ходжа-Камал-тепе, Карышак-тепе, Джар-Курган).

Не одна только река создавала трудности для древнего ирригатора, породила их и самая деятельность человека. Термезский район давно уже используется кочевым населением. Стада кочевников выколачивали и раскрепляли все слабо задернованные участки по Сурхану. К этому еще присоединялось истребление растительности на топливо. Чтобы выпечь одну партию хлеба для семьи в тандуре, требуется кустарникового топлива „одна ослиная ноша“. Давящий большое пламя кустарник идет в большом количестве на ежедневные нужды: кипячение чая, освещение и отопление зимою. Его же заготавливают на зимний корм для верблюдов. В результате большие площади у становищ кочевников совершенно оголяются и служат очагами развевания. Как на пример такого современного образования барханных песков, можно указать на участок на окраине Баянд — Оба, откуда пески надвигаются на железнодорожное полотно. Раскрепление песчаных массивов и превращение их в подвижные барханные пески шло, несомненно, и во время нашествия Чингиз-хана, когда массы кочевников заполнили Сурханскую долину. Пески Катта-Кумы в большей своей части, несомненно, такого происхождения, причем отличаются они от закаспийских в невыгодную сторону. Барханы у ст. Репетек, например, меняют свое наступательное движение по времени года. Они, по выражению проф. Дубянского, „танцуют кадрили“, оставаясь на одном месте. Господствующие же ветры в Катта-Кумах, на участке Сурхана между Тал-Тагора-тепе и тугае Чакыш, создают такие условия, что сыпучие барханы беспрерывно надвигаются на реку. Засыпанные дувалы, погребенные площадки, бывшие под орошением, с массою черепков на 506 километре говорят о том, что надвигаясь песков на культурные земли по правобережью Сурхана было также одним из факторов, отрицательно сказывавшихся на земледельческой культуре в различные эпохи.

От местных жителей можно слышать, что под Катта-Кумами засыпаны цветущие некогда оазисы. В литературе это предание отразилось в очерке Б. Литвинова „Долина Сурхана“, в котором он говорит, будто в прошлом Сурханская долина была так густо населена, что даже кошка могла по крышам домов пробраться от Термеза до Денау. О некогда густом населении Сурханской долины говорит и С. К. Кандрашев. Нужно заметить, однако, что в данном случае исследователи Сурханской долины выпадают в ту же ошибку, которая была свойственна исследователям и Хорезмского оазиса. Они объединяют участки, находящиеся под развалинами разных эпох, в одно целое и делают преувеличенные выводы о расцвете какой-то большой культуры в какую-то неопределенную эпоху. О мифической кошке, путешествующей по крышам домов на сотни километров, можно слышать в преданиях и о Хивинском и Бухарском оазисах. Нам кажется, что Сурханская долина не могла быть густо населена уже по той причине, что оросительная способность реки Сурхана не так велика (Ананьев говорит о 70 тысячах га). В настоящее время все старые расчеты бракуются. Теперь можно говорить о расширении поливной площади до предельных размеров лишь в случае переключения Кафирнигана в бассейн Сурхана. Частичное иссыкание Сурхана может быть объяснено хищнической рубкой лесов в его верховьях в начале этого столетия. Но даже если бы в далеком прошлом Сурхан был многоводнее, вышеуказанные неблагоприятные условия режима реки — разрозненность поливных массивов по среднему течению реки, их вытянутость узкою полосой вдоль реки в том же районе, — все это вместе взятое не позволяло доводить орошаемую площадь до предельных размеров ни в одну из предшествующих исторических эпох.

Площадь древнего орошения по Сурхану можно разделить на три не связанные между собою участка: верхний — Туполангский, средний — Кум-Курганский и нижний — Джар-Курганский. Дальнейшие археологические исследования выяснят, в какие эпохи каждый из этих участков орошался. Те же археологические исследования и изыскания в Катта-Кумах выяснят, можно ли говорить о связи Джар-Курганской системы с орошением старого Термеза. В данное же время может быть поставлен только чисто теоретически вопрос о возможности орошения древнего Термеза из ближайших на Сурхане пунктов. Такие пункты ясно обозначаются в натуре в районе двух Балянд-Обов — верхнего и нижнего. Их можно считать за распределители для термезского треугольника. Само собою напрашивается вопрос — почему же с XIII века „Старый Термез“ оставался незаселенным и указанные распределители не восстановлены, если и в настоящее время к развалинам доходит вода из современного Термезского канала. При решении этого вопроса нужно, может быть, принять во внимание также и естественно-исторические условия*. Неоднократными исследованиями установлено, что в отдаленной от нас эпохе произошло некоторое понижение базиса эрозии для рек Аральского бассейна. Это понижение не могло, конечно, не отразиться хотя бы в небольших размерах и на Сурхане, связанном с главной магистралью Аральского бассейна — Аму-Дарьей. Некоторое заглубление Сурхана можно наблюдать на обрывах второй террасы у Карышак-тепе, где в нижних слоях обнажились оголенные горизонты бывшей поймы. Вот это заглубление Сурхана и было причиной того, что во время жизни старого Термеза было легче подавать к нему воду из ближайших к Сурхану пунктов вследствие более высоких горизонтов в

* Как указано в статье руководителя ТАКЭ М. Е. Массона, переход города из примударинской части в присурханскую был в основном обусловлен политическими и экономическими причинами, а не естественно-историческими факторами. Ред.

реке, не говоря уже о ее большей многоводности. С понижением же горизонтов заборные сооружения приходилось располагать все выше и выше по реке. Следы от магистральных частей каналов в виде валов можно наблюдать уже у Султан-Садата.

Остается сказать несколько слов о датировке керамического материала, собранного мною при рекогносцировочных поездках на участках правобережья, на которых обнаружены следы оросительных каналов. По определению начальника экспедиции М. Е. Массона, только в Катта-Кумских песках на 506 километре явно преобладает дофеодалная керамика. На Тали-Тагора, Ходжи-Камал, Баянд-Об дофеодалная керамика встречена реже, а общий фон дают фрагменты XV—XVI в. Остальные же эпохи, начиная с IX века, представлены примерно равномерно. Из этого факта можно сделать заключение, что в Сурханской долине происходила почти непрерывная смена поколений, занимавшихся земледелием, начиная с дофеодалного времени. За все это время происходили постоянные попытки поставить ирригацию на прочную основу, на что указывают такие сооружения, как акведуки через овраги в верхних участках долины. Вместе с тем, за все это время орошаемому хозяйству в нижних участках реки приходилось нести постоянные потери вследствие неблагоприятных условий режима реки.

Сделанные выводы на основании как собранного керамического материала, так и наблюдений над остатками оросительной сети в пределах обследованного участка правобережья имеют, конечно, предварительный характер. Результаты обследований 1936 года дали только нить для дальнейшего более детального обследования. План работ для этих обследований следующий:

- 1) детальное обследование древней оросительной сети в топографическом отношении со сбором археологического материала в пределах термезского треугольника;

- 2) обследование каттакумских песков для выяснения остатков культур, погребенных в песках, и поисков оросительных магистралей от Зангской системы;

- 3) рекогносцировочное обследование верхней части правобережья до Туполанг-Дарьи;

- 4) такое же обследование левобережья в нижней части долины Сурхана для выяснения взаимоотношений между культурой левобережья и правобережья на основании сопоставления древних оросительных систем.

РАСКОПКИ НА ЧИНГИЗ-ТЕПЕ

Для раскопок в пределах древнего городища на возвышенности Чингиз-тепе в соответствии с программой работ ТАКЭ было выбрано сооружение для комплекса построек, расположенного на шлейфе юго-восточного склона этой возвышенности. Здесь М. Е. Массон установил остатки трех сооружений, как ему казалось, общественного назначения.

Ближе к берегу Аму-Дарьи находятся остатки большого прямоугольного здания. Вся верхняя часть его смыта, но на поверхности можно уловить следы некоторых его внутренних помещений. Среди подземного материала тут встречено много обломков красной керамики с узором, наведенным лощением или же со штампованным орнаментом. К СВВ от этого большого здания находится небольшой холм, представляющий собою, возможно, остатки башни, выстроенной из сырцового кирпича. Далее в том же направлении расположена третья постройка этого комплекса — прямоугольное здание со внутренним двором, имеющее в плане форму буквы „п“. На поверхности этого холма встречено большое количество обломков керамики, часто со штампованным орнаментом, ручка сосуда, украшенная головой верблюда, и отдельные бронзовые монеты очень плохой сохранности. При камеральной обработке А. А. Быковым этого материала подтвердились полевые определения М. Е. Массона, что все подпадающие определению монеты из найденных в 1936 г. на поверхности городища, датируются кушанским временем, причем древнейшая из них относится к Кадфизу I (I век н. э.).

Для производства раскопок на Чингиз-тепе было выбрано это третье сооружение, как относительно лучше сохранившееся и наиболее удобное для работ.

До раскопок вся площадь, намеченная к исследованию, была разбита на квадраты со сторонами в 2 м таким образом, что стороны квадратов были ориентированы соответственно странам света, причем линии север—юг шифровались цифрами (от 1 до 18), а линии запад—восток буквами (от А до П). После разбивки площади на квадраты была произведена нивелировка пикетов, причем все высотные отметки высчислялись от наивысшей точки всего участка В II; поэтому и в отчете все глубинные отметки показаны от нее же. Шифровались квадраты по их западному пикету.

При начале работ производилась горизонтальная зачистка исследуемых квадратов, что дало возможность выяснить контуры отдельных помещений, после чего раскопка велась последовательным углублением. Зачистка комнат производилась до материка (песчаника), причем в каждом помещении оставлялся монолит для производства контрольных работ при окончании раскопок всего здания.

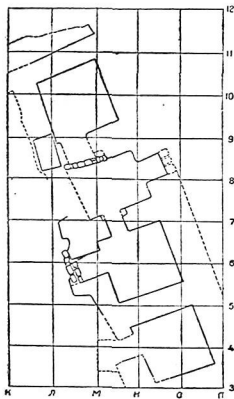
Для начала раскопок была выбрана юго-западная часть постройки с таким расчетом, чтобы в 1936 г. были бы исследованы помещения, распо-

доженные к югу и юго-востоку от центрального двора. Всего было раскопано 220 м². На этой площади обнаружены четыре помещения, вытянутые в один ряд, аксонометрию которых, выполненную Н. М. Токарским по материалам экспедиции, мы приводим. Западная часть раскопанной площади оказалась сильно разрушенной мусорными ямами военного лагеря начала XX века, расположенными, главным образом, во внутреннем дворе. В кв. И 4, И 5, К 4 и К 5 на глубине до 0,60 м от поверхности земли встречаются мусорные завалы. Найдено большое количество обрезков кожи от обуви, осколки бутылок с русскими этикетками, патронные гильзы, офицерская кокарда, обрывки игральных карт и др. Этими мусорными ямами сильно повреждена северная стена раскопанных комнат, которая во многих местах оказалась разрушенной. Площадь внутреннего двора была засыпана песком и лессовой пылью. В верхних слоях найдено большое количество обломков разнородной керамики, а также кусок каменной зернотерки.

Перейдем теперь к последовательному описанию раскопанных помещений.

Помещение № 1

Крайняя юго-западная комната исследуемого комплекса имеет один проход в северной стене (ширина прохода 1,08—1,10 м). Комната неправильной формы. Длина южной стены 3,03 м; длина северной стены 2,90 м; длина восточной стены 3,04 м; длина западной стены 3,01 м; сохранились лишь нижние части стен высотой от 0,40 до 0,90 м. Стены сложены из сырцовых кирпичей квадратной формы (0,35×0,35×0,12 м³), связанных глиняной заливкой. На южной и восточной стенах отчетливо заметны два слоя белой обмазки на глиняной основе (толщ. 0,015 м), в которую была примешана рубленая солома (саман). В некоторых же местах стен заметны как будто до четырех слоев обмазки. Сохранность всех стен крайне плохая и глиняная обмазка уцелела лишь отдельными участками.

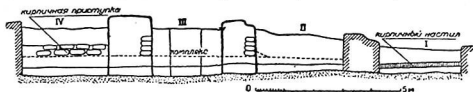
85. Чингиз-тепе. План раскопанных в 1936 году помещений

На глубине 2,37 м (от В/П) обнаружены остатки твердого глинобитного пола, повидимому, так же как и стены, покрытого белой обмазкой, которая соединялась со стенкой. Коренная порода (песчаник) проступает на глубине 0,15—0,25 м ниже пола. Под полом найдено незначительное количество фрагментов керамики, не отличающихся от встреченных над полом, бронзовый отвес в виде гирьки, а также бронзовая кушанская монетка (Васудева?). Около прохода в северной стене на глубине 1,96—2,43 м были найдены три очень плохо сохранившиеся

бронзовые монетки. Одна совершенно неопределима, а две другие чека на Васудева (конец II—начало III в. н. э.).

На полу у южной стены имелся настил, сложенный из кусков сырцового кирпича неправильной формы (ширина настила 0,67 м, толщина 0,80 м).

Заполнение комнаты состояло из лессовидно-суглинистой пыли с большим содержанием песка. Фрагментов керамики крайне мало (главным образом,

86. Чингиз-тепе. Продольный разрез раскопанных в 1936 году помещений № 1, 2, 3 и 4

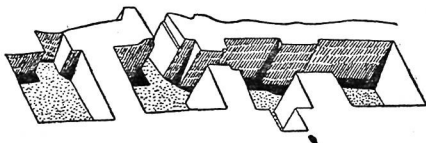
светлая ангобированная или керамика с красной лощеной поверхностью). Во всей толще заполнения комнаты керамика была однородна.

Помещение № 2

Помещение, так же как и предыдущее, неправильной формы. Длина южной стены 3,08 м, длина северной стены 3,04 м, длина восточной стены 3,05 м и длина западной стены 3,16 м. В северной стене имеется проход во двор, а в восточной стене проход в смежную комнату (№ 3). Стены сохранились на высоту до 1,50 м. При их исследовании были установлены три различных горизонта, соответствующие различным периодам обитания постройки.

Нижний слой лежал прямо на песчанике (коренной породе), проступавшем в этом помещении на глубине 2,67 м. Коренная порода не была сглажена, сохраняя все естественные неровности. Поверхность стен в нижнем слое (глуб. от 2,27 м) была обмазана серой глиной без всякой раскраски. Находки малочисленны. Кроме обломков керамики, на глубине 2,47 м была найдена бронзовая кушанская монета, ввиду плохой сохранности не поддающаяся определению. Возможно, что этот нижний слой является засыпкой коренной породы при устройстве древнего пола.

В средней части, соответствующей второму слою (глуб. 1,78 м—2,27 м), стены помещения сильно повреждены; в них имеются многочисленные углубления, заполненные иногда золой и соломой. Еще в древности сильно

87. Чингиз-тепе. Раскопанные в 1936 году помещения в аксанометрических проекциях

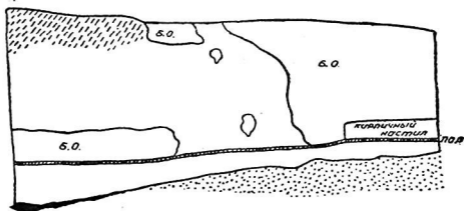
поврежденная южная стена была закреплена кусками сырцового кирпича и камнями. В юго-западном углу помещения № 2 имелась кладка из плит мергелистого известняка, укреплявшая разрушенный угол. Стены были

покрыты серой обмазкой, под которой в некоторых местах сохранилась красная обмазка на тонкой гипсовой поддержке. В верхнем уровне стен над красной обмазкой находилась еще белая, покрытая сверху слоем глины с примесью рубленой соломы (толщ. до 8 мм). В средней части заметны также следы очагов, повредивших поверхность стен.

Северная стена помещения № 2 сохранилась очень плохо. Особый интерес в ней представляет проход во двор, перекрытый сводом, часть которого сохранилась. Длина прохода около 1,50 м, ширина 1,08—1,15 м. У пяти свода на высоте 1,22 м от коренной породы стена имела выступ

88. Чингиз-тепе. Первое помещение. Сзади остатки арочного перекрытия над проходом из второго помещения в третье

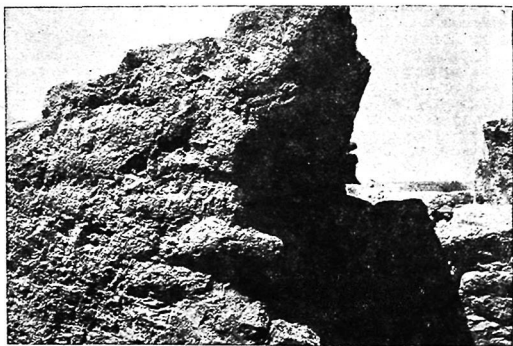

89. Чингиз-тепе. Восточная стена помещения № 1

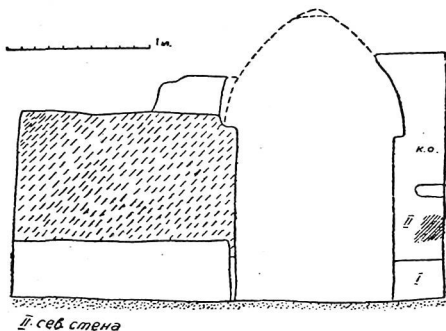
образующий полочку шириной в 0,75 м. Эта полочка сохранилась в целости только на одной стороне прохода, на другой же она сильно повреждена.

Судя по сохранившейся части дуги, свод не был цилиндрическим, так как в таком случае ширина прохода должна была быть не менее 2 м.

Вероятно, свод был стрельчатым или же округлым трехцентровым* и имел высоту от пяты около 0,90 м. Таким образом общая высота прохода равнялась примерно 2,10 м. На стенках прохода имелись те же самые слои глиняной обмазки, которые сохранились и в самом помещении: сверху

50. Чингиз-тепе. Часть арки прохода из помещения № 2 в помещение № 3

1. Чингиз-тепе. Северная стена помещения № 2

* По аналогии с некоторыми другими памятниками можно допустить, что свод был эллиптический. Ред.

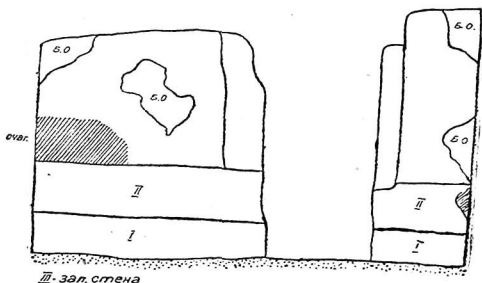
толстый слой глины с примесью рубленой соломы, ниже белая обмазка на слое глиняной штукатурки и под ней красная. Дверной проем со стороны двора был заложен сырцовым кирпичем, причем, судя по кладке, закладка производилась со стороны двора. Кирпичи этой кладки неправильной формы, иногда прямоугольные, представляющие, вероятно, половины квадратных.

Второй проход из этого помещения вел в помещение № 3 (длина 1,15 м, ширина около 0,80—0,90 м). Он был также заложен извне, т. е. со стороны помещения № 3. Закладка, сильно разрушенная, состояла из крупных квадратных кирпичей и из их обломков неправильной формы.

При исследовании заполнения помещения № 2 было отчетливо заметно, что эта комната была заброшена. Выше второго слоя лежали надувной песок и лессовая пыль, причем эти слои повышались к северо-востоку, соответствуя обычным для Термеза ветрам, дующим из афганской пустыни. Находки в заполнении немногочисленны, причем отличия между находками в верхних и нижних слоях не устанавливается. Встречены обломки светлой ангобированной и красной крашеной керамики, последняя была украшена лощеным узором и штампованным орнаментом (розетки, стилизованные листья и др.).

Помещение № 3

Длина южной стены 2,40 м, длина северной стены 2,45 м, длина восточной стены 3,10 м и длина западной стены 3,08 м. Лучшее всего сохранилась западная стена, смежная с помещением № 2. При исследовании заполнения были отмечены те же три слоя, которые имелись и в помещении № 2. Красная порода (песчаник) залегала на глубине 2,68 м, над ней находился слой (толщиной около 0,30 м), соответствующий нижнему горизонту помещения № 2. На глубине от 2,18—2,32 м находился второй слой, не отличающийся по находкам от нижнего и имевший несколько зольных прослоек. Стены помещения на этом уровне сильно разрушены, причем повреждения еще в древности были закреплены сырцовыми кирпичами. За-

92. Чингиз-тепе. Западная стена помещения № 3

кладка двери в помещении № 2 лежала на уровне второго слоя, причем для нее в дверном проеме были сделаны вырубы. На стене сохранились следы белой обмазки.

Северная стена этого помещения, имевшая проход во двор, совершенно разрушена. Повидимому, после прекращения жизни в комнате проход во двор заложен не был, что привело к разрушению всей стены. Восточная стена сохранилась также плохо, проход в помещении № 4 (длиной около 1,50 м, шириной около 1,20 м) был заложен сырцовой кладкой, лежащей на уровне второго слоя. Таким образом становится очевидным, что жизнь в помещении № 3 продолжалась дольше, чем в других к ней прилегающих, так как проходы в них были заложены из помещения № 3.

Южная стена имела нишу шириной 1,04 м и глубиной 1,10 м. Стены этой ниши также имели глиняную обмазку. В нише, на глубине 2,18 м, на плотном, грунте, вероятно соответствующем древнему полу, была найдена группа предметов. Тут находились обломки толстостенных крупных сосудов (хумов), обломки красной лощеной чаши, грубого сосуда с ямочным орнаментом, небольшая чашечка (светильник) и костяная булавка. В глубине ниши лежала перевернутая база колонны из мергелистого известняка, имевшая сквозное отверстие. Она, повидимому, была принесена из древнего разрушенного здания (возможно, что с Кара-тепе).

93. Чингиз-тепе. Каменная база, найденная в помещении № 3

При разборке этого комплекса в юго-западном углу помещения была найдена бронзовая кушанская монета чекана канишки. Повидимому, эта монета, более древняя, чем найденная под полом в помещении № 1, попала сюда случайно, быть может, из разрушившихся сырцовых кирпичей, часто содержащих в себе древние предметы. Глина для этих кирпичей замешивалась иногда из земли, содержащей древние культурные слои. По своему характеру керамический материал существенно отличается от нижележащего и, очевидно, относится к более позднему времени. Уровень пола, на котором находился расчищенный комплекс предметов, наблюдался на всей площади помещения № 3.

Помещение № 4

Длина южной стены 3,09 м, длина северной стены 3,04 м, длина восточной стены 2,92 м и длина западной стены 3,04 м.

Помещение соединялось проходом, перекрытым коробовым сводом с помещением № 3. Проход этот сильно разрушен, так что реконструировать свод не представляется возможным. Стены, особенно в нижних частях, сохранились очень скверно. Коренная порода залегает на глубине 2,72 м, сохраняя свои естественные неровности, ее перекрывает нижний слой толщиной около 0,42 м.

У южной стены на глубине 1,92 м, т. е. на уровне, соответствующем уровню комплекса предметов, обнаруженных в помещении № 3, была рас-

чищена приступка, сложенная из крупных сырцовых кирпичей прямоугольной формы (размеры самого крупного из них $0,43 \times 0,40$ м, меньшего $0,32 \times 0,30$ м при толщине $0,10$ м). Около кладки была найдена серебряная эфталтская монета, относящаяся, по предположению А. А. Быкова, к V веку (?) и являющаяся подражанием монетам Варахрана IV. Возможно, что она датирует это сооружение, а также и верхний слой раскопанных помещений, хотя комплекс предметов в нише южной стены помещения № 3 представляется несколько более поздним.

94. Чингиз-тепе. Проход между помещениями № 3 и № 4

Под приступкой у южной стены помещения № 4 находился надувной песок, перекрывающий нижние слои, содержащие обломки керамики светлой ангобированной и красной с лощеным узором и штампованным орнаментом. В северо-западном углу помещения была найдена бронзовая монета Канишки (конец I — начало II века н. э.).

Восточная стена являлась одновременно внешней стеной раскопанного комплекса; к ней примыкали какие-то сооружения, вынесенные за пределы внутренних помещений. Тут, повидимому, находился очаг, остатки которого крайне плохой сохранности были расчищены. Рядом с очагом обнаружен ряд сырцовых кирпичей, лежащих в направлении с СЗ на ЮВ, который упирался в углубление, имевшее следы белой обмазки, заметной также и на кирпичах. В южной части этого участка в грунте также было встречено большое количество белой обмазки, которой, повидимому, было покрыто какое-то углубление.

В раскопанных экспедицией 1936 года четырех помещениях исследованного строения отчетливо заметны три различных слоя, причем два нижних относятся, по всей вероятности, к одному времени. Нижние слои характеризуются светлой ангобировкой и окрашенной красной керамикой с линейным лощеным узором или штамповкой (розетки, стилизованные листья и др.). Кости животных встречены в одиночных экземплярах.

Характер заполнения расчищенных помещений (два нижних слоя) указывает на то, что это здание не было жилым, а являлось, повидимому,

постройкой общественного назначения, на что указывает также и большое сравнительно количество монет, найденных при раскопках. К сожалению, большая часть этих, повидимому, кушанских монет ввиду плохой сохранности совершенно не поддается определению. Но даже и те, которые определены (две монеты Канишки и три Васудева), не всегда могут быть признаны датирующим материалом, так как они могли попасть в заполнение из разрушившихся сырцовых кирпичей. Но, во всяком случае, кушанские монеты, твердо связанные с нижними слоями, являются надежной датировкой. Труднее датировать верхние слои. Во всяком случае, упоминавшаяся выше монета типа монет сасанида Варахрана IV, найденная в помещении № 4, относится к возобновлению жизни в заброшенной постройке. На это указывают слои надувного песка, над которыми эта монета была найдена. К тому же времени следует отнести и перепланировку помещений, при которой некоторые помещения были изолированы посредством закладки дверных проходов. Долше всего жизнь была в помещении № 3, где в нише был найден комплекс предметов, отличающихся от найденных в нижних слоях. Датировка этого комплекса остается неясной. Кирпичи из закладок дверных проходов имеют близкие аналогии и в других постройках древнего Термеза. Так, в проходе из помещения № 2 во двор, в закладке, был обнаружен крупный квадратный кирпич (35×35 см), на одной стороне которого был выдавлен круг с двумя углублениями в центре, совершенно тождественный кирпичам из постройки у разветвления водосбросного русла, отделяющего Чингиз-тепе от основного Термезского городища. В кладке стены на гребне Чингиз-тепе крупные квадратные кирпичи ($0,33 \times 0,33$ м, при толщине 0,10 м) имеют вдавленный крест. По всей вероятности, эти кирпичи относятся еще ко времени до арабского завоевания.

Таким образом раскопанные экспедицией 1936 года четыре помещения дают разновременный материал, свидетельствующий о долговременности жизни в исследуемом строении. Соответственно с этим и сама постройка имеет следы перестроек и перепланировок. Возможно, что при этом древние купольные и сводчатые конструкции отдельных помещений были заменены деревянным перекрытием, остатки которого ввиду дефицита дерева в этом районе не могли сохраниться.

РАЗВАЛИНЫ АНСАМБЛЯ ДВОРЦОВЫХ ЗДАНИЙ В ПРИГО- РОДЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ТЕРМЕЗА

25 сентября 1927 года участники второй термезской экспедиции Музея восточных культур в Москве и Средазкомстариса В. Л. Вяткин и Б. Н. Засыпкин обнаружили в восточной части Приамударьинской группы развалин городища Термез остатки сырцового здания, получившего при их регистрации первый порядковый номер. В углу одного из помещений, чуть выдаваясь над завалом строительного мусора, виднелась полоска резной алебастровой разделки стены. Было очевидно, что здесь имеются остатки внутренней декорации резным штукатуром. Тогда же заложенная вдоль стены здания небольшая и по глубине не доведенная до пола траншея дала возможность Б. Н. Засыпкину установить наличие узкого, немного бо-

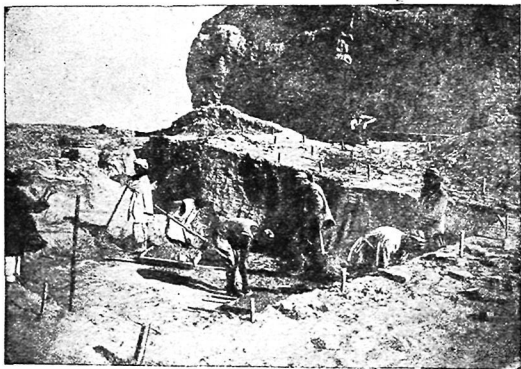

95. Общий вид тронного зала с юго-западной стороны до раскопок

лее одного метра шириной, коридора, который с северной стороны упирался в прямоугольное основание устоя. Вторая, также неглубокая траншея, прокопанная по диагонали от первой и ближе к северной стене помещения, обнаружила наличие ствола трехчетвертной колонки. Весь ее ствол, равно как и поверхность стены коридора и устоя, оказался сплошь покрытым резным штукатуром, в котором руководитель экспедиции Б. П. Де-

нике насчитал шесть мотивов орнаментации и датировал их концом XI и началом XII века*.

В следующем 1928 году при работе третьей экспедиции Музея восточных культур и Узкомстариса удалось произвести расчистку почти около двух пятых этого помещения. Это в свою очередь дало возможность ориентироваться в его плане. Были полностью раскрыты нижние части нескольких устоев вдоль восточной и отчасти южной стен. На последней были обнаружены и правильно опознаны открытые еще в 1927 году че-

96. Раскопки южного помещения восточного фаса здания № 2

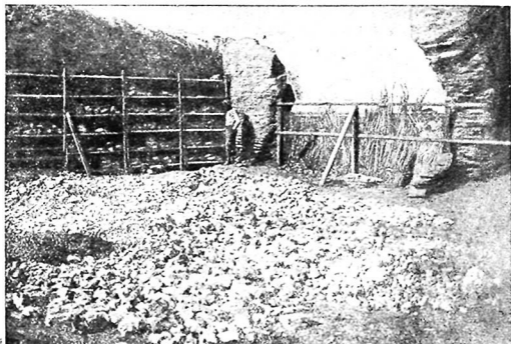
тыре отдельных панно с изображениями стилизованных и фантастических животных. Присутствие таких панно, по мнению проф. Б. П. Денике, возможно и во дворце и в культовом здании**. На основании стилевых данных декоративной отделки проф. Б. П. Денике сумел уточнить датировку исключительного по художественности и разнообразию мотивов штурка, отнеся его к началу XII века. В вопросе о назначении как самого помещения, так и всего здания в целом у разных участников экспедиции не было единого, твердо установленного мнения. И только несколько лет спустя, член экспедиции Б. В. Веймарн выступил в печати с категорическим утверждением, что это было светское здание и что подвергнутое частичной расчистке помещение является главным залом дворца***. Большое число

* Подробнее см. статьи: Б. П. Денике — Экспедиция Музея восточных культур в Среднюю Азию 1927 года. Культура Востока. Сборник Музея восточных культур, II.—М. 1928; Б. Н. Засыпкин — Памятники архитектуры Термезского района — там же; Б. П. Денике — Термез. Журнал „Новый Восток“. М., 1928, № 22; Б. Н. Засыпкин — Архитектурные памятники Средней Азии. Вопросы реставрации, П.—М. 1928. Б. П. Денике — Резная штукатурная декорация в Термезе. Труды секции искусствознания Института археологии и искусствознания, вып. III. М., 1928.

** Б. П. Денике — Изображение фантастических зверей в термезской резной декорации. Искусство Средней Азии. РАНИОН. М. 1930, стр. 84.

*** Б. В. Веймарн — Орнаментация дворца XII в. в древнем Термезе. Журнал „Искусство“, 1934, № 6, стр. 106.

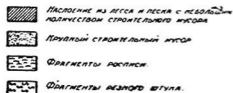
специалистов-искусствоведов среди членов двух упомянутых экспедиций позволило разработать вопросы историко-художественного порядка с наибольшей полнотой. Ряд отдельных статей позволяет суммировать полученные результаты. Они в основном сводятся к следующему: а) было установлено общее представление о плане помещения и б) высказаны догадки, что строе-

97. Полевое разборочное помещение. На переднем плане фрагменты штукатурки

ние в некоторой своей части имело второй этаж; кроме того, отмечены два периода бытования этого здания; и, наконец, что штукатурные изображения животных геральдического характера имеют отношение к ханам династий Газневидов и Караханидов. Таким образом памятник был прочно введен в

Масштаб

98. Разрез завала строительного мусора площади раскопа № 1 с востока на запад

научный обиход советской литературы, а в 1930 году результаты его обследования были опубликованы в № 1 французского журнала „Cahiers d'art“, где помещена хорошо иллюстрированная статья проф. Б. П. Денике „La décoration en stuc sculpté de Termez“. На этом заканчивается первый период научного освоения здания № 1*.

* Здесь не упомянут ряд лиц, посетивших за последующее время указанные руины, так как эти лица не дали никаких материалов.

В мае 1936 года отряд № 3 Термезской археологической комплексной экспедиции, в связи с общим обследованием территории Старого Термеза, начал работы по дальнейшему исследованию дворца, главным образом, с историко-археологической стороны и в связи со всем комплексом прилегающей группы сырцовых сооружений, часть которых оно составляет. Все исследования 1936 года велись в течение весеннего [с 27/V по 12/VII] и осеннего [с 22/X по 2/XII] полевых периодов под непосредственным руководством начальника ТАКЭ доктора археологии М. Е. Массона, а во время его отсутствия — заместителя его В. А. Шишкина*.

По плану экспедиции, в задачу третьего отряда входило предварительное общее изучение всего комплекса развалин на территории почти 10 га, окруженной с трех сторон стеною. Особое внимание намечалось уделить зданию с помещением, декорированным резным штукатуром; последнее по плану должно было быть целиком вскрыто в весенний период при

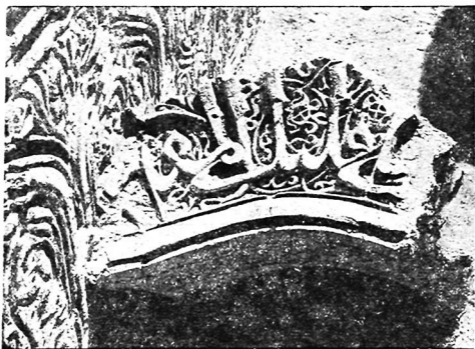
99. Деталь декорации из фигурных кирпичиков устоя айвана XI века

захвате площади в 221 м². В конце весеннего периода работ к нему добавлен еще с южной стороны участок в 187 м². Программой осенних полевых изысканий, тесно увязанной с намеченным строительством над раскопанным залом здания-футляра музейного типа, предусматривалась дальнейшая раскопка прилегающей с запада территории; что и было выполнено на площади в 237 м². Таким образом общая площадь весеннего и осеннего сплошного раскопа 1936 года охватывает 645 м². Производство работ шло поквратно [1 × 1 м²] с послойным углублением в 0,5 м и сопровождалось детальной характеристикой содержимого слоев, регистра-

* В первом весеннем периоде непосредственными производителями работ были научные сотрудники ТАКЭ Г. В. Парфенов и В. Д. Жуков, а в осеннем только последний. Большую помощь в проведении весеннего обследования оказали сотрудники Сурхан-Дарынского музея: В. А. Козловский, Г. И. Максимов, Ю. Хасанов и другие. Работниками этого музея были организованы два субботника по очистке от глины и мусора резного штука аудиенц-зала. Инженер археолог Д. Д. Букинич помог провести первичную нивелировку площади раскапывавшегося здания.

цией археологических находок, обмерами, составлением чертежей, фотофиксацией и зарисовками в карандаше и в красках. Кроме того, для подтверждения различных рабочих гипотез, возникших в процессе обследования, в шурфах из более или менее датированных нижних культурных слоев для определения их происхождения, брались в стерильные пробирки археолого-биологические пробы на предмет характеристики микрофауны*.

Перед началом работ намеченный для вскрытия участок, заключенный между северной и южной сырцовыми стенами здания, представлял типичный вид завала, образовавшегося от разрушения большого сооружения. Распространяясь во все стороны от помещения, наибольшее протяжение завал имел на запад, внутрь двора и возвышался метра на два над уровнем прилегающей площади. Вся поверхность его была усеяна различным строительным мусором, фрагментами керамики, обломками костей и проч. Подъемный материал, собранный до начала земляных работ, захватывает период от X до XVI века включительно. На площадке между стенами прослеживались невысокие насыпи и просадки — повидимому, следы раскопок Музея восточных культур. Вначале производилась расчистка завала, уже

100. Фрагмент надписи с упавшей арки в северном коридоре тронного зала

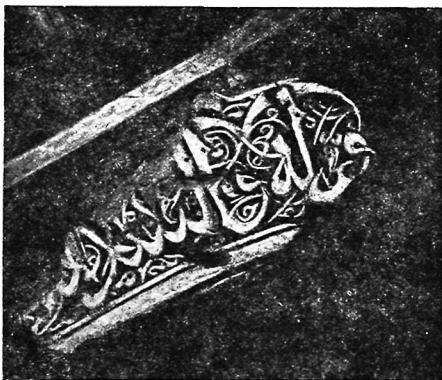
перекопанного при работах 1927 и 1928 годов. Было отмечено, что участок, прилежавший непосредственно к третьему наиболее хорошо сохранившемуся устью северного коридора помещения, неоднократно подвергался расчистке. При вскрытии нижних частей строения особенное внимание было обращено на возможное выявление кривых, образующих своды перекрытия. Завалы сырцового кирпича представляли монолитную спаявшуюся массу, с трудом разбиваемую ударами кетменя. Расчистка в этом плотно слежавшемся слое отдельных ломких фрагментов и выделение их без повреждений сильно замедляли работу.

* Взяты пробы переданы для определения руководителю кафедры биологии САГУ проф. А. Л. Бродскому.

Завал состоял из строительного мусора, в котором в большом изобилии были представлены фрагменты декоративного убранства внутреннего помещения: куски резного штукатурки, фигурные кирпичи, обломки алебастровой расписной штукатурки и проч.

В изгибах резного орнамента одного из устоев южного коридора на высоте 0,8 м от пола М. Е. Массон обнаружил слепленное из глины гнездо пелопея и отметил, что насекомое могло сделать его в период, когда над этим коридором в заброшенном помещении не только сохранялись верхние перекрытия, но и на уровне пола еще не лежал строительный мусор. Это наблюдение, будучи спроектировано на датированные культурные наслоения строительного мусора, дало возможность уточнить отдельные моменты в истории последовавшего после XIII века постепенного разрушения здания.

В результате работ главное помещение и часть примыкающего к нему с западной стороны айвана были раскрыты. Площадка, прилегающая к помещению с южной стороны, расчищавшаяся Г. В. Парфеновым, окон-

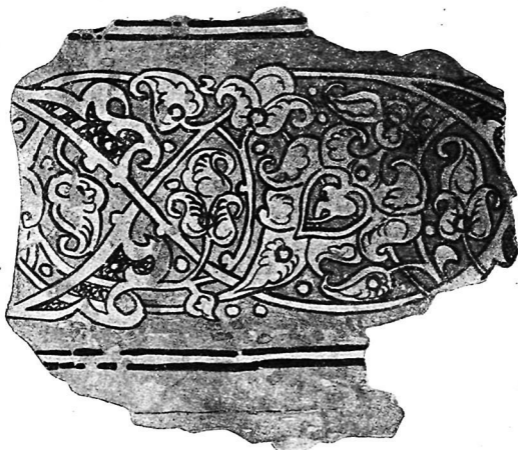
101. Фрагмент надписи одной из арок интерколунийев

чательно еще не обследована; повидимому, завал здесь произошел от разрушения более легких каркасных построек. Интересно отметить расположенные на разном уровне этого участка несколько половых настилов из обожженного кирпича, очевидно, относящихся к разным периодам бытования этого здания.

Суммируя полученные от вскрытия наблюдения, можно выделить три рода завалов и наметить их топографическое разделение. Первый занимал до раскопа центральную часть помещения, образовался в результате следовавших друг за другом постепенных разрушений здания и состоит в основной своей массе из расколотых плиток жженого кирпича, перемешанных с кусками резной алебастровой штукатурки: глина, песок и ганч

по количеству были здесь на втором месте. На этом же участке обнаружены хорошо сохранившиеся от верхних частей здания довольно большие по объему обломки, они сложены из обожженного кирпича на известковом растворе и имеют одну или две смежные стороны, покрытые резным штукатуром. Здесь же обнаружены замок свода и отдельные части кривых перекрытий центрального зала. Они в некоторой, правда весьма ограниченной, мере дают возможность реконструировать здание не только в конструктивном отношении, но и в декоративном. Наконец, в этом же завале встречаются небольшие прослойки наносного песка, являющиеся результатом сильных ветров, дующих в северо-восточном направлении. Прослойки эти указывают, что между двумя следующими друг за другом разрушениями здания протекал некоторый, иногда довольно значительный, промежуток времени.

Второй род завала, в основной массе состоящий из плотно слежавшегося сырового кирпича, занимал весь северный коридор помещения и большую часть примыкавших к нему интерколуම්нйев; в нем отмечены отдельные куски обожженного кирпича, несколько обломков резного штукатурка и монолитные глыбы с частями кладки стрельчатых маленьких, по-видимому, перекинутых над коридором арок. Лицевая сторона их была украшена вырезанными на алебастровой штукатурке арабскими надписями, проходящими по дуге. Наконец, третий род завала занимавший примыкающий к залу айван, состоял из глины, песка и обожженного кирпича

102. Фрагмент цветной росписи с растительным орнаментом

с резным штукатуром. Здесь обнаружены в большом количестве росписи, нанесенные на тонкую алебастровую штукатурку, положенную на глиняно-саманную смазку. В строительном мусоре, залежавшем в боковых прохо-

дах между порталными и крайними устоями, сырцовый кирпич преобладал над жженым. На открытой площади айвана тесаные и резные фигурные плитки кирпичей отмечались в таком же количестве, как и в центральном помещении. В отличие от первых двух завалов, в последнем завале в большом количестве обнаружены осколки цветного стекла и куски резных ганчевых решеток, в которые были вставлены эти стекла. Строительный мусор прослеживался на расстоянии свыше 10 м к западу от порога зала; границы его завалов в южную и северную стороны еще не установлены. Часть глыб кладки, особенно интересных для реконструкции помещения, полностью не освобождена от строительного мусора, так как было решено сохранить их на месте в виде экспонатов для специального музея аудиенц-зала. На одной из них, состоящей из двух кусков, обе смежные стороны, идущие под прямым углом, покрыты резным алебастровым штуком. В орнаменте здесь сохранился отрезок дуги от большого круга, проходившего, очевидно, по квадратному полю. По догадке, высказанной инженером-архитектором М. Ф. Мауером, посетившим раскопки в начале осеннего периода, в постройке могли быть люнетки. Немногочисленные, сохранившиеся в целости, среднеазиатские памятники зодчества не дают нам образцов перекрытий с люнетками. Однако обнаруженные в дальнейшем при раскопках фрагменты вогнутых решеток с цветными стеклами как будто подтверждают до известной степени эту догадку. Очень характерен своей формой и кладкой кусок от замка сво-

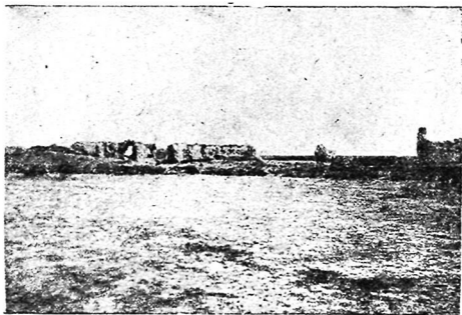

103. Фрагмент цветной росписи с надписью

да. Наконец, несколько глыб, частично сохранивших резной штук, дают возможность судить об изгибах кривых, образующих центральный свод. Наибольший интерес из всех кусков для реконструкции верхних перекрытий здания представляет обломок стрельчатой арочки, обнаруженный близ пола в северном коридоре. Она, кроме части надписи, проходившей по лицевой стороне изгиба, имеет кривую, совершенно ненарушенную при

падении и поддающуюся точному замеру. Два других куска тоже с надписями, отпавшие, повидимому, от арочных перекрытий интерколумниев, менее отчетливо сохранили свои дуги.

Из остатков декоративного убранства зала и прилегающего к нему айвана выделяются своим количеством обломки резного штука, придающие местами белый цвет завалу. Значительная часть их представляет совершенно бесформенные фрагменты с едва заметными следами резьбы; многие имеют на лицевой стороне глубокий орнамент, состоящий из новых геометрических и растительных элементов, разнообразие которых значительно увеличивает количество мотивов, выявленных экспедициями Музея восточных культур. По своей первоначальной форме фрагменты резного штука могут быть разделены на плоскостные и округлые; первые покрывали стены и бока устоев, вторые украшали верхние части помещения и трехчетвертные колонки, база и ствол которых частично сохранились на некоторых пилонах. К этой последней группе алебастрового штука можно отнести также и большие и малые сферические рельефные резные налпы, помещавшиеся, повидимому, в центре плоскостных панно. В процессе работ из завалов строительного мусора отобраны все обломки штуковой декорации и выделены куски с уцелевшим резным орнаментом. Некоторая часть их без особого труда может быть снова установлена на свое прежнее место, другие же дают обильный дополнительный материал для изучения мотивов и отдельных элементов орнаментации зала и примыкающего к нему айвана. В более нижних слоях завала, рав-

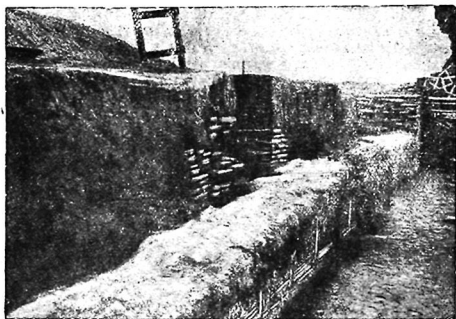
104. Остатки ворот и западной внешней стены, окружавшей территорию комплекса дворцовых зданий

но как и на нижних частях стен, разрушительное действие на штук оказали соли: алебастр утратил твердость, стал пухлым и рассыпается при малейшем прикосновении. Сохранившийся на месте толстый слой мягкой, резной алебастровой штукатурки во многих местах прорезан корнями растений и ходами роющих грызунов.

Расчистка завалов дала также большое число тесаных и резных фигурных облицовочных кирпичей. Чаше всего встречаются плитки, сделан-

ные путем соответствующей обработки из половинок квадратного строительного кирпича. Размер одной из плиток $25 \times 11 \times 4,5$ см³, причем одна из коротких сторон ее затесана полукругом. Кирпич в изломе белого цвета, хорошего обжига. Большинство кусков со следами алебастровой штукатурки. Обработанные таким образом плитки условно назовем формой 1. Не менее распространенными при отделке строения были облицовочные плитки, отмеченные как фигурный кирпич № 2 и напоминающие собой форму цифры 3; они имеют средний размер $13 \times 12 \times 4,5$ см³.

У двух малых боковых устоев айвана, посредине наружной стороны, обращенной во двор, удалось обнаружить нижнюю часть декоративного пилястра, выложенного из указанных двух форм фигурного кирпича. На всех четырех углах каждого из этих пилонов возвышались трехчетвертные колонки несколько более крупного размера в диаметре, нежели в центральном помещении. Декоративные пилястры, сохранившиеся на высоту около 20 см, начинаются со второго пояса панели, имеющего наиболее тщательную отделку, и выложены они следующим образом: с двух вертикальных сторон идет выдающаяся вперед кладка из отмеченных выше обработанных плиток формы 1, образующих узкую барельефную рамку с округлыми лицевыми сторонами, в которую вставлены фигурные кирпичи формы № 2. Сложенные попарно, они клялись и в вертикальном и в горизонтальном положениях: на южном устое айвана имеется образец первой выкладки, а на северном — второй. Спаренные кирпичи были утоплены в рамке и рассеченная таким образом плоскость, сосредоточивая зрительное впечатление на декоративном пилястре и подчеркивая конструктивное назначение устоя, в то же время делала последний для восприятия более легким и высоким

105. Остатки восточной стены аудиенц-зала. Сзади параллельно ей видны остатки второй стены пахсовой кладки

Кроме двух упомянутых форм облицовочных плиток, удалось установить еще около трех десятков других, употребленных для первоначальной отделки зала и айвана. Почти все они носят следы обработки после

обжига и были специально изготовлены для украшения плоских и округлых частей сооружения. В дальнейшем, при описании наиболее характерных типов, сохраняется последовательная нумерация:

№ 3. Плитки этой формы тесаного кирпича размером $13 \times 13 \times 4,5$ см³ подвергались нескольким вариантам обработки, а именно: 1-й вариант — на одной стороне кирпича к трем углам сделаны скосы, четвертый угол оставлен без обработки; 2-ой — обе стороны плитки обработаны вышеуказанным образом; 3-й — на одной стороне скосы произведены во всех четырех углах, а на другой только в двух. Посредине квадратных сторон проведено углубление, делящее плитку на две равные части.

№ 4. Кирпич разм. $20 \times 13 \times 4,5$ см³; фигурной обработке подвергнута часть двух ребер, сходящихся в одном углу.

№ 5. Кирпич разм. $20 \times 13,5 \times 5$ см³; форма обработанной плитки представляет взятый в плане ствол трехчетвертной колонки с углублением в виде выреза при переходе от ствола к плоскостному оформлению бока устоя. Употреблялся для сооружения угловых трехчетвертных колонн на углах пилонов.

№ 6. Фигурная плитка разм. $12 \times 7 \times 4$ см³; обработаны четыре стороны: три сведены в одну кривую полуокружности, а на четвертой вырезано 2,5 см в диаметре полукруглое отверстие, сдвинутое к одному из углов. Эти фигурные плитки могли складываться попарно плоскими сторонами и образованные таким образом кружки, включенные в оформление лицевой кладки, облегчали впечатление тяжести кирпичного сооружения.

№ 7. Кирпич разм. $13 \times 12 \times 3,5$ см³; обработка произведена со стороны одного короткого ребра; полученная декоративная форма плитки уже имеет в литературе название „бантика“. Употребление последних для разделки вертикальных поверхностей неоднократно отмечалось в очерках по истории среднеазиатской архитектуры.

№ 8. Кирпич разм. $11 \times 9 \times 6$ см³; обработке подвергнута одна из широких сторон плитки — скосами, проведенными в разные стороны по обоим половинкам от возвышающейся линии в середине; одно узкое ребро и два прилегающих к нему стесаны полукругом.

№ 9. Кирпич разм. $33 \times 27 \times 5$ см³; обработанная плитка в плане представляет неправильный семиугольник. Рисунок несколько напоминает бантик, растянутый по горизонтали. Судя по форме, употреблялся для выкладки стволов трехчетвертных колонн. Зарегистрированная плитка кирпича частично сохранила следы алебастровой штукатурки, положенной на вытесанные ребра.

№ 10. Кирпич разм. $20 \times 14 \times 4,5$ см³; лицевую обработку имеет узкое ребро, обтесанное бантиком без перехвата, одна половинка бантика по сравнению с другой удлинена. В декорировке, повидимому, употреблялся как вертикальное оформление.

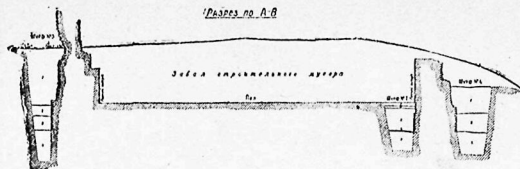
№ 11. Плитка фигурная разм. $14,5 \times 13 \times 5$ см³; лицевая сторона — короткое ребро, обтесанное формой, напоминающей букву З с отогнутым в обратную сторону одним концом.

№ 12. Плитка фигурная разм. $8 \times 6 \times 4,5$ см³; форма обработки, близкая указанной под № 6 — выточенное полукруглое отверстие находится посредине плоской стороны.

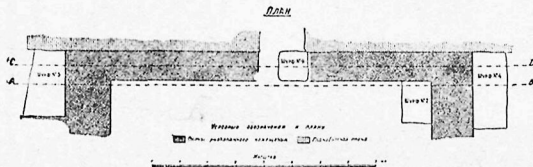
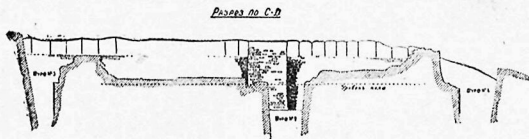
№ 13. Плитка фигурная $11,5 \times 9 \times 4$ см³; форма несколько напоминает букву З с одним срезанным и другим вытянутым концами.

№ 14. Плитка фигурная разм. 14×5 см³; обработка напоминает начертание арабской буквы J с хвостом, загнутым в обратную сторону.

№ 15. Плитка фигурная разм. $10,5 \times 4,5 \times 6$ см³; лицевой обработке подвергнуто одно длинное ребро, стесанное двумя полуизгибами с постепенным утоньшением к одному концу.

- Легенда
- 1. Зубая стрельчатый свод
 - 2. Пол
 - 3. Ступенчатый свод
 - 4. Ступенчатый свод
- Вид А
- 1. Зубая свод
 - 2. Ступенчатый свод
 - 3. Ступенчатый свод
 - 4. Ступенчатый свод
- Вид В
- 1. Ступенчатый свод
 - 2. Пол
 - 3. Пол с стрельчатым сводом
 - 4. Ступенчатый свод
 - 5. Ступенчатый свод

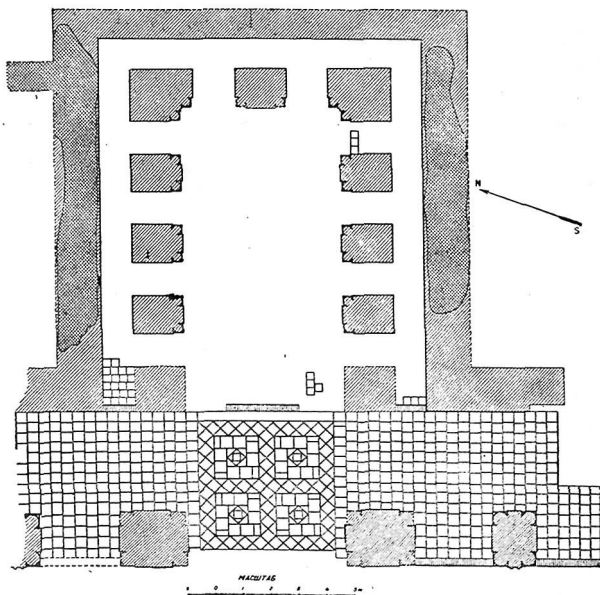

Чертежи С.А. Бонина

106, Разрезы и план восточной стены аудиенц-залы

№ 16. Обтесанная клином плитка разм. $14 \times 8,5 \times 4$ см³; лицевая сторона — ребро длиной 8,5 см имеет форму неправильного ромба с вытянутыми двумя сторонами.

Из многочисленных архитектурных фрагментов внутренней декорации особенный интерес представляет найденный в центральном помещении обломок резного панно с нижней частью лапы хищного зверя. По своей трактовке он очень близко напоминает сохранившиеся на внутренней южной стене помещения геральдические изображения животных. Предназначенное для помещения на вогнутой поверхности, панно это, насколько можно судить по небольшому обломку, было, повидимому, более крупного размера, нежели уделавшие на месте.

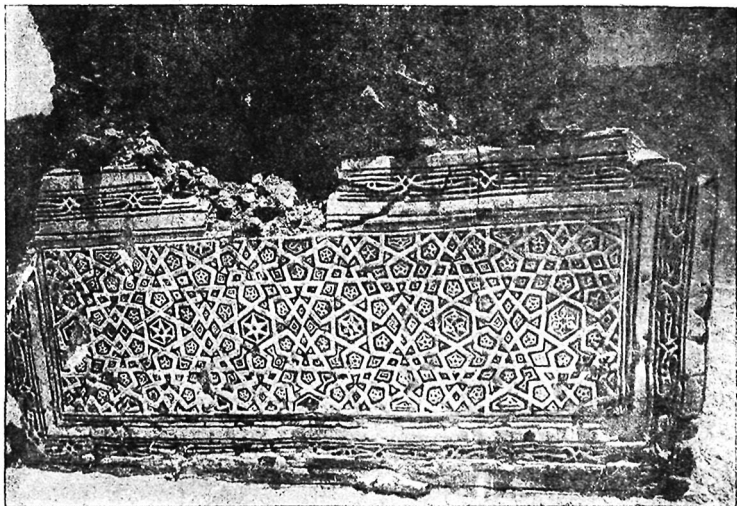
107. Схематический план аудиторного зала и прилегающего к нему айвана

В северной части помещения обнаружены три фрагментарных куска с арабскими надписями, вырезанными на толстом слое алебастровой штукатурки. Одна из этих надписей находилась на верхней части, очевидно, под капителю трехчетвертной колонны среднего устоя; две других были

помещены на лицевой стороне арочек коридора и интерколумния. Попытки прочесть эти надписи привели к следующим результатам: первая надпись на среднем устье (الآخره) الدنيا قنطره, что означает „Настоящий мир — мост [будущей жизни]“; вторая — могло быть فليك المقام, т. е. „да будет место сие...“ и, наконец, третья надпись, на которой четко выделяются сохранившиеся только конец одного слова, соединительный союз „и“ и начало другого слова ولدو اسل, вероятно представляет обычное пожелание, часто встречаемое на разного рода посуде того времени. Возможная дешифровка ее دوله والسلامه означает: „богатство и здоровье“. Вопреки установившемуся мнению, можно с уверенностью сказать, что ни одна из надписей не взята из корана.

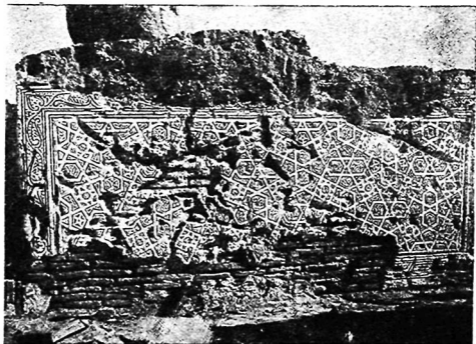
Содержание их имеет не религиозный, а, скорее, светский характер. По характеру письма надписи могут относиться и к XI и к XII векам и эпиграфически вполне соответствуют времени Сельджукидов и близкой к ним династии Гуридов. При расчистке примыкающего к залу айвана обнаружены обломки алебастровых решеток разных размеров, в нескольких фрагментах которых уцелели цветные стекла. Здесь же на кирпичном настиле пола найдена почти целиком сохранившаяся вогнутая решетка, имеющая форму треугольника. Изобилие осколков цветного стекла, встреченных по всей раскопанной площади айвана, указывает на чрезвычайно широкое применение остекления световых проемов здания. Отверстия решеток заполнялись разноцветными осколками стеклянной посуды. При раскопке были встречены как вогнутые стенки баночек, так и утолщенные к центру днища склянок, вставленные в панджара. Сравнительно незначительные по величине — всего несколько квадратных сантиметров — отверстия решеток давали возможность использовать для остекления осколки бракованной посуды. Толщина и ширина решеток варьирует от 4 до 1 см. Надо поэтому полагать, что в толстые переплеты включались тонкие решетки и уже последние имели сквозные отверстия для стекол. В самом помещении осколки разноцветного стекла отмечены в небольшом количестве, — территориально они преобладают в западной части, прилегающей к айвану.

По территориальной распространенности обломки решеток с цветными стеклами в завале совпадают с фрагментами тонкой алебастровой штукатурки с росписью, нанесенной черной, синей, красной и зеленой красками. Наибольшее скопление этих фрагментов, почти всегда лежащих лицевой стороной к полу, обнаружено на площадке, занятой айваном. Сравнительно небольшое количество их встречено также и в западной части зала; между тем, ни в коридорах, ни в центральном помещении здания фрагментов штукатурки с росписью при обследовании не обнаружено. Некоторые обломки имеют вогнутую форму — это указывает на то, что они были некогда составной частью кривых поверхностей, перекрытия айвана. Большинство фрагментов размельчено при падении и, очевидно, размельчались и дальше при последующих обрушениях верхних частей здания. Слой раскопанной штукатурки 1—2 мм, о фрагментах которого только что сказано, был положен на толстую глиняно-саманную смазку. Краски наносились на сухой грунт и требуют при раскрытии немедленного закрепления. Орнамент росписи растительный и геометрический, причем первый преобладает; в геометрический орнамент включены надписи, позднекуфического почерка. Из всех сохранившихся обрывков текста эти надписи, включенных в роспись, удалось пока прочесть только одно слово سعادت, что означает „благополучие“. Элементы и мотивы орнамента очень разнообразны. На одном из фрагментов, имеющем размеры 14 × 15 см, немного более одной трети всей его площади занимает чистый белый фон, остальная часть покрыта несколько стилизованными цветами, при-

108. Штукровая декорация цокольной части устоя

чем синей краской расписаны все причудливые формы лепестков, ограниченные по краям от белого фона черными линиями, а середина цветка выделена яркой красной краской. На другом фрагменте, размером 16×9 см, росписью покрыта вся площадь, делящаяся на две части широкой черной каймой, в которую вписаны большие белые кружки с сосочками; кружки и сосочки расположены не посередине каймы, а сдвинуты к одному краю. По одну сторону от этого мотива, отделенного белой каймой, на синем

109. Панель восточной стены айвана. На снимке видны ходы, проделанные в алебастре грызунами и оставленные корнями растений

фоне ярко выделяется белый растительный орнамент (стебли, листья, цветы). Кроме того, все элементы орнамента выделены черными линиями разной толщины в зависимости от размера мотива. На противоположной стороне по белому фону тонкими черными линиями также нанесен растительный орнамент.

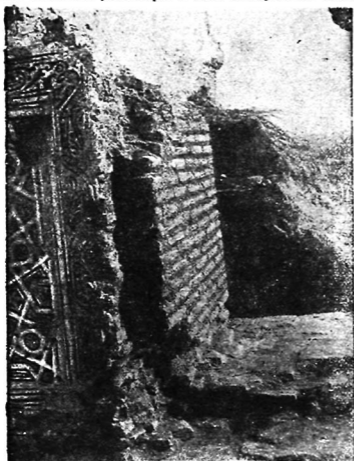
Проф. Ф. В. Баллод в своей работе „Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды“ отмечает, что в развалинах одного из домов Сарая около самой стены „было найдено значительное количество кусочков отбитой штукатурки, расписанной по белому фону клеевыми красками [см. табл. 25], синюю, красную, желтую и черную, а также золотом, частью геометрическими, частью растительными мотивами [см. табл. 26]*“. Роспись этой штукатурки по своим мотивам, как это видно из приложенных проф. Ф. В. Баллод к работе таблиц, имеет некоторую, но очень отдаленную, обусловленную, может быть, только одинаковыми техническими приемами общность с росписью фрагментов, отмеченных нами при раскопках здания.

Обнаруженные при расчистке завалов верхней галлерей, проходившей над коридором, три фрагмента глиняных „каса“ ** сохранили незна-

* Ф. В. Баллод—Старый и Новый Сарай столицы Золотой Орды. Казань, 1923, стр. 55.

** Каса — чашка средних размеров; более маленькая носит название „нимкаса“ и более крупная „шакаса“.

чительные остатки двух красок, употреблявшихся, очевидно, для нанесения росписи по штукатурке. Производивший общий анализ их Л. Л. Окулич-Казарин сообщил, что краски, повидимому, были разведены на слабом клеевом растворе и дал следующее заключение:

110. Гнездо дверного проема, ведущего из айвана в южное помещение

1. „Качественные реакции указывают, что данная краска есть ультрамарин и, по всей вероятности, природный [ляпис-лазурь], так как возгона свободной серы не получилось, а также и цвет более светлый, чем ультрамарин. Оба эти свойства зависят отчасти от способа приготовления ультрамарина“.

2. „Налет краски оранжево-красного цвета, на глиняном черепке, представляет краску сурик оранжевый [сатурн рот] с небольшой примесью углекислых солей [известь и гипс отсутствуют], очевидно, углекислого свинца. Таким образом можно полагать, что сурик приготовлен из свинцовых белил; возможно также, что свинцовые белила прибавлены для получения более светлого оттенка“.

Известно, что одно из важнейших старых месторождений лазурита, издавна употреблявшегося не

только как материал для различных поделок, но также и для приготовления синей краски, находилось в горах Южной Бухары, почему, повидимому, он и получил название бухарского камня. М. Е. Массон приводит в своей статье „Из истории горной промышленности Таджикистана“ замечание арабского путешественника Ибн Батута [1304—1377], посетившего в первой половине XIV века разрушенный монголами Балх и отметившего, что развалины крупных сооружений еще сохраняли в некоторых местах окраску лапись-лазурью, добывавшейся в горах Бадахшана*. Изготовление свинцовых белил также было известно еще грекам за несколько столетий до н. э. Свинец же в X веке служил вместе с другими горными продуктами предметом экспорта из Балха**.

Из обнаруженных архитектурных частей следует упомянуть еще о фрагментах керамических желобов для стока воды. Один такой желоб удалось собрать целиком; длина его 55 см, глубина 3 см, высота 4 см,

* М. Е. Массон — Из истории горной промышленности Таджикистана. Былая разработка полезных ископаемых СССР. Труды Таджикско-Памирской экспедиции, в. XX, Л. 1934, стр. 21.

** Там же, стр. 45.

средняя толщина черепка 1—1,5 см. Жолоб изготовлен из хорошо отмученной ровного обжига глины. На поверхности его сохранились следы красной краски.

Собранный в завалах материал по своему количеству и разнообразию довольно объемист и обработка его явится темой специального исследования. В настоящей же статье для характеристики его хронологического состава укажем только несколько типичных объектов, датирующих, вместе с тем, различные периоды существования частично раскопанного сооружения.

1. На полу помещения обнаружен небольшой черепок стенки касы, сделанной из хорошо отмученной ровного обжига глины; толщина стенок 5 мм. Внутренняя сторона черепка покрыта желтой поливой светлого и темного оттенков; орнаментальный мотив нанесен красными продольными линиями. Черепок характеризует собой рыночное производство конца XII, начала XIII века.

2. Фрагмент поливной керамики, толщина черепка 6 мм, ровного обжига. Полива преобладает зеленая. Линейный орнамент в виде продольных дорожек нанесен черными, коричневыми и белыми полосами. С наружной стороны черепок красного цвета. Глазурь шероховатая, местами пузырчатая, положена неровным слоем. Черепок датируется концом XII и началом XIII века.

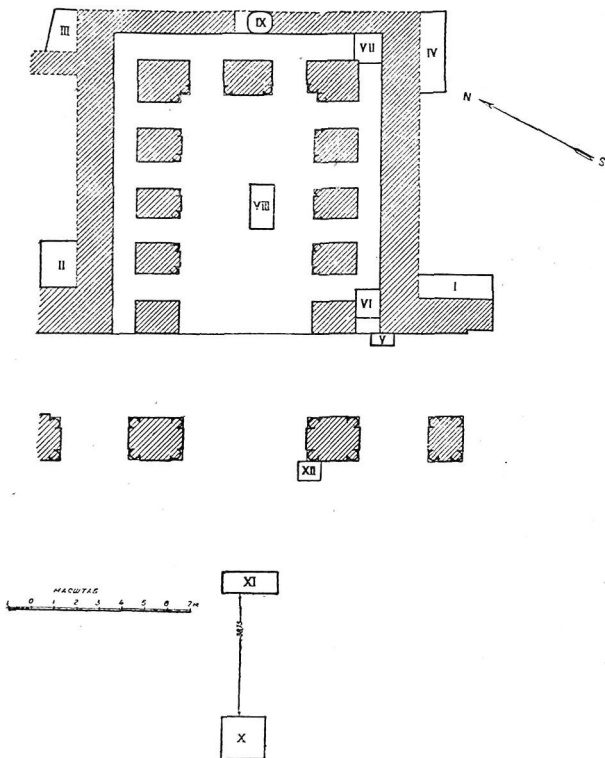
3. Фрагмент поливной керамики от стенки касы, толщина 8—5 мм. Приготовлен из отмученной, розового цвета глины ровного обжига. Поливой белого цвета покрыта только внутренняя сторона черепка. Орнамент точечный, нанесен небольшими кружочками коричневого цвета, из которых шесть расположены по кругу и один в середине. Полива шероховатая, местами пузырчатая; положена неровным слоем. Датируется концом XII и началом XIII века.

4. Небольшой черепок от глиняного сосуда, толщина 4,5 мм. Внутренняя сторона покрыта темнозеленой поливой. Черепок ровного обжига. Датируется XV веком.

Для обследования цоколей, фундамента и грунта в связи с намеченным сооружением здания-футляра музейного типа и для выяснения культурных слоев, лежащих ниже уровня первоначального пола залы, были заложены десять шурфов. Месторасположение их указано на схематиче-

111. Остатки южного малого устоя айвана

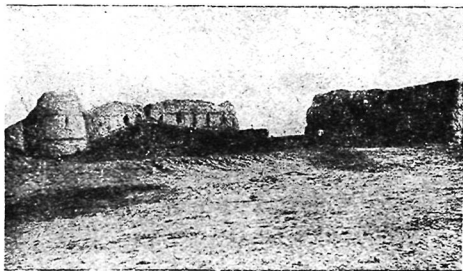

112. Схема расположения шурфов, заложенных для обследования подземных частей и изучения стратиграфии культурных и погребенных почв участка, занимаемого дворцом

ском плане: четыре у внешних углов, образуемых стенами зала; три у внутренних; один в разрушенной части восточной стены; другой в полу центральной части зала и последний у северо-западного бока южного portalного устоя айвана.

Работы по вскрытию фундамента юго-западного угла начались с расчистки гребня капитальных стен. В завале толщиной в среднем 0,5 м, считая от поверхности его до остатка уцелевшей стены, обнаружены осколки цветного стекла, роспись по алебастровой штукатурке и фрагменты керамики. Нижние части вскрытых раскопками стен сложены из целых плит обожженного кирпича только по наружным сторонам, середина же заполнена кладкой на глиняном растворе более или менее подобранных друг к другу крупных обломков. Толщина стен достигает до 1,55 м.

Шурф № 1 прошел по всей восточной стороне западной стены, т. е. с севера на юг на 3,4 м и с запада на восток на 1 м. На глубине 0,8 м от гребня стены в северной части шурфа обнаружен настил пола из обожженного кирпича; небрежная кладка его на глиняном растворе с широкими неровными швами между плитками резко отличается от тщательно выложенного на алебастровом растворе кирпичного пола галлерей. До этого настила идет сплошной завал из сырца. Ниже его, на глубине 1—1,2 м залегает пухлый слой из песка и глины с большим содержанием строительного мусора и фрагментов грубой неполивной керамики; с окончанием этого слоя связана глубина залегания фундамента. Закладка последнего была произведена на уплотненном лессе. Интересно отметить, что южный конец западной стены упирается в глинобитный дувал, сооружение которого относится, повидимому, к более раннему времени, чем постройка капитальных стен аудиденц-зала.

113. Остатки ворот в восточной части внешней стены, окружающей территорию комплекса дворцовых зданий

Шурф № 5 заложен для обследования фундаментов западной стены, проходящей вдоль айвана. В начале работ для закладки шурфа пришлось вынуть три кирпича из настила пола, сложенного на алебастровом растворе. Под полом айвана обнаружена забутовка из крупного строительного мусора.

Подземная часть стены состоит из семи рядов кладки жженым кирпичем на глиняном растворе и заложена она ниже пола на глубину 0,43 м. На уровне этого горизонта проходит граница между отмеченным слоем забутовки и нижним уплотненным слоем глины с включением культурных

отложенный. Чтобы не разбирать сложенного на алебастре хорошо сохранившегося здесь порога и в целях более полного обследования фундамента внутреннего юго-западного угла откопанной части строения, был заложен еще шурф № 6 в западном конце южного коридора помещения, между крайним устоем и стеной. Этот шурф глубиной в 0,75 м установил, что кладки фундаментов стены и устоя связаны между собою под порогом, и что фундамент состоит из 10 рядов обожженного кирпича, сложенного на глиняном растворе, и проходит на глубину 0,6 м ниже уровня пола аудиенц-зала.

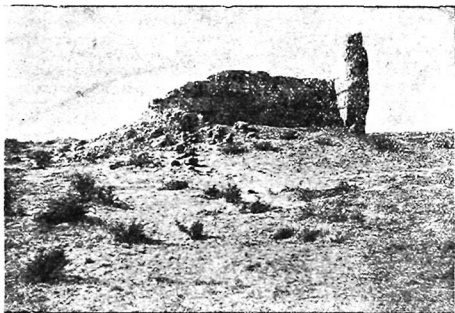
Шурф № 3, заложенный у внешнего северо-западного угла, прошел по метровому слою отвала, оставшегося, повидимому, от раскопок 1928 года. Ниже, до глубины 3 м отмечен сплошной завал строительного мусора с большим количеством обломков жженого кирпича. В толще завала встречаются куски росписи красного, синего и черного цвета, положенной на тонкий слой 1—2 мм алебастровой штукатурки. Из черепков керамики преобладают фрагменты грубой посуды. Полового настила в этой части северного помещения не сохранилось. Глубже 3 м лежит уплотненный лесс с остатками строительного мусора. Южный и западный бока шурфа упираются в кирпичную кладку стен северного помещения, отделенного от аудиенц-зала и айвана капитальными стенами. Внутренние развороты последних сохранили в некоторых местах глиняно-саманную смазку. По видимому, поверх нее была положена тонкая алебастровая штукатурка с росписью, следов которой на месте в открытой части не обнаружено. В завалах строительного мусора обломков штука зарегистрировано не было, вследствие чего можно предполагать, что в декоративной отделке этого помещения он отсутствовал.

114. Руины здания № 1

При обследовании восточной стены зала удалось выявить сохранившуюся рядом с ней нижнюю часть дувала с характерными для этого глинобитного сооружения вертикальными разрывами в связке. Ни конца этого дувала, ни поворотов его нащупать еще не удалось, но обнаружено, что глинобитная стена продолжается в северном и южном направлениях значительно дальше, чем раскопанное помещение и что постройка дувала произведена до возведения стены из сырцового кирпича вдоль восточного фаса.

Шурф № 9 вскрыл в обнаженной раскопкой части дувала проем, который был позднее заложен жженым кирпичем на глиняном растворе. Расчистка гребня восточной шипцовой стены установила наличие находящегося в ней на расстоянии 6,9 м от внешнего северо-восточного угла проема, служившего в первый период существования здания запасным проходом, скрытым за средним устоем. Затем этот проем был заложен и с внутренней стороны всю плоскость восточной стены покрыли толстым слоем резной алебастровой штукатурки. Таким образом можно считать установленным, что за продолжительный, повидимому, период бытования здания во внутренних помещениях его не только происходила перемена декоративной отделки, но изменялся и характер использования этих помещений. Для обследования фундаментов восточной стены было заложено 4 шурфа: у двух внешних углов, у внутреннего юго-восточного угла и контрольный шурф № 9 в разрушенной части ее. Во всех открытых частях конец фундамента совпадает с горизонтом более уплотненного слоя глины, содержащего незначительное количество строительного мусора, Шурф № 9, доведенный до слоистых отложений текучих вод, проходящих ниже уровня полового настила аудиенц-залы на 3—4 м, обнаружил, что уплотненный горизонт времени первоначального строительства находился на глубине 2,15 м.

115. Развалины предполагаемой караулханы у ворот западной части внешней стены

Для проверки предположения о возможном наличии бассейна посредине внутреннего двора был заложен шурф № 10 площадью в 4 м², в центре между четырьмя фасадами здания № 2. Углубление его дало следующие данные к характеристике культурных наслоений этой части двора: а) на глубине 0—0,5 м обнаружен плотно слежавшийся слой лесса и песка, в котором изредка встречаются куски жженого кирпича; б) на глубине 0,5—1 м тот же лесс и песок с небольшим количеством строительного мусора, обломков костей и черепков глиняной посуды; в) на глубине 1 м в беспорядке лежали несколько разбитых плиток обожженного кирпича; г) на глубине 1—1,4 м глинистый слой включал гумусные прослойки; кроме плиток строительного квадратного кирпича, обнаружено несколько кир-

пичей фигурных—тесаных и резных, много черепков неполивной керамики и, наконец, зерна ганча; д) на глубине 1,5—1,8 м залегал уплотненный культурный слой с черепками поливной глиняной посуды, датированными XII веком и, наконец, на глубине 1,8 м по всему дну шурфа зафиксирована с коркой поверху смазка раствора толщиной в несколько сантиметров, содержащего примесь золы.

Раствор положен по настилу плит обожженного кирпича размером 24×25 ; 23×23 ; $24,5 \times 26$ см² с широкими от 2 до 4 см швами, заполненными, повидимому, таким же гидравлическим раствором.

Грани кирпичного настила на открытой шурфом площади не обнаружено. Очевидно, вскрытая часть является дном бассейна, расположенного посредине внутреннего двора. Заложенный для установления уровня дворцового настила по счету 11 шурф достаточных для суждения данных не дал, но показал, что культурные наслоения залегают здесь на глубине 2 и больше метров.

Перейдем теперь к описанию раскопанного помещения, названного нами аудиенц-залой. В плане оно представляет прямоугольник, вытянутый с востока на запад на 13,5 м и с севера на юг на 11,5 м. С трех сторон помещение замкнуто стенами: с северной и южной капитальными, сохранившимися на значительную высоту, с восточной—щипцовой, уцелевшей отчасти только до уровня нижнего пояса панели; западная сторона была открыта и к ней непосредственно примыкал крытый айван. От последнего зала была отграничена порогом высотой в 27 см. В зале откопано одиннадцать устоев, из которых два, оформлявшие повороты расщеченной внутренней стены, расположены в северо-восточном и юго-восточном углах, один—посредине, против восточной стены, а остальные восемь—по четыре вдоль южной и северной стен. Таким образом помещение разделялось на три части: центральную [площадью примерно $10,5 \times 5,5$ м], коридор, окружающий с трех сторон центральную часть и имеющий ширину 1,1 м, и 10 проходов между устоями—интерколумнии. Ширина последних варьирует от 1,15 до 1,47 м при длине от 1,5 до 1,9 м. Из всей площади помещения в 155 м² центральный зал занимает 39% [60,5 м²], коридор 0,27% [42,5 м²], устои 0,21% [или 32 м²] и интерколумнии 0,13% [20 м²]. Ни в одной из указанных частей раскопанного помещения верхних перекрытий не сохранилось. Некоторые данные для возможной попытки реконструкции этих перекрытий дают уцелевшие в нескольких местах пять арок, перекрывающих коридор и интерколумнии. Относительно хорошо сохранились нижние части стен: почти на всем развороте их имеется резная алебастровая штукатурка. В схематическом плане наличие ее отмечено утолщением линий стен. Пол всего помещения был выложен квадратными плитами обожженного кирпича разм. $27 \times 27 \times 5,5$ см³, сохранившимися в некоторых местах на вскрытой площади. Половой настил интерколумний поднимался сантиметром на 6 над уровнем настилов центрального зала и коридора. У порога капитальные стены под прямым углом поворачивают на юг и идут дальше вдоль примыкающего с западной стороны айвана шириною в 5,65 м. В расстоянии 3,75 м от поворота в первой южной стене находится гнездо дверного проема, ведущего в помещения, расположенные с южной стороны. На открытой во внутренний двор площади айвана в 3,65 м к западу от порога залы обнаружены четыре стоящие в ряд устоя, два из которых по бокам главного входа выделяются своими крупными размерами $2,4 \times 2$ м. В 2,85 м от них к северу и югу находятся устои меньшего размера $1,5 \times 2$ м. В проходах между ними сохранился порог. В плане пилоны имеют вытянутую форму. Нижние цокольные части их всюду почти уцелили, за исключением двух крайних западных в зале, удержавших лишь незначительные куски резно-

го штука, замороженного во время расчистки гипсом к заново сложенной стенке. Наилучшую сохранность являет собой 3-й устоя северного коридора, достигающий высоты до 2,3 м. Одна из его трехчетвертных колонок возвышается на 1,48 м. в верхней ее части проходит надпись, выше которой, повидимому, находилась капитель. По углам, на обращенных внутрь центрального помещения лицевых сторонах каждого устоя, возвышались трехчетвертные колонки. Они были включены во вторые, несколько нависающие над панелью цокольной части декоративные пояса устоев. Лицевая сторона залы обращена на запад. Перед порогом центрального помещения, между порталными устоями айвана, отмечена дорожка, выложенная фигурной кладкой из обожженного кирпича, основной мотив которой состоит в сочетании квадрата и треугольника. Вся площадка ее $[8,85 \times 5,65 \text{ м}^2]$ разделена на четыре части, причем в каждой из них повторяется один и тот же рисунок. Квадратные плиты кирпичного пола айвана разного размера $[44 \times 44 \times 5,5 \text{ см}^3; 38 \times 38 \times 5,5 \text{ см}^3; 35 \times 35 \times 4,5 \text{ см}^3]$, преобладает кирпич размера $38 \times 38 \times 5,5 \text{ см}^3$. На всех четырех углах боковых устоев айвана возвышались трехчетвертные колонки. Можно предполагать, что такое же оформление имели и центральные устои, сохранившие только свои нижние цокольные части. Почти все вертикальные плоскости аудиенц-зала и айвана удержали резной штук. Последним были также украшены и своды залы. Декорировка каждой из отдельных частей была по своему оформлению различна. Орнаментальные мотивы алебастровой штукатурки подчеркивают конструктивное назначение архитектурных частей. Особенный интерес в этом отношении представляет плоскостная отделка интерколумниев, служивших проходами из центральной высокой залы в более низкие коридоры. Половина их, прилегающая к центральному помещению, имеет ярко выраженный вертикальный, устремленный вверх орнаментальный мотив, тогда как другая часть, примыкающая к коридору, дает умеренный переход к горизонтальному оформлению настенных декораций. Резьба штука на сводах более выразительна. Здесь нет расплывчатости мотивов и каждый элемент ярче выделяется четкостью своих очертаний. На отдельных кусках, обнаруженных в зале, часто встречается орнамент стилизованной кисти винограда, маркированный в классификации орнаментов стеной декорации построек Самарры Херцфельдом под 251 номером и отнесенный им к третьему стилю в группу виноградных усиков [Die Weinranke]*.

В самой технике изготовления резного штука нужно отметить два приема. Первый из них заключается в том, что толстый слой алебаstra накладывался на стену и резьба производилась на вертикальных поверхностях по намечавшемуся тонкими углубленными линиями рисунку орнаментальных мотивов. При втором приеме резная плита изготовлялась отдельно, очевидно, в горизонтальном положении и затем целиком приμο-раживалась на определенное место. Из таких плит — отдельных панно — состоит второй пояс декоративного оформления устоев. На южной стене в коридоре уделели над поясом верхней панели остатки панно с изображениями фантастических зверей, описанию которых была, как отмечено выше, посвящена специальная статья проф. Б. П. Денике.

Относительно верхних конструктивных частей здания можно предположить следующую реконструкцию: центральное помещение имело сводчатое перекрытие, опиравшееся на устои, расположенные вдоль южной и северной стены; между пилонами были перекинуты арки, более высокие со стороны залы и заниженные в части, примыкающей к коридору, имев-

* Herzfeld, E. Der Wandschmuck der Bauten von Samarra und seine Ornamentik. Berlin. 1923, стр. 190, табл. LXXXVII.

шему небольшие купольные перекрытия в части, прилегающей к интерколумниям, а между ними находились сводчатые, более низкие по сравнению с первыми. Над всем коридором проходила галерея второго этажа, от которого, так же как и от первого, сохранились в капитальных стенах пять сводчатых перекрытий. В декоративной отделке трехчетвертных колонок, расположенных по углам устоев аудиенц-залы, сделаны вырубь. На цокольной части продолжением их являются алебастровые налеты, положенные поверх резного штуча. В последнем нельзя не видеть следов дальнейшего приспособления этого помещения к новым требованиям.

План откопанного помещения ясно показывает, что оно является только частью целого комплекса помещений одного здания и представляет собой только большую и хорошо декорированную залу, принадлежащую грандиозному сооружению.

Толща завала, отходя от аудиенц-залы, заметно уменьшается. Это показывает, что с южной стороны сооружения, повидимому, были расположены одноэтажные помещения. На поверхности, среди строительного мусора, чаще всего обнаруживаются фигурные кирпичи двух форм: первая форма в виде цифры „3“ и вторая — продолговатая с обтесанным полукругом узким ребром. Прослеживая направление и повороты завалов, которые тянутся в виде сохранившихся валов, можно предполагать, что раскопанная аудиенц-зала находилась в системе построек восточного фаса, к которому примыкал внутренний с бассейном посредине двор. С северной и южной сторон двор замыкался айванами, менее грандиозными, нежели айван, прилегающий непосредственно к приемному залу. К западу, напротив последнего, возвышается руинообразная система стен, имеющая протяжение с севера на юг в 40 м и по своему виду и местоположению являющаяся, повидимому, остатками портала этого же дворцового сооружения. От самой стены северного фаса сохранился небольшой, но высокий кусок, сложенный на основании из жженого кирпича. Средние размеры плиток этого кирпича такие же, как и остатков стен в руинах западного и восточного фаса, т. е. $27,5 \times 27 \times 5,5$ см³. Повороты стен прослеживаются только в юго-восточном и северо-восточном углах. Таким образом в результате работ 1936 г. в плане выявляется крупное прямоугольное сооружение протяжением 100 м с востока на запад и около 75 м с севера на юг. Наиболее уцелевшая часть восточного фаса этого строения и получила в отчетах Музея восточных культур наименование здания № 1. Несомненно, что все это сооружение является дворцовым строением типа ападан, которое по обыкновению в систему жилых помещений не включалось и по своим конструктивным особенностям, сохраняющимся в порядке традиции, до известной степени напоминает типы архитектурных сооружений времен сассанидов и ахеменидов.

При обследовании это сооружение легко разделяется на пять частей: восточный, северный, западный и южный фаса и заключенный между ними внутренний двор. На ровной поверхности последнего, кроме строительного мусора, находятся в изобилии черепки глиняных сосудов, обломки монетных кружков и других различных металлических изделий из меди и железа. Около южной стены обнаруживаются остатки наиболее тонких керамических изделий; на остальной площади двора преобладают осколки грубой глиняной посуды. Фрагменты керамики, находимые на поверхности развалин, относятся к периоду от X до XVI века и указывают, что жизнь здесь протекала вплоть до XVI в. Вскрытый завал резко разделяется на две части: первая часть состоит, главным образом, из остатков строительного мусора, датируемого временем от начала сооружения здания до окончания всех его декоративных отделок, и вторая, — содержащая различные обломки конструктивных и декоративных частей помещения, от-

носятся, повидимому, уже к более позднему времени, т. е. к периоду разрушения здания, которое произошло, очевидно, не сразу, а постепенно. К тому же строительные материалы здания, а особенно кирпичи, в последующие строительства использовались для вновь возводимых сооружений. Таким образом, когда наиболее легко поддающиеся разборке и утилизации части были изъятые, то остатки строения, предоставленные самим себе, естественно, постепенно превратились в руины. Суммируя ряд наблюдений, полученных при вскрытии аудиенц-залы и айвана, необходимо, хотя бы предположительно, выделить следующие периоды бытования этих помещений: а) постройка их и первоначальная декорация тесаными и резными фигурными кирпичами была произведена не раньше XI века и, вероятно, относится к правлению династии Сельджукидов; б) отделка их резным шtukом произведена была во второй половине XII или в начале XIII века и, повидимому, относится ко времени, когда город находился в руках Гуридов.

Переделка залы и устройство между пилонами перегородок, отделяющих центральное помещение от интерколумниев, между 1206 и 1220 годом, вероятно, произведена при правлении Мухамма Хорезмшаха. Помещение, еще сохранившее верхние перекрытия, утратило свое назначение аудиенц-залы, но использовалось в некоторых частях еще в XIII и XIV веках. Последний период с XVI в. вплоть до последнего времени помещение уже не имело перекрытий. Таким образом процесс наибольшего разрушения здания относится к XV веку.

Около здания № 2 расположены остатки нескольких руинообразных сооружений, заключенных в одну общую ограду. При произведенном рекогносцировочном обследовании этих объектов выяснилось, что наружная ограда с включенными в нее полубашенными выступами сохранилась с трех сторон ансамбля: западной, северной и восточной. Стены ограждения возведены из пахсы, между поясами которой проложено, очевидно для большей прочности, несколько прослоек из сырцового кирпича разм. $28 \times 28 \times 5$ см³. Западная стена уцелела на протяжении 120 м; на этом участке она имела двое ворот — одни, повидимому, главные, прослеживаются только в плане и вторые, достигающие высоты до 4 м, сложенные все из квадратных плиток сырца и имеющие основание из жженого кирпича, уцелели сравнительно хорошо. Возможно, что первые ворота были целиком построены из жженого кирпича, послужившего строительным материалом для более поздних сооружений. Верхняя часть стены сильно оплыла и только в некоторых местах она поднимается выше трех метров над современным уровнем поверхности. Толщина ограды, в зависимости от высоты, колеблется между 1,2 и 1,5 м. От северо-западного угла ее остались только следы. Отсюда стена поворачивает на восток. Вначале она идет с большим отклонением на север, расширяя площадь ансамбля, а затем выравнивается и приближается к стороне квадрата. Северная стена, конструктивно сложенная так же, как и западная, имела 17—18 полубашенных выступов и двое ворот. Одни из них были защищены заградительным выдвинутым вперед дувалом, уцелевшим в виде невысокого вала. Северо-восточный угол ограды не прослеживается. Сохранившаяся часть восточной стены включает 7 выступов и в ней отмечены одни хорошо защищенные ворота, около которых она под прямым углом поворачивает на запад, затем снова идет на юг. Здесь остатки ее совершенно исчезают. Повидимому, вместе с южной стеной она разнесена дехканами для удобрения соседних полей.

При осмотре ограды были произведены сборы черепков керамики непосредственно из глинобитных поясов ее цокольной части, которые дают возможность отнести время постройки этого сооружения не ранее XI века.

Интересно отметить, что под северной стеной, в восточной части ее, близ арыка, обнаружен кусок мраморовидного известняка со следами архитектурной обработки.

В юго-восточной части, заключенной в ограду территории, находятся руины квадратного в плане сырцового здания, возвышающегося метра на три над прилегающим к нему современным уровнем. С наружной стороны в размытых стенах этого здания хорошо прослеживаются плитки солнечной сушки кирпича, размеры которого варьируют от $30 \times 30 \times 5$ см³ до $35 \times 35 \times 7$ см³. На выровненной ветром и дождем площадке строения были отмечены признаки помещений, сохранивших в целости купольные перекрытия. Но завалившиеся входы этих помещений не дают возможности без производства специальных раскопок проникнуть внутрь их. Общая площадь руин протяжением 29 м с севера на юг и 28 м с востока на запад занимает 812 м². По своей архитектурной композиции строение напоминает грандиозное сырцовое сооружение, находящееся в присурханской группе развалин Термеза и известное в литературе под названием „Кырк-Кыз“. По аналогии с ним можно предполагать, что и описываемое нами помещение имело 4 входа, причем постройка его, судя по обнаруженным квадратным сырцовым плиткам и фрагментам керамики, относится к IV-VII векам. Сложенное капитальнее, нежели другие жилые строения, входящие в ансамбль, оно и в XVI веке, повидимому, частично еще служило пристанищем для городской бедноты, не имевшей крова.

Основываясь на обнаруженном в теле одного из кирпичей черепке глиняного сосуда, можно предположить, что один из крупных ремонтов этого здания был произведен в XII веке. Во всяком случае, несомненно, что отмеченные руины являются остатками наиболее древних зданий из всей этой группы дворцовых сооружений, получивших по номенклатуре ТАКЭ обозначение здания №1.

С северо-западной стороны к зданию №2 примыкают развалины еще одного большого сырцового строения, поименованного зданием №3. Уцелевшие стены этого сооружения, сложенные из плит квадратного кирпича размером $27 \times 27 \times 5$ см, $28 \times 28 \times 4,5$ и $29 \times 29 \times 4,5$ см, позволяют выделить семь больших помещений общей площадью в 500 м². Верхних перекрытий оно не сохранило. Здесь, повидимому, была сосредоточена домашняя жизнь правителя Термеза, в то время как здание №2 служило для официальных приемов. В отношении датировки постройки последнего дворцового здания до производства раскопок можно делать только догадки. Повидимому, его сооружение следует отнести ко времени, близкому к постройке здания №2.

Кроме отмеченных крупных строений, на площади, заключенной в ограду, находятся остатки служебных и хозяйственных построек и дуалов, членивших ее на отдельные участки. Двойные глинобитные стены отделяют прямоугольный дворик к северо-западу от здания №3. Может быть, здесь находился сад для прогулок женщин. Назначение других оград на обширной площади, большая часть которой, очевидно, была занята садами, определить пока затруднительно. В виде рабочей гипотезы можно предполагать, что проходивший вдоль восточной стены и поворачивающийся на юг невысокий вал, вероятно, относится к зданию №1 и был построен в один из периодов его первоначального бытования, когда соседних дворцовых сооружений еще не было. У западных и северных ворот расположены руины небольшого построек, очевидно, помещения для караула. Первая из них, возвышающаяся над внешней оградой, была двухэтажной и в настоящее время сохранила западную стену, с внутренней стороны которой, на высоте нескольких метров, проходит ряд небольших

парных ниш. Вероятнее всего эти ниши являлись не только декоративным оформлением, но находили также и утилитарное применение.

Поверхность территории ансамбля дворцовых сооружений представляет в большей своей части твердую, гладкую, лессовую площадку, на которой в изобилии встречаются черепки глиняных изделий, обломки и целые кружки медных монет, осколки стеклянной посуды и проч. Камеральная обработка показала, что по времени этот материал относится к разным периодам. Заложенный недалеко от северной стены шурф обнаружил, что культурные наслоения здесь незначительны и не превышают глубины 1 м. Несколько другое положение наблюдается на участке между зданиями №№ 1 и 2, где эти слои залегают ниже 2 м. Надо полагать, что большая глубина последних объясняется непосредственной близостью дворцовых сооружений. Южная часть территории ансамбля несколько лет была занята под посевы и не сохранила никаких четко выделяющихся остатков построек. Однако отдельные невысокие бугорки, оставшиеся после нивелировки площади пахотой, указывают, что и на этом участке были строения. Наконец, в нескольких десятках метров от северо-восточного угла ограды находятся руины крупного сооружения, вытянутого с запада на восток.

Строитель западной половины северной стены ансамбля дворцовых сооружений был, повидимому, связан какими-то уже существовавшими тогда застройками, заставившими его изменить направление ограды и уклониться от прямой линии хода. Относительно прилегающей к ансамблю территории, заключенной в городские стены рабада, удалось установить, что в этом районе средневекового феодального Термеза наивысший расцвет жизни следует отнести к XII веку н. э. После взятия города Чингиз-ханом в 1220 г. жизнь на этом участке городища не прекращается, но уже не отличается такой интенсивностью, как раньше.

Сопоставляя события истории прошлого городища Старого Термеза с обследованным комплексом дворцовых сооружений, можно высказать следующие соображения относительно возникновения двух последних объектов, т. е. зданий №№ 1 и 2. Начиная с XI века, вплоть до 1220 г. Старый Термез был местом, где почти непрерывно происходили столкновения между владетелями Мавераннахра и Хорасана. В этот сравнительно небольшой период времени Термез, являясь одновременно и важной, хорошо укрепленной крепостью и оживленным транзитной торговлей городом, неоднократно переходил в руки разных правителей, подвластных то юго-западным, то северо-восточным государственным образованиям. Тяготая территориально к Мавераннахру, город служил форпостом для дальнейшего наступления внутрь этой страны. За указанный промежуток времени упомянутые государства, расположенные и по ту и по другую сторону от естественной границы Аму-Дарьи, произвели несколько попыток расширить территорию владений. В периоды кратковременных успехов правители старались всеми силами показать свое могущество и поднять авторитет своей власти, используя всевозможные средства, среди которых строительное искусство занимало одно из наиболее видных мест. Аудиенц-зала является памятником последних трех экспансий, совершенных до разрушения города-крепости Чингиз-ханом.

Суммируя полученные результаты проведенных обследований 1936 года и сравнивая с данными, полученными экспедициями 1927 и 1928 годов, необходимо отметить следующие достижения в части изучения группы дворцовых руин, находящихся в северо-восточной части Старого Термеза. Прежде всего следует указать на большую конкретизацию представлений об ансамбле. Это дало возможность связать открытое в 1927 году помещение с резным штукком с системой других помещений и выделить все их

в отдельное дворцовое сооружение. Благодаря значительному увеличению площади раскопа, удалось выявить не только все помещение аудиенц-залы, но и установить наличие примыкающего к ней айвана и провести частичное обследование последнего. Кроме того, уточнение историко-архитектурных знаний об аудиенц-зале и примыкающих к ней сооружений дало возможность объяснить их функциональное назначение и получить данные для реконструкции первоначального вида главного помещения здания № 2, расположенного в его восточном фасе. И, наконец, упорядочение в выявлении, фиксации и использовании данных историко-археологического порядка увеличило количество новых материалов, относящихся не только к отдельным частям сооружений, но и ко всему комплексу построек в целом; материалы эти, связав весь ансамбль дворцовых сооружений с определенным историческим прошлым, одновременно также дают возможность судить о технических приемах этого строительного периода.

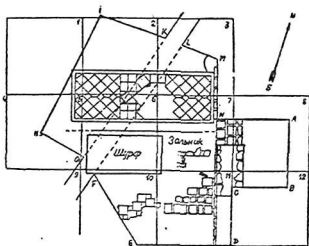
Вместе с тем, произведенное обследование выдвинуло ряд новых вопросов, ответ на которые может дать только продолжение археологического изучения всех выявленных объектов, и определило дальнейшие пути, по которым изучение должно вестись. В первую очередь необходимо провести полное вскрытие всего дворцового сооружения, именуемого зданием № 2 и одновременно с этим обследованием детализированными разведками собрать материалы и по другим строениям, входящим в состав всего архитектурного ансамбля. Несомненно, что дворцовое сооружение, как и весь ансамбль в целом, представляет исключительный интерес не только для восстановления истории города Термеза, но и для выяснения отдельных моментов исторического прошлого всего района. Кроме того, это сооружение представляет собой яркий образец строительно-художественного мастерства в культуре народа, населяющего территорию Узбекистана.

КОМНАТА XII ВЕКА НА ПЛОЩАДИ II ПРИАМУДАРЬИНСКОЙ ЧАСТИ ГОРОДИЩА ТЕРМЕЗА

В начале 1936 г. при земляных работах на территории Старого Термеза, в так называемой приамударьинской группе развалин, на условном 1381 м было выброшено несколько фрагментов алебастровой решетки — панджары с остатками разноцветных стеклышек, вставленных в ячейки решетки. Два фрагмента решетки были подобраны работниками Сурхандарьинского окружного музея и наряду с другими материалами из траншей доставлены в музей. Ввиду значительного археологического интереса который представляет факт нахождения на Термезском городище остекленной решетки, было намечено произвести расчистку места залегания решетки.

В результате этой работы установлена принадлежность решетки к остаткам строения. В связи с этим оказалось необходимым вскрыть это строение с прилегающими к нему частями более широкого комплекса, что и было сделано автором настоящих строк*.

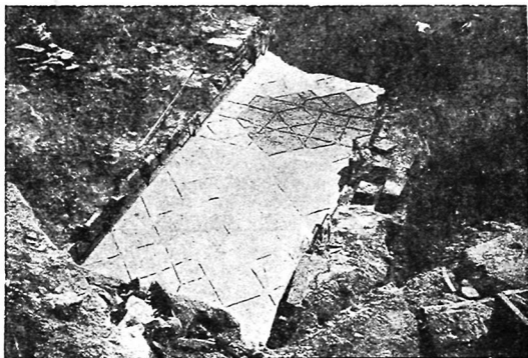
Строение, в стене которого была укреплена решетка, представляло собой небольшую комнату 1,20 × 3,60 м со стенами из сырцового кирпича, покрытыми саманной штукатуркой и побеленными известью на цоколе из ломаного жженого кирпича. Пол фигурно выстлан плоским жженым шлифованным кирпичем. По низу стены идет фигурная панель из жженных кирпичей. Выстилка пола сохранилась в большей своей части, что позволяет дать полную реконструкцию узора. В дело были употреблены кирпичи следующей формы и размеров: квадратные [24 × 24, 12 × 12, 32 × 32 см], треугольные по катету [24, 18,9 см], формы квадрата [24 × 24 см] с одним срезанным углом. Большой квадратный кирпич, обнаруженный вне комнаты, находился первоначально в центре пола и вместе с приставленными к срединам его сторон маленькими треугольниками составлял восьмиконечную звезду, от которой в четыре стороны отходило по фигуре из

116. План помещения на условном 1381 м

* Работа велась под руководством начальника Термезской археологической комплексной экспедиции доктора археологии М. Е. Массона.

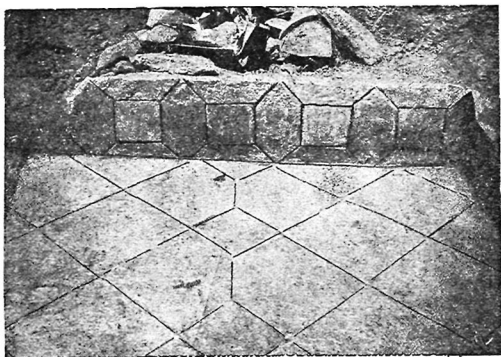
квадрата и четырех треугольников. Между лучами получившегося креста находилось по одному квадрату, составленному из четырех квадратных кирпичей 24×24 см². Эта композиция составляла среднюю часть пола, занимая одну треть его. Оставшиеся с одной и с другой стороны участ-

117. Вид комнаты с кирпичным полом узорной выкладки

ки пола заполнены квадратными кирпичами 24×24 см², положенными по диагонали и сведенными у главной оси комнаты путем использования квадратных кирпичей со срезанным углом, а для заполнения остающихся пустот квадратных кирпичей малого размера [12×12 см²], положенных также по диагонали. Таким образом линии швов, идущие под косым углом к сторонам комнаты, нарушены линией, совпадающей с главной осью комнаты и прерываемой лишь малыми квадратами. Рисунок пола неоднотонен, так как на его выкладку, вероятно не без умысла, употреблены кирпичные плитки разной степени обжига. Часть кирпичей имеет красноватый оттенок, другая часть желтоватый. Правда, этот момент не целиком использован мастером, и определенная закономерность в распределении кирпичей по цвету, которая, очевидно, имела первоначально в виду [малые квадраты и прилегающие к ним большие квадраты со срезанными углами — красного обжига, остальные кирпичи — желтого], в дальнейшем была нарушена. У середины восточной стены [малой] ряд малых квадратов замкнут треугольным кирпичем, покрытым голубой глазурью. Кирпичный настил пола положен прямо на слабо утрамбованную землю; алебастр применен лишь для спайки швов. Нижняя часть стен комнаты сохранила отделку в виде полосы фигурной кладки таких же, что и на полу, шлифованных кирпичей, составлявшей, повидимому, нижний бордюр стеной панели. Этот бордюр сложен из чередующегося ряда квадратных кирпичей 12×12 см² красного обжига, трапецевидных кирпичиков [длина параллельных сторон 12 и 24 см при высоте 5 см] желтого обжига, охватывающих квадрат сверху и снизу, и кирпичей, представляющих форму двух

сложенных большими сторонами трапеций, поставленных по высоте, тоже желтого обжига. В углах вместо последних, чтобы не нарушить мотив повторяющихся фигур, было пущено в дело по два трапециевидных кирпича.

118. Часть пола и остатки бордюра кирпичной панели у западной стены комнаты

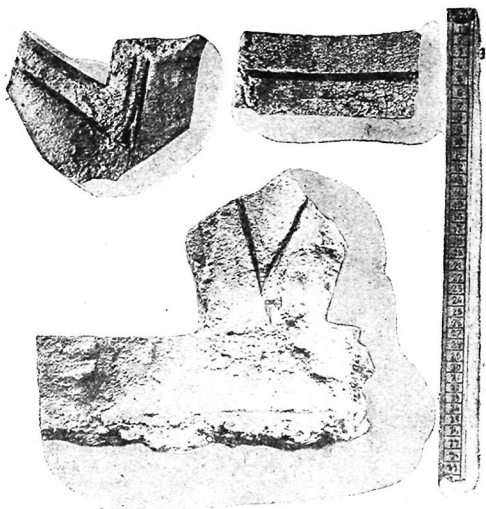
Пол комнаты был завален продуктом разрушения ее стен: кусками сырцового кирпича, слоями штукатурки, рыхлым материалом, возможно, от рухнувшего перекрытия. В этом строительном мусоре оказались также в значительном количестве фигурные кирпичи от бордюра стеной панели и от настила пола, ломаные строительные кирпичи и куски алебастровой решетки. Груда развалин была занесена затем сверху песком так, что глубина пола от современной равна в среднем 1,40 м.

Непосредственно на полу было обнаружено три глиняных сосуда [в фрагментах] и отдельные фрагменты керамики.

Первый сосуд представляет собой глазурованную чашу диаметром 20 см с прямыми, круто поставленными бортами. Сильно ириризованная стеклянная полива голубого цвета покрывает внутреннюю поверхность чаши целиком, захватывая на 3—5 см внешнюю сторону бортов. Под глазурью—вдавленными узкими линиями двойная обводка по краю борта и нанесен орнамент по полю борта в виде остроконечных листьев, имеющих в середине как бы меньший лист, и растительных побегов между ними. В некоторых местах, иногда совпадая с орнаментом из линий, введены несложные фигуры из толстых линий темнокричного с фиолетовым оттенком цвета путем наложения краски кистью прямо по черепку из чистого лесса.

Второй сосуд, находившийся посредине комнаты, является неполивным кувшинчиком из плохо отмученного лессового теста с присоединением мелкого кварцевого песка, имеющего красноватый оттенок. Стенки неодинаковой толщины, без следов сколько-нибудь тщательной отделки.

Венчик отсутствует. По плечикам орнаментальная полоска из двойной волнистой линии, заключенной между двумя двойными прямыми линиями. Широкое плоское дно имело внутри остатки содержимого в виде розоватого налета.

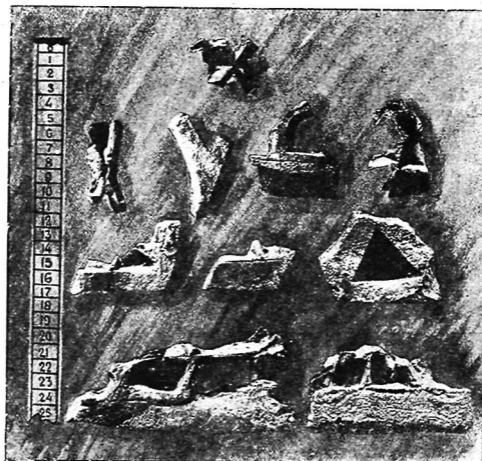

119. Крупные алебастровые фрагменты от рамы оконной решетки — панджара

Третий сосуд — неполивной кувшин обычного типа; представлен небольшим количеством фрагментов.

К южной стене комнаты примыкала возвышающаяся над уровнем ее пола на 36 см площадка с выровненной поверхностью, сохранившая на незначительном участке в 1,60 м от стены комнаты настил из такого же жженого шлифованного кирпича, что и пол комнаты, но собранный из кирпичей 24×24 см² желтого обжига, положенных рядами „в елочку“ с заполнением пустот кирпичами 12×12 см² красного обжига. Эта площадка, возможно, была полом айвана перед комнатой или открытой суфы. Площадка, как и пол комнаты, была завалена строительным мусором. Среди него находилась и большая часть фрагментов алебастровой остекленной решетки, а также масса цветных стеклышек, вывалившихся из ячеек решетки при ее разрушении.

Решетка, судя по расположению обнаруженных фрагментов ее, была вставлена в южную сторону комнаты. Повидимому, она не была связана с дверью, как это обычно бывает теперь в местной архитектуре, а самостоятельно заполняла оконный проем. В пользу этого говорит значительная разница в уровне пола комнаты и наружной площадки (36 см) и отсутствие ступеньки, без которой проход в виде двери из комнаты наружу едва ли мог быть сделан. Кроме этого, соблюдение пропорций между длиной, шириной и высотой комнаты не дало бы возможности поставить над дверью еще решетку. Дверь, несомненно, была в северной стене, где чувствуется неслучайный перерыв в кладке стены из двух

120. Мелкие алебастровые фрагменты со вставленными в ячейки кусочками разноцветного стекла

рядов кирпича $24 \times 24 \text{ см}^2$ с забутовкой промежутка в 20 см битым кирпичем и кусками алебаstra; здесь налицо, несомненно, остатки дверного проема; из гнезда между кирпичами наружного ряда кладки, на высоте 16 см от пола комнаты, т. е. на уровне, близком к верхней границе бордюра стенной панели, были извлечены истлевшие куски дерева, повидимому, остатки дверного косяка. Другая дверь, возможно, была в восточной стене; никаких остатков ее не обнаружено, но наличие там в выстилке пола кирпичика голубой глазури может указывать на желание отметить место входа.

Алебастровая остекленная решетка представляла собой, повидимому, довольно сложную конструкцию, хотя состояние выбранных из земли фрагментов не дает возможности полностью ее реконструировать. Фраг-

менты решетки делятся на две группы: первую составляют крупные куски алебаstra в виде брусков шириной 6 см при толщине 3,2—4 см. В некоторых случаях от такого бруска отходят в сторону два другие, начинаясь в одном месте, но затем разветвляясь, так что между ними и основным бруском образуются углы около 70°. Одна сторона брусков не сглажена, посредине, по длине, имеет прочерченную борозду, в некоторых местах заметны следы разрисовки линиями коричневой краски. Другая сторона по такой же неровной поверхности имеет побелку и остатки разрисовки коричневыми же линиями и красными и зелеными пятнами. Эти бруски являются, повидимому, остатками той основы, рамы, в треугольные [и иных форм] просветы которой были вставлены алебастровые же решеточки с остекленными ячейками. Многочисленные фрагменты последних составляют вторую группу остатков. Имеется несколько фрагментов решеточек из 2 или 1-ой полных ячеек с вставленными в них стеклами; большинство же представляет собой маленькие частицы большей частью тех мест, где сходятся перегородки нескольких ячеек. Средняя толщина решеточек равна 2—2,5 см. Ширина перегородок от 1 до 2 см. Ширина наружной рамки колеблется от 2 до 3,5 см. Форма решеточек совпадала, повидимому, с формами просветов в решетке—раме, куда они вставлялись; имеется один фрагмент с углом наружной рамки, равным 70°, один 100° и один 110°. Ячейки малых решеточек, судя по сохранившимся фрагментам, были в виде равностороннего треугольника, параллелограмма, трапеции или какой то фигуры [треугольника или ромба] с углом, равным 35°. Размер ячеек около 5×7 см². Перегородки между ячейками в большинстве случаев имеют срезы наружу, так что верхняя их горизонтальная плоскость в ширину имеет от 2 до 5 мм. Стекла, большинство которых было извлечено уже отдельно от алебастровых ячеек, представляют собой фрагменты разноцветной посуды. Наряду с довольно плоскими осколками каких-то сосудов типа блюдец, иногда с отогнутыми закраинами борта, встречаются кусочки с кривыми поверхностями, иногда сильно вогнутые донца пузырьков. Цвет стеклов: желтый, синева-зеленый с переходами, красный [малиновый] нескольких оттенков, светлозеленый, фиолетовый. Вставлялись стекла, повидимому, после отливки решеточки, пока она еще не затвердела: на пустоты, образовавшиеся при отливке, на месте соответствующих вставок-форм накладывались кусочки стекла таким образом, чтобы края их находили на перегородки между ячейками; затем над отлитыми уже перегородками наращивались валики из густого алебаstra, которому пальцами и специальным ножевидным инструментом придавалась нужная конфигурация; отделялись грани, в результате чего перегородки принимали вид, описанный выше.

Описываемый пол с выстилкой фигурным кирпичем занимает в развитии архитектуры среднее место между примитивными и технически несовершенными кирпичными полами дофеодалного периода*, когда в дело пускался прямоугольный тонкий кирпич плохого обжига нестандартных размеров**, и, с другой стороны, — полами, для которых широко использовались глазурованные кирпичи [напр., в золотоординских столицах].***

* Шишкин, В. А. Архитектурные памятники Бухары. Ташкент, 1936 стр. 28.

** Облицовочный жженный кирпич из могилы во внешней стене Самарканда Диварикямат, изучавшейся М. Е. Массоном в 1921 году имел в среднем размеры $37 \times 23,5 \times 3$ см³. См. Массон, М. Е. Могила с одиночным погребением в сидячем положении в стене «Дивари Кямат» в Самарканде. Известия ИОГГО. Т. XVII, 1924, стр. 162.

В работах Г. В. Григорьева на городище Тали-Барзу под Самаркандом размер кирпича: $44 \times 28 \times 3,5$ см³. Во время наших разведок в Самаркандской группе районов встречены кирпичи от настила пола на Дусмат-тепа и на Дунг-тепа $38 \times 23 \times 2,7$ см³.

*** Баллод, Ф. Приволжские Помпей. М — Б. 1923.

Применение фигурного кирпича для выкладки пола известно еще для средневекового Отрара, где была вскрыта комната [или коридор], по размерам близкая термезской и выстланная крестообразным кирпичем.*

Случаи находок остекленных решеток на городищах Узбекистана известны для Афрасиаба по работам В. Л. Вяткина** и для Хорезма***. Сказать, насколько широко применялось стекло в целях обеспечения доступа света и отопления помещений, сейчас затруднительно. Если же учесть, что для остекления термезской решетки использовалась битая стеклянная посуда, притом со специальным подбором цветных стекол, можно предположить, что здесь мы имеем не широко практикуемый прием [в противном случае он вызвал бы изготовление специального стекла], а один из примеров более или менее случайного использования стекольного лома. Кроме того, подбор ярких, но слабо пропускающих солнечные лучи цветных стекол, говорит не столько о рациональной утилизации стекла, сколько о желании достигнуть свето-цветового эффекта.

О том, каково было назначение комнаты и кому она принадлежала, вскрытая часть комплекса не дает точного ответа. Объясняется это тем, что к комнате по времени относится лишь упомянутая площадка с остатками фигурной выкладки ее поверхности. Прочие следы культуры, обнаруженные рядом с комнатой, относятся к другому времени. Во всяком случае, судя по сохранившемуся рельефу вскрытой части и по размерам самой комнаты, она не была частью какого-либо большого общественного сооружения. Вернее предположить, что это одно из помещений, может быть интимного характера, небольшого жилого комплекса, принадлежавшего достаточно богатому владельцу.

Датировка комнаты опирается на несколько данных.

Во-первых, датой *ante quem* является, очевидно, разрушение Термеза монгольским войском осенью 1220 г. Быть может, к этому событию, сопровождавшемуся применением специальных машин, метавших камни, имеет отношение круглая галька около 6 см в диаметре, найденная на полу комнаты, у западной стены ее. В пользу этой даты говорит также тот факт, что комната является позднейшим из строений, вскрытых на этом месте, если не считать стенки из сырцового кирпича, поставленной на более древний фундамент вдоль восточной стены комнаты, частично на месте ее. Во-вторых, датирующим моментом является применение на выстилку пола кирпича голубой глазури. Начало применения глазурованной облицовки в архитектуре, судя по сохранившимся памятникам, относится к XII веку. Этим датам не противоречит и керамика, обнаруженная на полу комнаты. Дополнительным подтверждением выдвинутой даты постройки может служить наличие упомянутого фундамента стены, сложенного из хорошего жженого кирпича размером $28 \times 28 \times 4,5$ см³ (в $2\frac{1}{2}$ кирпича). Фундамент стены относится к какому-то иному архитектурному комплексу. Между временем разрушения последнего и моментом постройки комнаты прошел достаточный срок — сперва для вторичного использования этого фундамента путем надстройки над южной его частью стенки из пахсы с прокладкой обломков жженого кирпича, а затем — возведения каких-то небрежно сложенных стенок из сборного жженого кирпича.

* К л а р е, А. Древний Отрар и раскопки, произведенные в развалинах его в 1904 году. Протоколы ТКЛА, год IX, Ташкент, 1904, стр. 34. На фототипии среди других предметов 3 крестообразных кирпича.

** В я т к и н, В. Л. «Афрасиаб — городище бывшего Самарканда», Самарканд, 1928. Стр. 17. Здесь упоминается о том, что «находились куски гипсовых решеточек со вставленными в ячейки стеклышками». В собрании Узб. Историч. Музея в Самарканде имеется один фрагмент такой решетки с Афрасиаба из коллекции В. Л. Вяткина.

*** По сообщению М. Е. Массона.

Таким образом комната с фигурным кирпичным полом и с алебастровой решеткой, остекленной разноцветными стеклышками, по времени постройки относится к XII или к началу XIII в. и является еще одним подтверждением значительного развития городской культуры и строительной техники того времени.

КИРПИЧ ИЗ РАЗВАЛИН СТАРОГО ТЕРМЕЗА

Основной задачей работ ТАКЭ 1936 года являлся одновременный суммарный охват всего городища Старого Термеза. В связи с этим начальник ТАКЭ М. Е. Массон в виде дополнительного задания предложил мне произвести обмеры строительного кирпича на остатках сооружений, расположенных в приамударьинской и присурханской группах развалин. Обмеры носили случайный характер и не могли охватить всех многочисленных руин зданий, значительная часть которых к тому же, в силу своей плохой сохранности, требует специальных работ по раскрытию их кирпичной кладки. Однако, даже то немногое, что удалось сделать в этом направлении, позволило расположить материалы примерно в хронологическом порядке, сведя в соответствующие таблицы все данные обмеров. Таким путем в полевой обстановке можно быстро ориентироваться и установить, в какую эпоху были созданы те или иные сооружения в различных частях города. Полученный при этом результат много способствовал успеху общей реконструкции городища и пониманию истории его развития. Благодаря этому приему многие еще совсем не изученные археологические объекты нашли свое место среди других, подобных им и, очевидно, близких по времени сооружений. Именно таким путем впервые установлено, между прочим, что береговые устои мнимой набережной и наружная облицовка башен цитадели относились всеми прежними исследователями ко времени до XII века, а иногда и до VIII столетия, в действительности же были выполнены в начале XV века.

Обыкновенно по каждому объекту производились замеры нескольких десятков кирпичей; все обмеры фиксировались без выведения среднего арифметического из полученных цифр. В таблице же в выборочном порядке приведено только по одному размеру всех вариантов, встретившихся на более или менее одном участке кладки или, во всяком случае, одном объекте.

Кроме сбора материалов непосредственно с самих руин, мною было обмерено и несколько десятков кирпичей, хранящихся в областном Сурхан-Дарьинском музее, собранных с приамударьинского и сурхандарьинского городищ. Помимо того, для составления сводной таблицы привлечены также и обмеры, произведенные М. Е. Массоном и В. А. Шишкиным. Только одно показание о размере кирпича с минарета 1032 г. удалось извлечь из опубликованных работ. Размеры, полученные мною не непосредственно с объектов, а взятые из вышеуказанных источников, оговорены в графе примечаний.

Несмотря на скромный объем проделанной работы на данной стадии, она позволила наметить некоторые типы кирпича и составить представление об известной последовательности во времени их применения.

Просматривая эту сводную таблицу, легко отметить постройки, сложенные из массивных кирпичей крупного размера солнечной сушки. Постройка всех этих архитектурных объектов от первого до десятого номера включительно в основном относится к дофеодалному периоду. Позднее широко применяются в строительстве плоские квадратные плитки сырового кирпича, в кладку которого включаются и обожженные, получившие наибольшее распространение уже при феодализме. Намечается возможность выделения в дальнейшем как кирпичей, характерных для отдельных веков, так уточнения особенностей кладки из них. Но для получения окончательных выводов такого порядка необходимо значительно расширить программу сбора различных данных, определяющих особенности кладки.

Датировка остатков архитектурных сооружений, когда о них неизвестно никаких исторических данных и когда руины эти не определяются сопутствующим археологическим материалом, пока представляет чрезвычайно сложную задачу. Одним из ярких примеров этого является Кырк-Кыз, хотя и сохранивший до настоящего времени стены и разной системы перекрытия, но не поддающийся датировке хотя бы с относительной точностью в пределах столетий.

Задачи систематического изучения кирпича и кирпичных кладок с целью выработки приема датировок, в частности сырцовых руин, требуют для своего решения сбора целого ряда фактических материалов, взятых непосредственно с архитектурных памятников. Одним из существенных определителей времени древних зданий является выяснение размеров кирпича и выявление характерных стандартов для данной строительной эпохи; это зависит и от уровня техники и от социально-экономических факторов. Совершенно очевидно, что при дальнейшем изучении в качестве параллельных показателей придется привлекать данные обмеров рядов кладки, систему кладки, перевязку швов, способы заполнения раствором, методы работы и т. д.

При изучении кирпича, конечно, важно, кроме размеров, также установить качество и способы его технического изготовления. Собранные с достаточной полнотой обмеры сырцовых блоков и плиток сырцового кирпича должны дать в конечном итоге размеры различных форм, употреблявшихся при его производстве; вместе с тем, они могут установить некоторые старые технические приемы, бывшие в ходу при формовке кирпича. Кроме того, качественный анализ глины и различных добавлений примесей, несомненно, дает полные данные по изготовлению этого распространенного на территории Узбекистана строительного материала.

Дальнейшим этапом по выявлению и фиксации конструктивных и строительных приемов является изучение сводов, тропов, проемов, пересечения стен и т. д. Систематизация всех полученных данных может предоставить критерий для более точной датировки неизученных сооружений. Производившиеся до сих пор различными исследователями обмеры плиток кирпича, во-первых, никогда не охватывали всего комплекса руин в целом на определенной территории; во-вторых, полученные материалы никогда не были систематизированы; в третьих, для отдельного объекта обычно указывались выборочно размеры одного кирпича или как случайно замеренного, или как среднеарифметического из цифр нескольких обмеров; в четвертых, значение кирпича, как датировочного материала, часто недоучитывается исследователями. Так, например, в работе В. В. Згура, специально посвященной описанию и анализу развалин термезского Кырк-Кыза, даже не приведено размеров кирпича, из которого это здание сложено. В научной литературе по Термезу конкретные сведения о древнем кирпиче, в том числе и об его размерах, почти отсут-

ствуют, а если и приводятся, то обычно с большими погрешностями. В литературе по Средней Азии имеется только одна небольшая статья, посвященная местному строительному кирпичу и принадлежащая Б. Н. Засыпкин, который ограничил ее содержание памятниками IX—XIII веков.* Поэтому изучение сырового и жженого кирпича, как строительного материала узбекских архитектурных памятников и технических сооружений прошлого, представляет очередную проблему большого значения.

Начатую регистрационную работу с более углубленными анализами материала намечено продолжать по линии ТАКЭ и в дальнейшем, поручив выполнение ее лицам архитектурной специальности.

При пользовании таблицей следует иметь в виду, что разделение чертой двух соседних рядов цифр в колонках указывает и на другие размеры по толщине, варьирующие в пределах между указанными в верхней и нижней строках величинами.

* Засыпкин, Б. Н. Кирпич в архитектурных сооружениях Средней Азии домонгольского периода (IX—XII вв.). Журнал „Строительная промышленность“ № 4, 1928.

Таблица размеров кирпича из развалин сооружения городища Старого Термеза

№№ п/п	Наименование объекта	Сырцовый кирпич	Жженный кирпич	Число рядов в кладке по высоте на 1 м	Примечание*
1	Приамударьинское городище. Кала. Кладка из сырцового кирпича в ЮВ углу вдоль обрыва берега.	35 × 35 × 14			Ш.
2	Кала. Западная часть древней крепостной стены. Основная кладка.	30 × 30 × 14 30 × 30 × 12			М.
3	Приамударьинское городище. Чингиз-тепе. Развалины здания, раскапывавшегося в 1936 году на южном шлейфе возвышенности.	38,5 × 38,5 × 12 38 × 38 × 11 36,5 × 36 × 11 36,5 × 19,5 × 7 35,5 × 35,5 × 12 35 × 35 × 12 35 × 35 × 9 34 × 30 × 8,5 33,5 × 33,5 × 10 33 × 33 × 11 32,5 × 32,5 × 11 32 × 32 × 12 31,5 × 30 × 12 31 × 31 × 12			
4	Приамударьинское городище. Чингиз-тепе. Кладка стены на гребне тепо.	34,5 × 34,5 × 13 34 × 34 × 12 33,5 × 33,5 × 12 33 × 33 × 12,5 33 × 33 × 10,5 32,5 × 32,5 × 10,5 32 × 32 × 12 31,5 × 31,5 × 13 31 × 31 × 11			
5	Приамударьинское городище. Площадь „В“ Развалины здания	34 × 33 × 13 33,5 × 33,5 × 11 33 × 33 × 12,5 32,5 × 32,5 × 11 32,5 × 32,5 × 10,5 32 × 32 × 13 32 × 32 × 10 31,5 × 31,5 × 11,5			

6	Приамударьинское городище. Развалины башни Зурмала (Предполагаемый буддийский ступа)	$35 \times 35 \times 12$ $34 \times 34 \times 13$ $34 \times 34 \times 12$ $33,5 \times 35,5 \times 12$ $33 \times 33 \times 12$ $33 \times 33 \times 10$ $32,5 \times 32,5 \times 10,5$ $32 \times 32 \times 12$ $32 \times 32 \times 10$ $31 \times 31 \times 11$ $30 \times 30 \times 12$ $30 \times 30 \times 11$			М.
7	Приамударьинское городище. Развалины здания к северу от площади „В“	$33 \times 33 \times 15$ $33 \times 33 \times 14$ $32 \times 32 \times 14$			М.
8	Приамударьинское городище. Внешняя городская стена. Бурджа в северной части территории „В“.	$34 \times 34 \times 12$ $33 \times 33 \times 14$ $33 \times 33 \times 12,5$ $32 \times 32 \times 12,5$ $29,5 \times 29,5 \times 13$			
9	Приамударьинское городище в 1 км на ЮЗ от башни Зурмала.		$30 \times 30 \times 12$		Кирпич очень слабого обжига
10	Приамударьинское городище. Площадь II. Развалины кургана или „гофрированного здания“ типа кешков.	$33 \times 33 \times 10$ $30 \times 30 \times 13$ $30 \times 30 \times 8$			М. и Ш.
11	Приамударьинское городище. Площадь III. Ансамбль дворцовых сооружений. Здание № 1 (тип зданий сассанидского Ирана).	$35 \times 35 \times 7,5$ $35 \times 35 \times 7$ $34 \times 34 \times 7,5$ $34 \times 34 \times 6,5$ $33,5 \times 33,5 \times 6,5$ $33,5 \times 33,5 \times 5$ $33 \times 33 \times 9$ $33 \times 33 \times 5$ $32 \times 32 \times 7$ $32 \times 30 \times 5,5$ $31 \times 31 \times 7,5$ $31 \times 31 \times 5,5$ $30 \times 30 \times 7$ $30 \times 30 \times 5$			

Примечание: В последней графе с указанием, кем производились обмеры, введены некоторые условные обозначения. Без всякого указания составлены обмеры, произведенные мною лично. Буквы „М“, „Ш“, „З“ обозначают, что использованы данные М. Е. Массона, В. А. Шишкина и Б. Н. Засыпкина. Размеры даны в сантиметрах.

№ п/п	Наименование объекта	Сырцовый кирпич	Жженный кирпич	Число рядов в кладке по высоте на 1 м	Примечание
12	Приамударьинское городище. Площадь II. Развалины здания.	34 × 34 × 5 33 × 33 × 5			Ш.
13	Присурханское городище. Развалины Кырк-Кыз.	30 × 30 × 5,5			З.
14	Приамударьинское городище. К югу от площади III. Развалины здания	30 × 30 × 5			Ш.
15	Приамударьинское городище. Развалины мечети IX—X вв.		30 × 30 × 5 26 × 26 × 5 26 × 26 × 6		Ш. М.
16	Приамударьинское городище. Площадь II. Минарет 423 г. х. (1032г. н. э.)		23 × 22,5 × 3,5	10 рядов кпр. + 10 рядов шпоз. = 0,49 м	З. Повидимому, от наружной облицовки З.
17	Приамударьинское городище. Площадь III. Ансамбль дворцовых сооружений XI—XII вв. Внешняя стена, Западная часть.	29 × 29 × 6 29 × 29 × 4 28,5 × 28,5 × 5 28 × 28 × 4,5 27 × 27 × 4,5 26 × 26 × 5			
18	Тоже (XI—XII вв.) Западные ворота внешней стены.	30 × 30 × 5,5 29 × 29 × 6 29 × 29 × 4,5 28,5 × 28,5 × 4,5 28 × 28 × 5,5 28 × 28 × 5 27 × 27 × 4			
19	Тоже (XI—XII вв.) — восточные ворота внешней стены	28 × 28 × 5 28 × 28 × 4,5 27 × 27 × 6 27 × 27 × 4 26 × 26 × 6 25 × 25 × 4,5			
20	Тоже (XI—XII вв.) здание № 2. Западный фас.	29 × 29 × 6 29 × 29 × 4,5 28,5 × 28,5 × 5,5 28 × 28 × 6 28 × 28 × 4,5 27,5 × 27,5 × 4,5 27 × 27 × 6 27 × 27 × 4			

Восточный фас (XI—XII вв.).

26,5 × 26,5 × 6
25,5 × 25,5 × 6
20 × 29 × 4,5
28,5 × 28,5 × 5
23 × 28 × 5
28 × 28 × 4
27,5 × 27,5 × 5
27,5 × 27,5 × 4
27 × 27 × 5,5
27 × 27 × 4
26,5 × 26,5 × 4,5
24,5 × 26,5 × 4
26 × 26 × 4,5
26 × 26 × 4

Фундамент аудиторной залы (XI в.).

28,5 × 28,5 × 4
28 × 28 × 5
28 × 28 × 3,5
27,5 × 27,5 × 4
27,5 × 27,5 × 3,5
27 × 27 × 5,5
27 × 27 × 4
26,5 × 26,5 × 5
26,5 × 26,5 × 3,5
26 × 26 × 4
25,5 × 25,5 × 5
25 × 25 × 4,5

Пол айвана

25 × 25 × 4
24,5 × 24,5 × 4,5
24 × 24 × 4,5
46 × 45 × 5,5
38 × 37 × 5
38 × 38 × 4,5
27 × 26,5 × 4,5
27 × 26,5 × 4

21.

То же (XI—XII вв.) здание № 3

29,5 × 29,5 × 4,5
29 × 29 × 4,5
29 × 29 × 4
28,5 × 28,5 × 5
28,5 × 28,5 × 4,5
28 × 28 × 5
28 × 28 × 4,5
27,5 × 27,5 × 5
27,5 × 27,5 × 4

№№ п/п	Наименование объекта	Сырцовый кирпич	Жженный кирпич	Число рядов в кладке по высоте на 1 м	Примечание*
22	Остров Арал-Пайгамбар. Мечеть и мавзолей Зюлькифля, XII в.		$23,5 \times 23,5 \times 5,5$ $27,5 \times 27,5 \times 6,5$ $27,5 \times 27,5 \times 4,5$ $27 \times 27 \times 5$ $27 \times 27 \times 4,5$ $26,5 \times 26,5 \times 6$ $26,5 \times 26,5 \times 5$ $26 \times 26 \times 6,5$ $26 \times 26 \times 4,5$ $25,5 \times 25,5 \times 6$ $25,5 \times 25,5 \times 5,5$ $25 \times 25 \times 6$		
23	Приамударьинское городище. К югу от площа- ди III. Кирпичные заводы XII в.		$50 \times 50 \times 6$ $25 \times 25 \times 4$		Крупный кирпич специального на- значения. III.
24	Присурханское городище. Из надгробного сооружения у развалин Кокильдора.		$40 \times 40 \times 5,5$		Кирпич специаль- ного назначения III.
25	Приамударьинское городище. Площадь II. Раз- валины здания	$28 \times 28 \times 4,5$ $26 \times 26 \times 4,5$			
26	Приамударьинское городище. Площадь II. Башня городской стены восточного фаса.		$27 \times 27 \times 4,5$ $26 \times 26 \times 4,5$		
27	Приамударьинское городище. Площадь II. Раз- валины Чор-Ислам.	$28 \times 28 \times 5,5$ $27,5 \times 27,5 \times 5$ $27 \times 27 \times 5,5$ $27 \times 27 \times 4,5$ $26 \times 5 \times 26,5 \times 5,5$ $26,5 \times 26,5 \times 4$ $26 \times 26 \times 5$ $26 \times 26 \times 4,5$ $25,5 \times 25,5 \times 5$ $25 \times 25 \times 5,5$ $25 \times 25 \times 4,5$			
28	Приамударьинское городище. Площадь II. Раз- валины Тешик-Пештак. Кладка фасадной стены.	$27,5 \times 27,5 \times 4,5$ $27 \times 27 \times 5,5$ $27 \times 27 \times 4,5$ $26,5 \times 26,5 \times 5,5$		$16 \text{ ряд} = 1,04 \text{ м}$ $16 \text{ р.} = 1,45 \text{ м}$ $15 \text{ р.} = 1 \text{ м}$	

		$20,5 \times 26,5 \times 4$ $26 \times 26 \times 5,5$ $26 \times 26 \times 4$ $25,5 \times 25,5 \times 5,5$ $25,5 \times 25,5 \times 4$		
	Там же. Кладка поперечной стены.	$27 \times 27 \times 4$ $26,5 \times 26,5 \times 5$ $26 \times 26 \times 3$ $25,5 \times 25,5 \times 4$ $25 \times 25 \times 4,5$ $25 \times 25 \times 4$ $24 \times 24 \times 6$ $24 \times 24 \times 3,5$		
29	Приамударьинское городище. Площадь III. Развалины здания	$27 \times 27 \times 6$ $27 \times 27 \times 4$		
	Кладки из сборного кирпича:			
30	Приамударьинское городище. Площадь „В“. Здание у северной внешней городской стены к западу от Ширабадской дороги.	$32 \times 32 \times 7$ $32 \times 32 \times 5$ $31,5 \times 31,5 \times 12,5$ $31,5 \times 31,5 \times 6$ $31 \times 31 \times 12$ $31 \times 31 \times 6,5$ $30 \times 30 \times 6$ $30 \times 30 \times 5$ $29,5 \times 29,5 \times 7$ $29,5 \times 29,5 \times 5,5$ $29 \times 29 \times 6$ $29 \times 29 \times 4,5$	$30 \times 30 \times 5,5$ $28 \times 28 \times 5,5$	1 м = 12 ряд.
31	Приамударьинское городище. Кала. ЮВ угол. Кладка ремонта и достройки стены XV в.		$30 \times 30 \times 7$ $28 \times 28 \times 5,5$ $25 \times 25 \times 4$	
32	Приамударьинское городище. Кала. СЗ угловая башня XV в.		$28 \times 28 \times 4,5$ $26 \times 26 \times 4$ $25 \times 25 \times 4$	

Ш.

№ п/п	Наименование объекта	Сырцовый кирпич	Жженный кирпич	Число рядов в кладке по высоте на 1 м	Примечание
33	Приамурьинское городище. Береговые устои вдоль южного фаса калы XV в. 1-й пункт.		$28 \times 28 \times 4,5$ $27,5 \times 27 \times 5$ $27 \times 27 \times 4,5$ $26,5 \times 26,5 \times 4,5$ $26,5 \times 26,5 \times 3,5$ $26 \times 26 \times 4$ $26 \times 26 \times 3,5$ $25,5 \times 25,5 \times 3,5$ $24,5 \times 24,5 \times 3,5$ $23,5 \times 23,5 \times 4$		
	2-й пункт		$30 \times 29 \times 6$ $30 \times 28 \times 6$ $29 \times 29 \times 5$ $29 \times 29 \times 4,5$ $28 \times 28 \times 4,5$ $27 \times 27 \times 5$ $26,5 \times 26,5 \times 4,5$ $26,5 \times 26,5 \times 4$ $26 \times 26 \times 5$ $26 \times 26 \times 3,5$ $25,5 \times 25,5 \times 3,5$		

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
<i>М. Е. Массон</i>	
Городища старого Термеза и их изучение.	
Некоторые сведения о Старом Термезе	5
Изучение городищ Старого Термеза до 1936 г.	13
Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936 г.	34
Организация ТАКЭ	34
Поотрядная и тематическая работа ТАКЭ	37
Суммарная характеристика состава находок	69
Старый Термез в свете работ ТАКЭ 1936 г.	86
Заключение	102
Список литературы, цитируемой в статье М. Е. Массона	114
Перечень принятых сокращений	122
<i>В. А. Шишкин</i>	
К исторической топографии Старого Термеза	123
<i>Д. Д. Букинич</i>	
Краткие предварительные соображения о водоснабжении и ирригации Старого Термеза и его района.	154
<i>Б. Б. Пиотровский</i>	
Раскопки на Чингиз-тепе	159
<i>В. Д. Жуков</i>	
Развалины ансамбля дворцовых зданий в пригороде средневекового Термеза	169
<i>И. А. Сухарев</i>	
Комната XII века на площади II приамударьинской части городища Термеза	197
<i>В. Д. Жуков</i>	
Кирпич из развалин Старого Термеза	205

Цена 15 руб. 50 коп.